

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Соколова Ксения Андреевна

Структурно-семантические особенности фразеологизмов с
цветовым компонентом в западно-романских языках (на материале
испанского, французского и итальянского языков)

10.02.05 – Романские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических
наук, профессор Мед Н.Г.

Санкт-Петербург

2016

Оглавление

Введение	5
Глава I. Цвет как объект научного исследования в контексте развития человеческой культуры	
1.1. Феноменология цвета как объекта междисциплинарного изучения и особенности его восприятия человеком	14
1.2. Эволюция цветового символизма в философии и культуре	26
1.3. Цвет в языковой картине мира. Языковая и лингвоцветовая картины мира	42
1.4. Исследование цветовых номинаций в лингвистике	49
1.5. ЦО как компонент ФЕ	58
Выводы по главе	68
Глава II. Компаративные фразеологизмы с прилагательными цвета в романских языках	
2.1. Сравнение как логико-философская категория и объект лингвистического исследования	71
2.2. Структурно-семантические и функционально-прагматические особенности компаративных фразеологизмов с ахроматическим компонентом	77
2.2.1. Компаративные фразеологизмы с компонентом «белый»	78
2.2.1.1. КФ с компонентом «белый», выражающие мелиоративную (положительную) эстетическую и этическую оценку	81
2.2.1.2. КФ с компонентом «белый», выражающие пейоративную (отрицательную) эстетическую оценку	84
2.2.2. Компаративные фразеологизмы с компонентом «черный»	89
2.3. Структурно-семантические и функционально-прагматические особенности компаративных фразеологизмов с хроматическим компонентом	100
2.3.1. «Красный цвет»	100
2.3.2. «Желтый цвет»	105

2.3.3. «Зеленый цвет»	108
Выводы по главе.....	110
Глава III. Структурно-семантические особенности фразеологизмов с цветовым компонентом	
3.1. Классификации фразеологизмов с цветовым компонентом по семантическим признакам	116
3.2. Особенности семантики основных ЦО (белый, черный, красный, зеленый, синий, желтый) во фразеологии западно-романских языков	124
3.2.1. Белый цвет (исп. blanco, фр. blanc, ит. bianco) как основная составляющая цветовой триады.....	124
3.2.2. Черный цвет (исп. negro, фр. noir, ит. nero) как важнейший компонент цветовой триады.....	127
3.2.3. Красный цвет (исп. rojo, фр. rouge, ит. rosso) как дополняющий компонент «классической цветовой триады».....	131
3.2.4. Зеленый цвет (исп. verde, фр. vert, ит. verde).....	134
3.2.5. Синий / голубой цвет (исп. azul, фр. bleu, ит. azzurro/blu).....	138
3.2.6. Желтый цвет (исп. amarillo, фр. jaune, ит. giallo).....	140
3.3. Фразеологические единицы с другими ЦК.....	142
3.4. Фразеологические единицы испанского, французского и итальянского языков, содержащие несколько ЦК	152
3.5. Фразеологизмы символы	156
3.6. Структурное многообразие фразеологизмов с цветовым компонентом	159
Выводы по главе	163
Глава IV. Внутрязыковые и межъязыковые отношения в рамках цветовой фразеологической микросистемы	
4.1. Внутрязыковые отношения в рамках фразеологической микросистемы «цвет»	166
4.2. Межъязыковые отношения в рамках цветового фрагмента фразеологии	171

Выводы по главе	181
Заключение	184
Библиография	193
Приложение №1. Внутряязыковые фразеологические варианты	215
Приложение №2. Внутряязыковые фразеологические синонимы	219
Приложение №3. Внутряязыковые антонимы	227
Приложение №4. Внутряязыковые паронимы	229
Приложение №5. Межъязыковые фразеологические эквиваленты в трех языках	231
Приложение №6. Полные эквиваленты в двух языках	234
Приложение №7. Межъязыковые аналоги в трех языках	237
Приложение №8. Межъязыковые омонимы	242
Приложение №9. Межъязыковые паронимы	246

Введение

В исследовательских парадигмах последних десятилетий стал доминировать процесс антропологизации знаний, затронувший практически все сферы научного познания и выразившийся в стремлении осмыслить их через призму человеческого мировидения.

Цвет является объектом исследования многих наук: физиологии, психологии, истории, лингвистики, этнологии и др. Изучением цветовых представлений на разных уровнях их развития в культурах народов мира занимались В.И.Шерцль (1884), Б. Берлин, П. Кей (1969), В.Тернер (1983), Brusatin M. (2006), Pawlik J. (2007) и др.

Благодаря первичности чувственно-образной формы освоения мира и способности цвета влиять на физическое и эмоциональное состояние человека, он является константой культуры, древнейшей семиотической системой и важной частью картины мира, аккумулируя в себе существенный объем информации. Цвет становится для человека не просто объективной характеристикой предметов, но также и категорией морально-нравственной и эстетической, выражающей оценки, нормы и установки социума. Соответственно и цветообозначение приобретает статус сущностной характеристики, соотносится с семиотической, ценностной и философско-мировоззренческой картиной мира национальной культуры.

Древность возникновения цветовой лексики, наличие развитой системы цветообозначений в большинстве языковых систем, сложность их семантической структуры являются подтверждением важной роли цвета для познавательной деятельности человека. Цветовая лексика уже давно находится в сфере интересов лингвистов. Лексико-семантическая группа цветообозначений (ЦО) изучается лингвистами с разных позиций: собственно-лингвистической, психолингвистической и культурно-антропоцентрической, в результате чего данному фрагменту придается особый статус, как наиболее активному в плане семантической трансформации, с одной стороны, и наиболее ярко отражающему особенности национально-культурно-специфического мировосприятия – с другой.

Степень разработанности проблемы:

В лингвистической научной литературе рассматривались такие вопросы, как *состав цветообозначений, их семантическая структура* (Рахилина 2000, 2007, Макеенко 1999, Morgan 1993); *этимология и история цветовой лексики* (Бахилина 1975, Чекалина 1972, Норманская 2005, Василевич 2007, Клейнер 2008, André 1949, 1957); *цветообозначения в аспекте перевода* (Давидян 2007, Дубровина 1970); *функции цвета в художественном произведении* (Качаева 1968, Миассарова 2006, Соломина 1979, Манаков 1990, Яковлева 2009); *метафоры цвета* (Завьялова 2006, Козлова 2010); *символика цвета* (Тэрнер 1983, Миронова 1993, Серов 1995, Бережных 2006); *уровень развития цветовых представлений в культурах народов мира на разных исторических этапах* (Berlin V. Kay P, 1969 и др.); *цветообозначения в составе устойчивых сочетаний* (Кайбияйнен 1996, Бедоидзе 1997, Рогулина 2006, Ключева 1956, Зольникова 2009, 2010, Лопарева 2010, Охрицкая 2010, Szalek J. 2005). Многие работы посвящены анализу отдельных цветообозначений (Михайлова 1993, 1996, Иссерлин, 1951, Суровцова 1970, Алимбиева 1989). Значительные результаты достигнуты в изучении *лексики со значением цвета в области психолингвистики* (Фрумкина 2001, Василевич 2003, Белов 1988, Николаенко 1985, Петренко, Кучеренко 1988). Результатом внимания к фразеологическому уровню испанского, французского и итальянского языков явилось появление ряда исследований, связанных с изучением феномена цветообозначения [Chantraine de van Praag 1971, Mollard-Desfour 2008, Medina Montero 2010]. Фразеологические исследования цветового пласта лексики испанского [Рогулина 2006, Лопарева 2010, Охрицкая 2010] и французского [Ключева 1956, Давидян 2009] языков или в контрастивном сопоставлении с языками других семей производились неоднократно. Что касается итальянского языка, то исследования в этой области фразеологии в отечественном языкознании не осуществлялись. Сравнительно-сопоставительных исследований фразеологизмов с цветовым компонентом на материале трех романских языков (испанского, французского и итальянского) ранее не проводилось.

Цветообозначения (ЦО), выражая жизненно-необходимые понятия, играют немаловажную роль в возникновении ФЕ, а, следовательно, и в развитии всей фразеологической системы любого языка. Заключая в себе значительные эстетические возможности: семантическое богатство и способность к образованию новых, экспрессивно-образных значений, ЦО активно используются в процессе фразеологической номинации. Эти лексические единицы составляют значимый компонент многих ФЕ, так как цвет является одним из наиболее отчетливо выраженных признаков предмета, и ни один объект окружающего человека мира не существует вне цвета, а цветовые характеристики являются необходимым элементом визуализации окружающего пространства.

Настоящая диссертационная работа посвящается исследованию ФЕ испанского, французского и итальянского языков, в состав которых входят словарные единицы, выражающие понятия цвета. В связи с этим первостепенную важность и актуальность приобретает сравнительно-сопоставительный подход к исследуемому материалу, позволяющий глубже раскрыть семантику и функциональное своеобразие ЦО в каждом из сопоставляемых языков, а также необходимость изучения природы цветового компонента (ЦК) ФЕ с учетом национально-культурных особенностей в восприятии и интерпретации цвета.

Все вышеизложенное с учетом возрастающего интереса лингвистов к фразеологической семантике обуславливает **актуальность исследования**.

Научная **новизна исследования** определяется тем, что до настоящего времени еще не было предпринято специальных исследований по описанию цветового микрофрагмента фразеосистемы на материале трех близкородственных языков (испанского, французского и итальянского).

Предлагаемый подход органично объединяет исследование цветообозначений в диахронно-синхронном взаимодействии, с одной стороны, включая древнейшие архетипические, психологические, мифологические и символическо-религиозные представления, а с другой - современные ассоциации.

В нашем исследовании данная тема рассматривается на основе фразеологических микросистем испанского (пиренейский вариант), французского и итальянского языков. Латиноамериканские варианты испанского, также как и варианты французского языка Бельгии и Канады в нашем исследовании специально не рассматриваются, за исключением некоторых единиц, приводящихся в качестве иллюстративного материала и при цитировании научных источников.

Объектом исследования являются ФЕ, содержащие компонент ЦО, собранные методом сплошной выборки из словарных источников испанского, французского и итальянского языков.

Анализируются ФЕ с прилагательным цвета, а также субстантивированным адъективным компонентом в независимости от степени семантической слитности компонентов ФЕ, способа фразеологизации, временной характеристики, стилистической окраски и принадлежности к тому или иному речевому регистру. Во внимание не принимается также степень узуальности в речи той или иной единицы. В качестве дополнительного иллюстративного материала привлекаются также некоторые пословицы и поговорки, содержащие в своем составе ЦО с целью более полной репрезентации цветовой фразеологической картины мира исследуемых лингвокультур.

Предметом исследования является семантика и структура фразеологических единиц, репрезентирующих понятие «цвет» в романских языках с точки зрения его универсальности и национально-идиоэтнического своеобразия.

Материалом исследования послужили 28 словарей, включая двуязычные отечественные лексикографические источники, такие как испанско-русский, французско-русский, итальянско-русский фразеологические словари, а также моноязычные словари рассматриваемых языков. Также в работе используются он-лайн словари и справочники. Всего собрано и проанализировано 1027 ФЕ, включая компаративные фразеологизмы.

Теоретико-методологическими основами исследования являются: труды по *лексической семантике и этимологии* (В.Ю. Апресян, Н.Б. Бахилина, В.С. Виноградов, Г.В. Колшанский, В.Г. Кульпина, А.Г. Назарян, Г.Г. Соколова, Т.М. Ушакова, Е.М. Чекалина, Berlin В, Kay Р., А. Wierzbicka и др.), *психолингвистические исследования* (А.П. Василевич, Т.Ю. Светличная, Р.М. Фрумкина), труды по *лингвокультурологии* (К.В. Абазова, В.А. Маслова, С.Г. Тер-Минасова) и *фразеологии* (И.Е. Аничков, Е.Ф. Арсентьева, Д.О. Добровольский, Н.Н. Кириллова, А.В. Кунин, Н.Н. Курчаткина, Д.Г. Мальцева, Н.Г. Мед, Т.П. Никитина, А.В. Супрун, В.Н. Телия, Т.З. Черданцева и др.), работы по *символике и психологии цвета* (Б.А. Базыма, В.В. Кучеренко, Л.Н. Миронова, В.Ф. Петренко, Н.В. Серов, В.У. Тэрнер, П.В. Яньшин и др.).

Методологическая основа диссертации определяется также характером самого объекта исследования: лексический анализ фразеологических единиц с компонентом-цветообозначением сопровождается лингвокультурологическими комментариями в области материальной культуры. В ходе обработки материала применяется комплексная методика, основывающаяся на сравнительно-сопоставительном, лексико-семантическом и описательном методах исследования с привлечением лингвокультурологического, компонентного и контекстологического анализа, учитываются этимологические данные и проводятся количественные подсчеты.

Цель исследования заключается в определении роли цветообозначений в цветовой фразеологической картине мира, описание цветового фрагмента фразеологии как микросистемы, составляющей часть фразеологического фонда трех романских языков, выявлении универсальных черт и национально-культурной специфики в структуре, семантике и функционировании цветообозначений в составе ФЕ.

Цель данного исследования определила постановку *следующих задач*:

1) характеристика различных научных подходов к проблеме цвета и цветообозначений.

- 2) рассмотрение различных аспектов проблемы цвета как культурного, социального и семиотического феномена на материале исследований отечественных и зарубежных авторов.
- 3) выявление особенностей цветового символизма на различных этапах этнолингвистического и культурного развития.
- 4) определение роли ЦО в процессе формирования национальных картин мира.
- 5) рассмотрение ЦО как важной составляющей фразеологической номинации и как ресурса для образования фразеологической микросистемы в романских языках.
- 6) представление (на основе лексикографических источников) по возможности наиболее полного перечня ФЕ с цветовым компонентом в испанском, французском и итальянском языках.
- 7) описание компаративных фразеологизмов и выявление универсальных и национально-специфичных цветовых прототипов.
- 8) систематизация и классификация ФЕ с цветовым компонентом с учетом роли компонента ЦО при формировании значения фразеологизма.
- 9) проведение сопоставительного анализа переносных (вторичных) значений ЦО в составе ФЕ
- 10) этимологический анализ и попытка установления мотивированности некоторых ФЕ с цветовым компонентом.
- 11) анализ ФЕ с цветовым компонентом с точки зрения внутриязыковых и межъязыковых отношений в рамках цветовой фразеологической микросистемы.
- 12) проведение комплексного анализа семантики и структуры ФЕ, включающих в себя компонент ЦО.

Гипотеза данной работы определяется *положениями, выносимыми на защиту*:

- 1) Являясь одним из базовых элементов культуры, цвет и, соответственно его языковое воплощение, отражающееся в ЦО в трех исследуемых языках, представляют собой знаки большой смысловой емкости, отражающие универсальные и национально-специфические особенности.

2) Семантическая структура значения того или иного цветообозначения представляет собой многоуровневую структуру. Семантический диапазон всех цветообозначений любого языка включает как положительные, так и отрицательные коннотации, в основании которых лежат архетипические представления о цвете, обусловленные первичными ассоциациями и опытом его переживания человеком, а также естественно физиологически-обусловленные значения.

3) Универсальность переносных смыслов цветообозначений во фразеологических микросистемах анализируемых языках основывается на совпадении глубинных уровней понимания и интерпретации цветового феномена. - Универсальной характеристикой цвета является его высокая оценочность во всех анализируемых языках. Обладая способностью обозначать разнообразные мыслящиеся и материальные объекты и явления окружающего мира, как природные, так и являющиеся следствием человеческой деятельности, своими номинациями он отражает многообразие положительных и отрицательных эстетических, этических и эмоциональных оценок и характеристик человека и понятий, так или иначе с ним связанных.

4) Для выражения базовых ассоциаций и символических значений, которые также представлены во всех исследуемых лингвокультурах, используются ядерные ЦО – некий цветовой образ, пятно, содержащее в себе все многообразие оттенков и охватывающий все семантическое поле того или иного цвета. Следствием этого и является амбивалентность и энантиосемия ЦО. Однако, если во фразеологизмах обособленно выделяется периферийная цветолексема, входящая в семантическое поле того или иного ЦО, но не являющаяся его ядром, то такая лексема в составе ФЕ имеет ярко выраженную национально-культурную специфику.

5) По семантической структуре можно выделить: 1) полностью мотивированные ФЕ, в которых цветовая номинанта выступает в своем исходном хроматическом или ахроматическом значении, 2) ФЕ, в которых ЦО используется в одном из характерных ей переносных значений. Эти единицы представляются частично мотивированным и употребление в них той или иной цветовой номинанты является понятным и объяснимым на уровне синхронии, 3) ФЕ, в которых переносное значение отдельно взятого компонента ЦО не выводимо, 4) ФЕ, в которых цветовая характеристика неотделима от определяемого объекта и является присущей ему перманентно, или может быть ему присущей как одна их цветовых характеристик, 5) ФЕ, в которых цвет не играет существенной роли, т.е. служит интенсификатором, но не является релевантным при формировании значения ФЕ. В некоторых случаях употребление ЦО рассматривается как факультативное и может: а) опускаться, б) заменяться на другое прилагательное цвета, с) заменяться на прилагательное, не выражающее цветовую семантику

б) Наибольшей продуктивностью, полисемантичностью и широкой фразеологической сочетаемостью практически со всеми цветовыми компонентами являются глаголы, называемые по емкому определению В. Байнхауэра «*Verba omnibus*» типа исп. «*hacer, poner*», а также их французские и итальянские аналоги («*faire / fare*», «*mettre, rendre / mettere*»). Это же характерно и для ФЕ, предикатный элемент которых выражен статическими, экзистенциальными и поссесивными глаголами, а также глаголами чувственного восприятия.

7) ФЕ с компонентом цветообозначением составляя существенный пласт фразеологии испанского, французского и итальянского языков, представляют микросистему, объединенную семантикой цвета, компоненты которой вступают между собой во внутриязыковые и межъязыковые фразеологические отношения полной и частичной эквивалентности, синонимии, омонимии и антонимии.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что она вносит определенный научный вклад в исследование общего и частного во фразеологии близкородственных языков, а также в системное изучение фразеологического фонда языка посредством исследования единиц, объединенных наличием семантически однотипного компонента. Предлагается структурно-семантическая классификация ФЕ с цветовым компонентом, возможно применимая и при изучении фразеологических микросистем других как близкородственных, так и генетически неродственных, структурно-различных языков. Данное исследование дает материал для дальнейших теоретических обобщений, выявления глубинных сходств и различий между языками.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что её выводы и результаты могут быть использованы в теоретических курсах по сопоставительной лексикологии и фразеологии романских языков, сравнительной типологии а также применены в практической сфере преподавания романских языков. Рассмотренный в работе фразеологический материал может послужить базой для составления фразеологического словаря цветообозначений романских языков.

Структура исследования определена особенностями объекта исследования, а также поставленными целью и задачами. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии, списка словарей, цитируемой художественной литературы, интернет-ресурсов и приложения.

Глава I. Цвет как объект научного исследования в контексте развития человеческой культуры

1.1. Феноменология цвета как объекта междисциплинарного изучения и особенности его восприятия человеком

Существенную часть возможностей чувственного и, в частности, зрительного восприятия человека составляет способность различать цвета. Весь сложный комплекс явлений, сопровождающий нас повсеместно, объединяется одним простым, лаконичным понятием «цвет». Древние египтяне понятие «цвет» обозначали как и понятие «бытие» одним и тем же словом. Цвет для них значил, таким образом «бытие», «существование» [Pagani 2001: 178].

Являясь неотъемлемым компонентом материального мира, цвет окружает нас повсюду, проявляясь как одно из элементарных и одновременно наиболее значимых зрительных ощущений. Как отмечает В.Н. Клюева, «... цветовые ощущения включаются в общую систему зрительных ощущений, ... которые делятся на две группы: ощущения неокрашенных цветов (ахроматических), таких как белый, черный, серый с их оттенками, и ощущения окрашенных (хроматических) цветов, таких как красный, зеленый, синий, голубой и т.д. Отличия между ними сводятся к отличиям по цветовому тону, светлоте и насыщенности. Ахроматические цвета цветового тона не имеют. Отличия в светлоте – это отличия по степени близости какого-нибудь цвета к белому. Насыщенность – это видимая степень заметности цветового тона в хроматическом цвете» [Клюева 1956: 3].

Само понятие цветового тона связано с именем английского исследователя А. Манселла, который в начале XX в. распределил все возможные оттенки цвета по пяти основным тонам (красный, жёлтый, зелёный, синий и фиолетовый) [Клейнер 2008: 247]. При этом первые четыре первичных хроматических тона были подразделены на «тёплые» (красный и жёлтый) и «холодные» (синий и зелёный) [Клейнер 2008: 247]. Также было установлено, что в «тёплых» тонах глаз видит больше светлых оттенков, чем в холодных, что впоследствии

подтвердилось Ж. Андре на материале латинского языка (28 красных, 21 жёлтых, 9 зелёных и 8 синих обозначений соответственно). При этом «тёплые» оттенки разных тонов могут смешиваться [там же]. Ср., например, лат. *flavus* «огненного цвета, золотисто-жёлтый, жёлтый, румяный» [ЛРС: 431]. То же отмечается для однокорневого прилагательного *fulvus* (также связанного с глаголом *fulgere* «сверкать, блестеть»): «красно-жёлтый, тёмно-жёлтый, рыжий» [ЛРС: 445]. Подробнее об этом см. [Клейнер 2008].

Как уже давно установлено, способность зрения различать цвета позволяет человеку наиболее полно познавать окружающий мир. Обладать цветовым зрением – это, по существу, значит иметь возможность получать и перерабатывать большое количество информации о внешнем мире. Е.В. Рахилина полагает, что цвет служит для того, чтобы отличить один предмет физического мира от другого ему подобного. Эта «различительная» функция особенно проявляется в тех случаях, когда объекты существуют в большом количестве экземпляров, то есть цвет становится с языковой точки зрения релевантным и может быть описан языковыми средствами [Рахилина 2000].

Цветовое восприятие объектов материального мира является одним из главных аспектов познавательной деятельности.

Цвет в восприятии человека имеет настроение, теплоту, глубину и образ. Неоспорима и способность эмоционального воздействия цвета на психику человека» [Исаев 2006: 3-4]. Кроме того, чем бы ни был цвет в природе, человеческому сознанию он является как образ и как представление. О связи цветов с идеями (образами) Платона и архетипами Юнга писал R.L. Rousseau [Rousseau 1959: 13].

Трудно обозначить сферу человеческой жизнедеятельности, в которой не присутствовал бы цветовой фактор. Мы говорим, например, «красочная» жизнь, противопоставляя ей жизнь «серую» [Кравков 1951: 6].

По мнению В.Г. Кульпиной, «цвет может существовать в нашем сознании как таковой, сам по себе. Слова «красный», «синий», «оранжевый» вызывают в нашем сознании «образ цвета» - некое цветовое пятно. В то же время в

окружающем нас мире цвет не существует вне цвета конкретных объектов. Он всегда привязан к какому-либо типу/классу объектов и не существует как самостоятельный денотат» [Кульпина 2001: 8], а представление о нем как свойстве объектов окружающей действительности формируется у человека на основе многолетнего личного зрительного опыта.

Ошибочное представление о цветах, которыми человек окружен с самого рождения, говорит об особенностях восприятия окружающего мира. Известный когнитивист Дж. Лакофф придерживается той точки зрения, что цвета в объективном мире вообще нет. По его мнению, цвет – это субъективная, несуществующая в природе категория: «...было бы ошибочным утверждать, что присущие человеку категории объективно существуют «в мире», внешнем по отношению к человеческим существам. По крайней мере, некоторые категории воплощены. Например, цветовые категории детерминированы одновременно и объективным материальным миром, и особенностями биологии человека, и человеческим мышлением, и культурными факторами» [Лакофф 1996: 166].

Этой же мысли, разделяя физические и биологические характеристики цвета,

придерживаются И. Рок и Ч.А. Измайлов [Рок 1980; Измайлов 1989: 15]¹.

При объяснении феномена цвета определяющим становится следующее: в окружающем человека, объективно существующем мире, имеются волны определенной длины, но некоторые из них становятся цветными лишь благодаря человеческому зрению (наряду с другими органами чувств, существующими в человеческом восприятии). Различные патологии зрения, и в частности дальтонизм (цветовая слепота), также существующие *объективно*, подтверждают данное положение. О субъективном мы могли бы говорить в случаях появления *прагматической необходимости* (ср. субъективную способность «*видеть белое черным*» и наоборот). В этом случае речь идет о сознании, как о высшем проявлении мыслительной (когнитивной) деятельности человеческого субъекта. Таким образом, невозможно исключить того, что один и тот же цвет, преломляясь в сознании двух индивидов, осмысливается ими по-разному, и, следовательно, может находить в речи разные средства выражения.

Как отмечает В.А. Маслова, «во все времена ученые бились над разгадкой проблемы цвета. Последние исследования в этой области показывают, что за цвет

¹ Как представляется, такие характеристики цветового восприятия являются в достаточной мере радикальными, поэтому полностью согласиться с точкой зрения, которую постулируют вышеуказанные ученые нельзя. Так, давно установлено, все виды чувственного восприятия – зрение, слух, вкус, запах - *объективны* вне зависимости от самого человека, *субъекта восприятия*. [ХИП, 89-90]. Так, например, известно, что в точном (объективном – К.С.) эксперименте, проведенном в рамках теории гештальтов, «обнаружилось, что вопрос, вижу ли я два цвета или один цвет, зависит от структурных и других условий целого – поля. При одних и тех же раздражителях можно получить полностью одинаковые цвета, однородные – в случае таких определённых структурных условий целого, которые оказывают влияние на единство раздражителей; при других структурных условиях целого, которые оказывают влияние на разъединение, на разделение этого целого, мы видим (объективно – К.С.) два различных цвета» [Вергеймер 1980: 89-90]. Субъективной, как следует полагать, может быть только следующая ступень, связанная непосредственно с познанием, когнитивным осмыслением окружающего нас мира, с процессом мыслительной деятельности, рефлексией над действительным миром (ср., например, конкретное (восприятие) → абстрактное (мысль)). Об этом также свидетельствует сама градация лексических единиц, обозначающих чувственное восприятие, которые, в свою очередь, могут быть объективными и субъективными. Здесь можно привести в пример некоторые глаголы чувственного восприятия: исп. *oir – escuchar, ver – mirar*, а также существительные: *вид – взгляд*. Безусловно, только субъективным является и весьма своеобразное видение цветов в рамках звукового (фонетического) символизма, о котором речь пойдёт ниже.

отвечает у человека 10 пигментных генов, составляющих определенный набор - у каждого свой, поэтому два человека могут смотреть на один и тот же предмет, но воспринимать его цвет по-разному. А наблюдения над людьми со стойкими поражениями головного мозга обнаружили, что понятия о цветах, слова, выражающие эти понятия, и связь между понятиями и словами зависят от разных его систем. Это и объясняет, почему существуют различия в реакциях на цвет в разных культурах (например, «зеленое» в США - безопасность, а во Франции - преступление; белый цвет у китайцев - символ траура, печали, а у европейцев эти функции выполняет черный цвет). Следовательно, цветовой язык человека ментален по своей природе. *За цветом люди видят смыслы»* (курсив наш – К.С.) [Маслова 2001: 105]. В этом случае мы снова можем прийти к заключению не об объективации зрительного процесса, но об объективации *этнического характера*. Подробнее о взаимодействии полушарий человеческого мозга в процессе восприятия и обозначения цвета см. [Николаенко 1985].

Особую проблему составляет вопрос о градации цвета в рамках различных научных дисциплин: в естественных и гуманитарных науках она различна. До сих пор изучение проблематики цвета не имеет общей концепции.

В рамках *физиологического* подхода принято говорить о том, что цвет обладает тремя параметрическими характеристиками, – тоном, яркостью и насыщенностью, которые человек различает при воздействии световой волны определенной длины на зрительные рецепторы, которые, собственно, и вызывают ощущение цвета.

«Физически цвет может мыслиться отдельно от языка лишь в случае его измерения с помощью физических величин и параметров. Если цвет выражается терминами естественного языка, он является категорией антропологической» [Кульпина 2002: 1]. Имеющая большое теоретическое и прикладное значение естественнонаучная парадигма познания цвета, является доминирующей для понимания цвета в современной западноевропейской культуре (химия красок, цветная фотография, цветное телевидение и т.п). Вместе с тем, при всех своих преимуществах, эта парадигма обладает рядом недостатков и ограничений, так

как в естественнонаучной парадигме человек сводится до уровня «биологического организма в среде», в результате чего цвет трактуется как «вещный» феномен, лишенный ценностно-смыслового значения для человека «Эти ограничения естественнонаучной парадигмы познания цвета, вкупе с возникновением и успехами гуманитарных наук, ... обусловили формирование новой – гуманитарной – парадигмы познания цвета, в рамках которой «феномен цвета в гуманитарной парадигме рассматривается в трех различных, но тесно взаимосвязанных семиотически-функциональных аспектах в жизни человека: импрессивном, экспрессивном и символическом» [Исаев 2006: 12-15].

Достоинство гуманитарной парадигмы познания цвета состоит в том, что ее аксиологическая ориентация на благо человека определяет гуманитарно-практическую ценность исследований: данные о *воздействии цветов на человека* находят свое применение в медицине (свето- и цветотерапия), гуманитарные знания о цвете стали использоваться в дизайне, рекламе, архитектуре. «Трудно назвать такую область культуры, где цвет не играл бы более или менее существенной роли» (курсив наш – К.С.) [Миронова 1993: 172]. Многие явления культуры не могут быть поняты без учета значения цвета. О том, что концептуализация цвета имела место уже в языках и *культурах*, находившихся на ранних стадиях своего развития, см. [Жаркынбекова 2004; Тэрнер 1972]. О социальной значимости цветонаименований см. [Байрамова 2004; Кравцова 2009].

Именно способность цвета выступать одной из основных категорий культуры, «фиксирующей уникальную информацию о колорите окружающей природы, своеобразии исторического пути народа, взаимодействии различных этнических традиций, особенностях художественного видения мира» [Жаркынбекова 1999: 109] определяет его особую значимость как средства номинации в процессе формирования ФЕ, исследованию которых на материале трех романских языков (испанского, итальянского и французского) и посвящена наша работа.

Как пишет А. Вежбицкая, «цвет выступает в качестве содержательного элемента культуры, с помощью которого можно охарактеризовать,

систематизировать предметы, социальные установки и нравственно-эстетические понятия. Такие слова, как blue, aoī (японское) или niebieski семантически связаны с концептом ‘цвет’, но они не одинаковы по значению, потому что диапазон употребления — у каждого слова свой. Niebieski относится только к светло- или средне – синим цветам, а не к очень темно-синим (которые по-английски все равно называются blue)» [Вежбицкая 1996: 257].

Вопрос о цвете и цветообозначениях (ЦО) входит в проблематику многих гуманитарных наук, таких как, например, этнология и психология [Василевич 1982; Белов 1988; Базыма 2005; Яньшин 1996].

Особенно ценным и весомым в исследовании цвета и цветовой семантики является вклад, внесенный учеными-языковедами, а также исследователями, работающими в области смежных с языкознанием дисциплин – этнолингвистики и психоллингвистики [Соколов, Вучетич, Измайлов 1984; Василевич 1987; Фрумкина, Михеев, Терехова 1982; Фрумкина 1984]. В этом нет ничего удивительного: ЦО представляют собой одну из наиболее интересных для исследования тематических групп слов в языках различных семей. О семантике цвета в разноструктурных языках см. [Макеенко 1999]. Истоки различий и сходств при образовании наименований цвета в языках индоевропейской семьи см. [Рахилина 2007] и, в частности, романских, в которых существенным оказалось не только развитие латинских этимонов, но и действие германского суперстрата [Mollard-Desfour 2008]. Термины ЦО в основном языке – источнике романских языков – латыни исчерпывающе исследованы Ж. Андре [André 1949; 1957]. История и структурно-семантические особенности лексем цветообозначения в отдельных индо-европейских языках рассматриваются в [Бахилина 1975; Алимпиева 1986; Кукушкина, Гайдукова 2009; Corbett 1988, Morgan 1988].

Особый интерес для нашей работы представляют исследования, посвященные сопоставлению ЦО в романских языках (см., например, [Давидян 2009; Arcaini 1993; Kristol 1978; 1994]), а также с русским языком [Бережных 2009; Morgan 1993]. В самих романских языках наиболее последовательное

изучение семантического и структурного (как морфологического, так и синтаксического уровней) цветовых терминов осуществлено в испанском. Так, Л. Рельо проводит своё исследование на основе деривационного анализа ЦО, уделяя особое внимание семантическим оттенкам аффиксации [Rello 2009]. В основе аналогичной работы А. Фабрегаса Альваро [Fabregas Alvaro 2000] лежит главенствующее для когнитивной лингвистики положение о семантических примитивах А. Вежбицкой [Wierzbicka 1990]. Синтагматические особенности адъективных синонимов, обозначающих красный цвет, освещены в [Skultéty 1982]. Заслуживает внимания и лексикографическое исследование И. Боске [Bosque 1982]. Что касается структурного уровня, то здесь следует отметить исследование синтаксической комбинаторики испанских прилагательных, обозначающих цвет, осуществлённое в сопоставлении с французскими [Gómez Fernández 1999]. Во французском языке проблематикой ЦО занимались [Чекалина 1972; Масленникова 1973].

«В лингвистике существует шесть основных подходов к изучению цветообозначений: исторический, лексико-семантический, грамматический, когнитивный, функциональный, сопоставительный» [Яковлева 2009: 1].

В рамках *функционального подхода* осуществляются многочисленные исследования, посвященные описанию функционирования ЦО не только в живописи, но и в художественных текстах. Внимание исследователей здесь концентрируется на том, что цветопись является одним из неотъемлемых элементов идиостиля того или иного автора. Речь, собственно, идет об идиостилевом семантическом поле «цвет», которое, репрезентируя индивидуально-авторские цветовые концепты и их организацию, составляет совокупность всех языковых единиц, способных передавать цветовую семантику художественного произведения. Кроме того, колоронимы помогают авторам раскрывать идею произведения, создают определенный эмоциональный настрой. ЦО могут рассматриваться, таким образом, как интенсификаторы выразительности и изобразительности речи и соотноситься с рядом тропов и стилистических фигур, являющихся актуализаторами *прагматики* высказывания,

в которой реализуется, собственно, субъектная составляющая языка. Так, вопросом изучения цветоцветовой концептосферы на материале художественных текстов М. Пруста и А. Белого посвящено диссертационное исследование Э.Р. Миассаровой [Миассарова 2006] см. также работы [Манаков 1990; Маренко 2010]. Особенности семантики черного цвета в испаноязычной прозе (роман Р. Валье-Инклана «Тиран Бандерас») были рассмотрены Н.К. Соломиной [Соломина 1979]. ЦО в поэтическом тексте (на материале произведений Ф.Г. Лорки) исследовались в [Дубровина 1970].

Исторический подход используется в работах: [Иссерлин 1951; Бахилина 1975; Василевич, Кузнецова, Мищенко 2008; Норманская 2005 и др.]. Он предполагает исследование истории отдельных слов и групп слов, называющих цвет, изучение процесса формирования групп колоронимов, а также их состава в тот или иной период развития языка.

В рамках *лексико-семантического подхода* [Алимпиева 1986; Качаева 1968 и др.] ученые обращают внимание на современное состояние системы цветообозначений. Так, в частности, рассматриваются процессы развития семантической структуры отдельных цветов, формирование дополнительных к основному образных, символических значений у колоронимов, становление лексико-семантических групп цветковых слов. Это позволяет на основании общности значений распределить цветковые слова по группам, а также выявить ЦО, употребленные в художественной речи в прямом и переносном значении.

Грамматический подход предполагает рассмотрение морфологических и синтаксических особенностей ЦО. Данные сведения содержатся в работах: [Даунене 1966; Кайбиянен 1996 и др.]. Здесь важно обратить внимание на способы языкового оформления ЦО в тексте с целью выделения среди них наиболее частотных и прагматически значимых. Не менее существенным здесь является знание морфологической, синтаксической специфики указанной группы слов, позволяющее в некоторых случаях определить, в *какой* образной функции имеет место конкретная реализация того или иного колоронима.

Когнитивный подход [Вежбицкая 1996; Рахилина 2000 и др.], тесно

связанный с семантическим, и вводит исследователей в круг проблем *ментальной* осмысленности цвета и позволяет вскрыть специфику воздействия языковых единиц на читателя.

Сопоставительный подход, положенный в основу работ [Кульпина 2001; Макеенко 1999; Светличная 2003 и др.], позволяет получить информацию о сходстве или различии цветовых спектров разных языков, о национально-специфических, лингвокультурных особенностях колоронимов, о понятийных моделях видения мира, моделях интерпретации мира в отдельных языках. В этом случае можно говорить о продолжении когнитивного подхода и о связи с кругом вопросов, касающихся межкультурной коммуникации.

В современном языкознании используются различные термины для обозначения слов и выражений со значением цветовых оттенков. Особый интерес в данном вопросе для нас представляет статья Д.Н. Борисовой [Борисова 2008]. Автором был проведен анализ работ по исследованию слов и выражений, обозначающих цветовые оттенки в различных языках, выделено пять тенденций в терминологическом описании лексических единиц с компонентом цвета и унифицированы разнообразные способы терминологической номинации в данной области.

Первая тенденция, по мнению исследователя, характеризуется употреблением понятия «ЦО». Этот термин является самым распространенным в большинстве исследований: [Бахилина 1975; Тэрнер 1983; Вежбицкая 1996; Кульпина 2001; Тер-Минасова 2000; Корнилов 2003; Полякова 2009 и др.]. Применение понятия «цветообозначение» понимается Д.Н. Борисовой не как результат – конкретное слово или словосочетание, - а как собственно процесс. «ЦО - это процесс обозначения цвета в языке, т.е. различные способы номинации цветовых оттенков» [Борисова 2008: 34]. Данное направление характеризуется различными способами словообразования: обозначение цветов с помощью прилагательных (красный), существительных (синева), глаголов (посинеть) и других частей речи; обозначение цветовых оттенков с помощью префиксов и

приставочных слов (синий-пресиний), суффиксов (сероватый); сложения основ (сине-черный); с помощью сочетаний двух слов (цвета земляники);

Вторая тенденция основывается на анализе материала, посвященного стратификации существенных понятий («имя цвета» и «цветонаименование»), которые рассматриваются в работах [Фрумкина 1984; 2001; Михайлова 1994 и др.]. Исследовав данный термин, Д.Н. Борисова пришла к выводу о том, что «понятие имени относится либо к грамматическому разделу языкознания (учению о частях речи), либо к ономаσιологическому разделу (процессу номинации). С грамматической точки зрения термин «имя цвета» неправилен, но в номинативном аспекте данный термин можно использовать только при изучении базовых названий цветов ... Если говорить о периферийных, или неосновных названиях цветов, то здесь процесс номинации идет по определенным моделям (например, метафорического переноса: цвета морской волны, англ. iceberg white), т. е. налицо процесс вторичной номинации» [Борисова 2008: 35]. В этом случае, по мнению лингвиста, понятие «имя цвета» неприменимо.

В работах третьего направления можно отметить использование для отечественного языкознания выражения «цветовой термин», «термин цвета» (“colour term”), впервые появившегося в работе английских ученых Б. Берлина и П. Кея «Базовая цветовая терминология» [Берлин, Кей 1969] к анализу которого мы обратимся ниже. При рассмотрении работ отечественных лингвистов выявлено, что данное выражение употребляется как синоним к понятию «цветообозначение». Так, в частности, в [Вендина 1999]; [Кульпина 2001] Д.Н. Борисова предполагает, что данное понятие в русском языке является калькированным лингвистическим термином. Рассматривая указанные термины, Д.Н. Борисова ставит вопрос о существовании «терминосистемы цвета», в которую входят «термины цвета» [Борисова 2008: 36]. Указывая на колористику как на науку, изучающую и объясняющую явления цвета, исследователь использует термины «цвет», «цветовой тон», «насыщенность», «контраст», «колорит», «смешение цветов» и т.д. В колористике не существует конкретного «термина цвета», а понятие «название цвета» является лишь определением

цветового оттенка и применяется также и в других областях науки и производства. Таким образом, по мнению Д.Н. Борисовой, выражение «термин цвета» является неприемлемым².

Четвертая тенденция связана с употреблением вместо конкретного термина описательных выражений типа «наименование с цветовым компонентом», «название цвета», «прилагательное со значением цвета», «цветовое прилагательное» (см., например, [Рахилина 2000]). Как полагает Д.Н. Борисова, данные выражения допустимы как синонимы термина «колороним» в целях избежания тавтологии при написании научных работ.

Введение терминов «колороним» (лат. *color* «цвет» + греч. *оним* «имя») и «окказионализм-хроматоним» (от греч. *chroma* «цвет» + *оним* «имя») было обусловлено попыткой создания и внедрения конкретных терминологических единиц. По мнению Д.Н. Борисовой, латинский термин «колороним» более удачен, чем греческий «хроматоним», поскольку он может быть применен для обозначений названий любых цветовых оттенков (в том числе и ахроматических); «... остальные описательные выражения могут быть использованы как

² Правильность этого мнения может быть подтверждена анализом самой лексемы «цвет», который осуществил в специальной монографии «Теория цвета» немецкий лингвист И. Павлик [Pawlik 2007]. «Цвет» - ёмкое, комплексное понятие и предполагает следующую многогранную стратификацию: а) цвет вообще, б) цвет как специфическое хроматическое явление, с) цвет как цветовой класс, d) цвет как цветовой тип, е) субстанциональный / живописный цвет, f) цвет предмета, g) цвет как смешение цветов, h) цвет как графический элемент [там же: 16]. Кроме того, детализируя названия цветов, И. Павлик выделяет феноменологические названия (1), названия, установленные художниками (2), названия, установленные производителями (3) и субстанциональные названия (4) [там же: 17]. При определении качества или класса цвета релевантным становится понятие «насыщенность», а при определении тона цвета – указание на его оттенки [там же]. Не менее значимым для феноменологии цвета является выявление основных, начальных и вторичных цветов, цветов спектра, чистоты цвета, дополнительных цветов (Ср. исп. *gris pegrusco* «черноватый серый», *negro grisáceo* «сероватый чёрный»), разделение реальный / оптический цвет и, наконец, определение понятия «цветовая семья» [там же: 20-22]. См. также [Renner 1947: 8]. Попутно отметим, что возможность обозначения «дополнительных» цветов, о которой пишет И. Павлик, может присутствовать в семантике однокомпонентных лексических единиц. Ср. лат. *pullus* «тёмно-серый, тёмно-зелёный» [ЛРС: 834], а также *flavus* «золотисто-жёлтый» и *fulvus* «красно-жёлтый», о котором уже говорилось выше.

синонимичные во избежание тавтологии» [Борисова 2008: 36]. В их числе такие термины как «цветообозначение», «слово-цветообозначение», «цветонаименование» и некоторые другие, являющиеся терминами-заменителями. Само латинское существительное *color* «цвет», ставшее основным термином для обозначения этого явления в большинстве европейских языков, этимологически связано с глаголом *celare* «скрывать, утаивать, прятать» [ЛРС: 157], восходящего к индоевропейскому корню *kel-*, рефлекс которого отмечаются также в греческом (ср. апокалипсис, эвкалипт), германских и в кельтских языках [Mollard-Desfour 2008: 30].

В своем исследовании мы используем термин ЦО, так как, он, как было отмечено Д.Н. Борисовой, является наиболее удачным и распространенным в исследовательских работах, посвященных цветовой тематике.

Таким образом, как показал анализ теоретического материала по проблемам изучения ЦО, лингвистика цвета как самостоятельная научная дисциплина имеет собственную прочную теоретическую и методологическую базу. Солидаризуясь с мнением В. Г. Кульпиной, подчеркнем, что «концепция лингвистики цвета как самостоятельной научной парадигмы в современном языкознании приобретает все более конкретные черты» [Кульпина 2002: 7].

1.2. Эволюция цветового символизма в философии и культуре

Обращаясь непосредственно к вопросу о *символике цвета*, прежде всего, следует отметить, что она восходит к древнейшему периоду существования человека (*homo sapiens*), жившего в Верхнем Палеолите и создавшего благодаря использованию цвета первые произведения искусства [Иттен 2001]. Она возникла в те времена, когда человек научился добывать и применять природные краски. Как показывают последние исследования в археологии, красящие вещества (*colorantes*) имели особое символическое значение в первобытной среде ещё до периода, знаменовавшегося появлением первых следов художественной деятельности палеолитических обитателей (неандертальцев) Пиренейского полуострова [Alvar 2004: 18].

Цвет используется не только как символ, но и как знак, за которым закрепляется определенное содержание, он становится удобной формой передачи информации, коммуникативным средством. О феномене цвета как об одной из проблем современной семиотики см. [Фрумкина 1978].

По мнению К. Пагани, хроматические ощущения связаны не только со зрительным восприятием, но затрагивают «ментальный уровень и уровень воображения». «Язык» цвета составляет «особый символический язык» [Pagani 2001: 175].

«Цвет вызывает у человека не только физиологические и эстетические реакции, но также и интеллектуальную рефлексю: пытаясь осмыслить действие цвета, человек объективирует его, то есть для него цвет – носитель некоторого сообщения, подобно тому, как слово – носитель какого-либо смысла. Так возникает «язык цвета» - своего рода знаковая система, к изучению которой применима методология семантики» [Миронова 1993: 15]. Проблема цветового символизма, начало изучения которой приходится на конец XIX столетия, является одной из центральных при изучении взаимосвязей между цветом и психикой. О цветах как о знаках любви (например, в одежде) говорится в итальянском трактате Фульвио Пеллетрино Морато «Значения цветов» («Il significato dei colori»), появившемся в Венеции в 1535г. Также в эпоху Ренессанса были созданы сочинения о цветовой символике любви, принадлежащие Марио Экикола, Коронато Окколти и Антонио Калли [Brusatin 2006: 73].

Одним из первых в этой области был В.И. Шерцль, много сделавший для исследования феномена энантиосемии и, в частности, в цветовой символике [Шерцль 1884]. Об этом в нашей работе речь пойдёт ниже.

Особое значение в рамках исследования символики цвета, о которой говорят уже при изложении своих эстетических взглядов раннехристианские писатели Филон и Климент Александрийские [Бычков 1977: 89], имеет фонетический символизм (нем. Lautsymbolik, букв. «звуковая символика») [Иордан 1971: 91],

начало изучения которого приходится на конец XIX века³.

Не прекращаются споры, касающиеся проблемы межкультурной универсальности и национально-культурной специфичности цветового символизма. Важным здесь оказывается различие не в цветовой символике, а в переживании и трактовке бытия» [Петренко, Кучеренко 1988: 74], а также то, что «национально специфично скорее отношение к содержанию, кодируемому цветом» [там же: 74].

По мнению Л.Н. Мироновой, историю цветовой классификации можно разделить на два больших периода: первый – с доисторических времен по XVI век и второй – от XVII века до наших дней [Миронова 1993: 18].

Как отмечает автор монографии «История цветов» итальянский лингвист М. Брусатин, первая попытка обобщения сущности цвета была создана на основе учения Аристотеля «О цветах», вкратце изложенного и появившегося в конце XV в. (1497 г.). На его основе был создан практический каталог натуралиста Теофраста, явившегося, в свою очередь, результатом обобщения таких его работ как «Об ощущении», «История растений» и «О запахах». В последнем, в частности, можно встретить философские размышления о цвете «chroma» в свете атомизма и платонизма. Заслуживает внимания и тема антагонизма между светом и тьмой [Brusatin 2006: 38], о которой речь пойдёт в нашей работе ниже. Также заслуживает внимания объёмный каталог цветов, составленный в 1864 г. Э. Шеврелем в виде энциклопедии, содержащей указание на 14.400 тональностей хроматических материалов [Brusatin 2006: 28].

³ Так, по мнению автора, «Эстетической фонологии французского языка» Ж. Блонделя «звук г рыжеват и дик; l – прозрачный, кристальный; n – мрачный ... ; m – цвета слоновой кости; q – из желатина» [Blondel 1898: 20]. Предшественник сюрреализма А. Рембо, своеобразно характеризуя в стихотворении «Гласные» основные компоненты романской вокалической системы, считает, что «A – это чёрный, E – белый, I – розовый, O – голубой, а U – зелёный» [Brusatin 2006: 118]. Наиболее яркий пример использования фонетической символики можно отметить в прозе В. Набокова. Ср. в мемуарах «Память, говори»: «... я наделён в редкой мере *цветным слухом* ... *цветное ощущение* создаётся, по-моему, самым актом голосового восприятия буквы, пока воображаю её *зрительный узор* < ... >. В чёрную группу входят крепкое g < ... > и r. Овсяное n, вермишельное l и оправленное в слоновую кость o, отвечают за *белесоватость* < ... >. Переходя к *синей* группе, находим стальную x, грозовую тучу z и черничную k < ... >. В *зелёной* группе имеются ольховое f, незрелое яблоко p и фисташковое t < ... >. *Жёлтая* включает разнообразное e да i, сливочное d, ярко-золотистое y и u < ... >. Наконец, среди *красных* b имеет оттенок, который живописцы зовут жжёной охрой, m – как складка розовой фланели ... » [Набоков 1999: 339].

Первобытные и нынешние «примитивные» культуры отождествляют цвета с наиболее ценными для них природными элементами и стихиями. Таковыми являются кровь, молоко, огонь, земля, которым по цветовым характеристикам соответствуют красный, белый и черный цвета. Эта триада надолго сохраняет основополагающее значение.

Рассуждая о возможности отображения *двойной валентности* символов, К. Пагани отмечает, что белый и чёрный обычно означают свет и тьму, знание (ср. «Знание – свет» - К.С.) и невежество. Но чёрный помимо негативной коннотации, обладает также и позитивной. Чёрный – символ «Начала и Изобилия». В любом мифе о формировании Универсума чёрный цвет указывает на неразличимую первоначальность (*l'indistinto primordiale*): в космогонических теориях он обычно предстаёт как цвет универсального синтеза. Сама жизнь, зародившаяся в Универсуме (речь идёт о существовании растений, животных и человека), произошла из чёрного цвета. Потенциальная возможность к порождению и плодородию содержалась уже в черноте Хаоса [Pagani 2001: 185].

Вышеизложенное основывается на восходящем к К.Г. Юнгу положении о том, что темнота является сферой начала всего и, следовательно, источником последующих зарождений [там же]. (Здесь же мысль Юнга о позитивных и негативных вариантах архетипов [Мелетинский 1976: 66]). В этой связи о чёрном, как о сложном виртуальном символе, таящем способности к созиданию (*l'intelligenza della costruzione*), пишут Л. Лудзатто и Р. Помпас [Luzzatto, Pompas 1988: 32].

О значимости символики трёх цветов – белого, чёрного и красного – в западноевропейской и древнеиндийской традиции, в которой число *три* – энергия, из которой состоит Универсум – также предполагает сочетание этих цветов см. [Pagani 2001: 178-179]. В досократической греческой философии четырём элементам, составляющим Универсум, соответствовали четыре цвета: чёрный (= земля), зелёный (= вода), красный (=огонь), белый (= воздух) [там же: 191].

Ведущее значение цветовой триады подтверждается изучением магических обрядов первобытных народов современности, живущих в Африке, Южной Америке и других странах. Особая заслуга здесь принадлежит английскому этнографу В. Тэрнеру (см. [Тэрнер 1983]), собравшему большой фактический материал по «цветовой классификации» у первобытных народов, в частности, африканского племени Ндембу.

В. Тэрнер полагает, что корни символики этих трех цветов следует искать в психобиологическом опыте человека. Несомненна связь белого цвета с двумя важнейшими жидкостями человеческого организма – семенной и молочной (аналогичной интерпретации при трактовке символики основных цветов придерживается известный отечественный филолог Вяч.Вс. Иванов [Иванов Вяч.Вс. 1981]). Они лежат в основе жизни, являясь теми началами, от которых первобытный человек вел отсчет своего существования, и поэтому их цвет получил значение блага, жизни, здоровья. Кроме этого, белый – это свет, день, то есть, время, когда человек наиболее активен и деятелен, когда он воспринимает окружающее ясно и отчетливо. Оптически белый – эталон чистоты, противоположность хаоса и грязи и поэтому служит образцом чистоты мыслей и поведения.

Черный цвет является вторым важнейшим цветом в жизни первобытного племени. Если белый означал свет, то черный – мрак, белый – жизнь, черный – смерть, белый – чистота и порядок, черный – грязь и хаос. Тем самым, черный является антиподом белого цвета. Черный цвет представляется как одно из олицетворений смерти, но при этом, как отмечает В. Тэрнер: «Понятие «смерти» у ндембу лишено того окончательного характера, которым оно, несмотря на христианство, отмечено в западной цивилизации. «Умереть» для ндембу часто означает достичь конца определенной стадии развития, достичь предела в цикле роста ... Для мышления ндембу характерна связь между понятиями смерти и созревания. Человек растет поэтапно, и каждый последующий этап есть «смерть» для предыдущего, так что человеческая жизнь – это ряд смертей и рождений» [Тэрнер 1983: 83-84]. Таким образом, она не оценивается по антонимической

шкале «хорошо» - «плохо», а воспринимается как данность, как непереносимое условие существования и развития человека. То есть смерть для них мыслится как непереносимый атрибут жизни.

Тем не менее, черный почти повсеместно предстает как доминирующий цвет негативного (темных сил, печальных событий, траура и скорби [Тресиддер 1999: 185], а также низшего (подземного) мира, кроме того, черный иногда символизирует время, противопоставляясь в этом значении белому, который символизирует вечность (отсутствие временных рамок) и экстаз» [Керлот 1994: 468].

Красный цвет включает триаду «основных» цветов. В отличие от белого и черного он относится к хроматическим цветам и из всех трех является наиболее дуалистичным и *амбивалентным*, оказывая на психику человека самое сильное эмоциональное воздействие, что хорошо прослеживается в истории развития живописи. Так, например, по авторитетному мнению Дж. Вазари, красные цвета Джорджоне «имитируют свежесть живого мяса» [Vasari 1906: 92-93]. Как отмечает М. Брусатин, в состав красного цвета на полотнах Тинторетто и Тициана входили косметические средства – кремы, составленные на основе кошенили, то есть «крови дракона» [Brusatin 2006: 77].

«Красный – цвет пульсирующей крови и огня, он предназначен для выражения пульсирующих и раздирающих эмоций» [Керлот 1994: 463]. Из всех цветов красный – самый теплый. В гамме переживаний, которые он отражает, можно выделить, с одной стороны, *любовь, страсть, эротическое начало, вдохновение (+)*, а, с другой стороны, *агрессию, ненависть и опасность (-)*. Считается, что выбор красного цвета связан также с тенденцией к *самореализации*. Наиболее часто красный цвет вызывает такие ассоциации, как *пламенный, огонь, огненный, пекло, жар, кровь, раздражение*. Символические значения красного также объясняются его связью с кровью в сознании человека.

В сочетании с белым цветом красный составляет так называемую «жизнеутверждающую пару». В паре с белым нивелируются отрицательные значения красного и, наоборот, в сочетании красного и черного усиливаются

негативные стороны красного цвета, ему придается зловещий характер и он отождествляется со злыми силами. Согласно одному из положений алхимии, ртуть образуется в результате смешения всех трёх цветов – белого, чёрного и красного (Парацельс) [Brusatin 2006: 74].

Одним из самых древних свидетельств магической силы, приписываемой цветам, является то, что в доисторическое время многие народы обычно расписывали стены обитаемых ими пещер. Уже с того времени красный и чёрный являлись двумя главными красками, символизирующими жизнь и смерть.

Заслуживает внимания и мнение М. Брусатина, согласно которому красный цвет ... предшествует белому (лат. *albus, candidus*) ... и противопоставляется чёрному (лат. *ater*) [Brusatin 2006: 47]. Тем не менее, как показывает анализ материала, амбивалентными можно считать практически все основные цвета спектра. Говоря о значимости того, что цвет часто является амбивалентным символом, основанном на двойственности значения «положительное / отрицательное, божественное / inferнальное», К. Пагани полагает, что одной из причин этого является факт изменения первоначальной инвариантной сущности цветового значения в процессе увеличения его изменений и, как следствие, развивающейся *вариативности*, обусловленной различными историческими и культурными контекстами его употребления [Pagani 2010: 194].

Тем не менее, наиболее сложное и противоречивое понятие, связанное с цветом, составляет белый. Являясь не столько цветом, сколько указывая на его отсутствие, белый в то же время представляет соединение всех цветов, за исключением чёрного, с которым он составляет основную оппозицию [Brusatin 2006: 114-118], восходящую к первичному этапу развития ЦО во всех языках мира (см. ниже). По мнению Л. Витгенштейна, появление белого по отношению к другим цветам является «асимметрией сродства», в которой логические категории «прозрачности» (света) и «загрязнения» (тьмы) представлены в виде первоначального феномена (*Urphänomenon*), о котором говорил Гёте [Brusatin 2006: 131-132].

Как было отмечено выше, некоторые исследователи не рассматривают белый как «цвет» (как, впрочем, также относящиеся к ахроматическим цветам – черный и серый), основываясь на том, что, по существу, он является не столько собственно цветом, сколько представляет собой уплотненный свет, то есть, «причину» образования всех цветов спектра.

Особое место в цветовом спектре принадлежит *зелёному цвету*, так как он является цветом природной среды, в условиях которой формировалось цветовое зрение. Практически повсеместно ассоциируясь с жизнью растений, зелёный цвет в более широком смысле связывается с весной, молодостью, обновлением, свежестью и плодородием. «Еще с древнейших времен зеленый считается символом надежды, так как весной, расцветивая своими многообразными оттенками поля и деревья, он вселяет надежду в то, что земля вскоре даст свои плоды. Как цвет растительного мира, он символизирует триумф весны, равнозначный победе жизни над смертью» [DSM 1997: 414]. В языческом мире зеленый был связан с водой, дождем и плодородием, а также с божествами воды.

Новое символическое звучание зелёный цвет получил в XX веке, став эмблемой экологии.

Об амбивалентности зеленого цвета в различных языках говорят его такие отрицательные значения, как ревность («Чудовище с зелеными глазами», - говорил Яго о ревности, обращаясь к Отелло) и зависть (в данном случае не просто отрицательная, а греховная), а также способность ассоциироваться с болезнью.

В древности цвет фигурирует преимущественно в качестве мифа или архетипа: он воспроизводит действительность и при этом неотделим от своего носителя [Миронова 1993: 19].

Как следует из вышеизложенного, важной чертой мифологического мышления является *полисемантичность* его образов. При этом основным фактором существования особенностей последней является *амбивалентность*, связанная с поляризацией значений при определении того или иного объекта.

Первобытные люди, конечно, не могли не заметить перехода друг в друга

противоположных сущностей, превращений одних явлений в другие, нерасторжимой связанности, казалось бы несвязуемого. День превращается в ночь, свет – в тьму, жизнь – в смерть. Первичные слова и вещи *амбивалентны*, а, следовательно, в высшей степени полисемантически. Одним из наиболее ярких примеров здесь и составляет феномен эволюции и функционирования ЦО. Следы этой амбивалентности сохранились в современных и особенно в древних языках. Эти примеры следует рассматривать отдельно от тех явлений, когда одно и то же наименование может распределяться по разным участкам цветового спектра. Главенствующим в этом случае является опора на этимологический фактор⁴, а не на фактор амбивалентности.

Цветовой символизм всегда самым тесным образом был связан с магией и религией. Цвет рассматривался как атрибут магических, сакральных, божественных сил. Само деление магии на «белую» и «черную» свидетельствует о важнейшей роли цвета в магических ритуалах. Цвет был своего рода словом – порождающим или убивающим, добрым или злым.

В эллинистическую эпоху античной культуры, когда мифологическое мышление понемногу изживает себя, когда наука отодвигает на второй план религиозные представления, а общественные взаимоотношения все больше усложняются, появляются другие классификации цветов и их сочетаний. «Цвета делят на благородные и низкие, культурные и варварские, темные (*austeri*) и яркие (*floridi*); античные ученые классифицируют цвета еще на основе мифологической

⁴ Так, например, латинское прилагательное *flavus* («огненного цвета, золотисто-жёлтый, золотистый»; жёлтый, мутный, румяный» [ЛРС: 431]) как и *fulvus*, было привнесено в латынь германскими легионерами и представлено в древне-верхне-немецком *blō*, датск. *blāw*, др. сакс. *blāo* как результат развития прагерманск. * *blēwa-* < и.е. **bhleH₂wo* от корня **bhel-*Н₁ «белый». Этот же германизм (как заимствование) отмечается для латышск. *blāws* «голубой», итал. *biavo* «голубой», фр. *bleu* → англ. *blue* «то же» [Клейнер 2008: 250]. Здесь же – итал. *blu*, катал. *blau* (< позднелат. *blavus*). В кельтских рефlekсах этот корень имеет значение «серый»: др.-ирл. *blāg*, валл. *blawr* [там же]. Также отмечается, что производные этой основы, используемые германскими солдатами, служили для обозначения *блеска* оружия или конской масти [Mollard-Desfour 2008: 24].

традиции (по цветам стихий, света и тьмы) или же вовсе не касаются этой проблематики» [Миронова 1993: 7].

В древнееврейской традиции первый человек – Адам ассоциируется с «красным» и «живущим». То же – в славянском («красный» соответствует «живому и прекрасному») и в китайской культурной традиции [Brusatin 2006: 37]. В греческом мире, у пифагорейцев доминировало суггестивное восприятие цветов, в то время как Эмпедокл рассматривал их как душу и основы существующего мира: четырём основным элементам – земле, воздуху, огню и воде – соответствовали жёлтый, чёрный, красный и белый. У Демокрита – только противоположности: белый и чёрный, которые сочетаются друг в друге и смешиваются (об этом см. ниже – К.С.). Цвет, как фигура, появляется в персонифицированной Радуге (Iris) – послании богов и дыхании Эроса. У Плутарха, в свою очередь, цвета – первые виды (схемы) материи. Это положение, основанное на стоическом учении Зенона, в дальнейшем было воспринято и развито латинскими авторами [там же: 37-38, 40 - 41].

Особую значимость со времён европейской и ближневосточной античности и на протяжении всего Средневековья приобрело связанное с основной оппозицией белого цвета – черному противопоставление *света и тьмы*, антагонистически противопоставленные в виде бинарной оппозиции, дублирующей противопоставление *добро / зло* зороастризма, а позже – манихейства. Ср., например, библейское «Надеялся света, а пришла тьма» (Иов, 30, 26). «Все видимое в мире есть результат смешения света с тенью», утверждал немецкий иезуит А. Киршер (XVII в.). Размышления о светотеневой доминанте цветов Ф. Гегеля («Иенские афоризмы», 1803-1806) [Brusatin 2006: 101] перекликаются с мыслями о художественных особенностях света и тени, изложенных в незавершённом трактате Леонардо да Винчи. Создатель *sfumato* (размытого изображения в живописи) создаёт теорию цветов, видение которой предполагает наличие воздушной и линейной перспективы с учётом светотени. Тёмные тени при этом служат для того, чтобы выделить светлые цвета, а освещения проявляют тёмные очертания. Эта «цветовая перспектива» не только

вводит принцип относительности «О природе вещей» Лукреция: «Каждый цвет полностью меняется в других предметах»), но, возможно, является основой субъективного цветовосприятия» [Brusatin 2006: 70-72, 132].

Как полагает известный писатель и филолог Умберто Эко, «цвет в рамках цветowych средневековых теорий воспринимается, в том числе, и как источник красоты. Согласно мистическим представлениям, зеленый цвет символизирует образ грядущего поколения. Причем мистический смысл не исключает чувственного удовольствия от любования цветом» [цит. по: Вышенская 2006: 99].

В средневековой Европе этот вопрос стоит не так остро, поскольку появляется единое основание для его решения – это христианская религия и ее догмы. Цвета подразделяются на «божественные» - главные, почитаемые и прекрасные и «богопротивные» – второстепенные и даже презираемые (напр., серый и коричневый). Также основой цветовой символики Средневековья служат культурно-историческая традиция античности, цветowe ассоциации, возникающие из жизненного опыта, и психологическое воздействие цвета.

В связи с ориентацией на религиозные каноны существенно меняется и отношение к цвету. Можно сказать, что один только белый цвет остается неизблемым символом святости, чистоты и духовности.

В других источниках также указывается на то, что белый не всегда обладает исключительно положительными коннотациями. « ...при толковании сновидений чистый белый цвет не всегда имеет благоприятный смысл. Он может обозначать «чистоту», но чистота эта выходит за пределы земного существования ... Появление «всадника на белом коне» всегда сопряжено со смертью. Белый цвет сновидений, однозначно, обязательно содержит в себе указание на последующий физический распад ... » [DSM 1997: 97].

Также отмечается, что « ... белый, насколько позволяет судить его отрицательное свойство синевы, является (как и зеленый и зеленовато-желтый) символом смерти и луны. Последняя считается символическим источником ряда обрядов и обычаев. «Белый, в своём негативном аспекте представляющий бледность, является краской смерти и имеет лунное (коннотация со смертью –

К.С.) происхождение, эксплицируемое в некоторых обычаях и ритуалах» [Pagani 2010: 190]. Этот принцип дуализма-антитезы можно прояснить с помощью огромного числа аллегорий и символов. Скажем, как мать всех вещей, ночь изображалась в окружении звезд. В руках она несла двух детей, одного белого, другого – черного. В славянских мифах встречаются Белобог и Чернобог, по значению близкие к Близнецам (общеарийский миф) ... В подобном знаке легко опознать китайский бинарный символ инь-янь» [Керлот 1994: 468-469]. Все это, по общему мнению, «помогает объяснить постоянное противопоставление жизни – смерти, света – тьме, появления – исчезновению, которые делают возможным постоянное существование явления» [там же: 469].

Постоянно сопутствует Богу (и его ангелам) и красный, но здесь следует отметить определённое переосмысление. Красный (или огненный) – «цвет «божественной энергии» и «животворного тепла» ... Красный – это цвет страстей Господних, это кровь Христа, пролитая во спасение человечества. Путь Христа на земле отмечен любовью: это и любовь Бога к человеку, и материнская любовь Марии, и любовь верующих к Христу. Пролитие крови Христа – цель и итог его земного воплощения, итог его деятельности во имя любви (eros, caritas)» [Миронова 1993: 117].

Говоря об амбивалентной символике цветов, исследователи также отмечают тот факт, что в различные отрезки времени у того или иного цвета на первый план выдвигались то положительные, то отрицательные коннотации. Так, например, для жёлтого цвета в раннем христианстве доминантным являлось положительное значение, связанное со Святым Духом, божественным откровением и просветлением. «Первичный опыт переживания желтого цвета жизни связан, прежде всего, с переживанием *солнечного света* и, тем самым, - *света* вообще. Из дня в день с каждым восходом солнца из темноты ночи вновь возрождаются все цвета» [www.zipsites.ru/books/simvolika_tsveta/].

Позднее желтый приобретает негативную окраску, которая нередко сопровождает его и в наши дни. Так, в живописи Иуду (как хриstopродавца)

одевают в желтое. Этот отрицательный смысл сохраняется за желтым цветом и впоследствии.

В эпоху расцвета готики его начинают считать цветом измены и разлуки, что можно проиллюстрировать итальянской поговоркой: “*Chi porta il giallo, vagheggia in fallo*” (букв. *Кто носит желтое, бродит в забвении* – Желтый цвет – цвет разлуки), а также он предстает олицетворением лжи, продажности, бесстыдства и дурных намерений. Также известно, что «... в Средние века еретики и зачумленные одевались в желтое» [DSM 1997: 59].

«Негативный диапазон значений желтого цвета связан с холодным резким оттенком, “кричащим”, “колющим”, “гниющим”, грязным, вызывая ассоциации болезни и смерти. С желтым цветом непосредственно связаны заболевания пожелтения кожи - желтуха, болезни почек, недомогания, отравления. В переносном смысле, желтый цвет связывают с обманом, отравлением, болезненным началом, лживостью, завистью и ложью (“желтая пресса”). Желтый цвет ассоциируется с такими психическими заболеваниями как *шизофрения, бред, мания и эпилепсия*. Психиатрическую больницу, “сумасшедший дом”, называют “желтым домом”» [www.zipsites.ru/books/simvolika_tsveta/].

«Связь между желтой кожей и страхом и болезнью объясняет, почему желтый стал цветом трусости и карантина – желтый крест ставили на чумных домах. Желтый цвет имеет негативный оттенок и как цвет умирающих листьев и переспелых плодов. Это объясняет, почему его повсеместно связывают с приближением срока смерти и загробной жизнью» [Тресиддер 1999: 44-45].

Символика желтого цвета определяется двумя полюсами его оттенков. С одной стороны, это теплый красно-золотой желтый цвет жизни. С другой, это холодный и резкий, или же блеклый и грязный желтый цвет болезни и смерти. «... Эмоциональное воздействие желтого, а, следовательно, и его символика зависят от его цветового тона, чистоты, фактуры» [Миронова 1993:118].

Вот, что писал И. Гёте о желтом цвете: «Желтый – цвет радости, нежности и изящества, но малейшая смесь с другим оттенком обесценивает его, делает неприятным, грязным и уродливым» цит. по: [DSM 1997: 59].

Самым «трансцендентным», нематериальным и мистическим цветом считался синий (голубой). На всем протяжении существования человечества люди ощущали и ощущают себя и свой мир под синим сводом неба или под небом голубым. Куда бы мы ни посмотрели, мы видим голубую даль неба. Синий и голубой цвет дает нам ощущение бесконечной прозрачности и, в то же время, защищенности. Синий – символический цвет справедливости, красоты, мудрости, постоянства, глубоких переживаний, благородства и преданности. «В живописи – это цвет чистоты и бесконечности» [DSM 1997: 88].

«В древнем Египте голубой противопоставлялся красному ... и являлся цветом кожи бога воздуха – Амона. На Востоке голубой был позитивным цветом, защищавшим от зла. Голубые глаза были знаком магических сил. С давних времён духовные качества голубого цвета связывались с цветом глаз, сила взгляда обладателя которых считалась сверхчеловеческой и божественной. Так, например, золотая статуэтка, хранящаяся в Музее в Сирии, символизирует некое Шумерское божество с голубыми глазами, которые для людей, живших в то время, являлись, не просто обычной соматической характеристикой, но, возможно, символом магических качеств, присущих этому цвету» [Scuza 2010: 230]. О магической силе как о функции вообще всех цветов, являющихся тонким звеном, связующим небо и землю, содержащим таинственное соответствие между высшим и низшим миром (вертикальное время – К.С.) см. [Luzzatto, Pomas 1988: 15].

По мнению швейцарского психолога М. Люхера, «голубой ... представляет абсолютное спокойствие. Созерцание этого цвета оказывает успокаивающее действие на центральную нервную систему. Голубой отражает глубину чувств ..., символически соответствуя тихой воде ... , выражая глубину и чистоту ... , символизируя союз с Теей, с матерью-землёй. Голубой – это правда, вера, любовь и преданность, способность к отдаче и благоговению» [Lücher 1976: 122-123].

То же характеризует и синий цвет (цвет спокойствия и пассивности). М. Люхер противопоставляет его светло-жёлтому – цвету надежды и пассивности. Цветовая пара синий / жёлтый также символизирующих противопоставление ночи и дня, факторов не контролируемых человеком, была названа М. Люхером

«гетеронимами» (*eteronimi*), т.е. цветами, контролируемые извне. К цветам, отражающим факторы контролируемые человеком – «автономенам» (*autonomini*), М. Люхер, в свою очередь, отнёс красный (человеческая агрессивность) и зелёный (защита от агрессивности).

Основным прототипом для данного цвета служит синева неба, также как кровь для красного. Как отмечает Л.Н. Миронова, «синий цвет, в отличие от большинства других цветов, лишен *амбивалентности*. Его значение едино и устойчиво, как вечность, которую он символизирует» (курсив наш – К.С.) [Миронова 1993: 120]. Однако отметим, что данное мнение, как представляется, является справедливым исключительно при трактовке религиозной символики: как показывает конкретный анализ романских ФЕ с компонентом «синий», осуществлённый в главе третьей, наряду с позитивными примерами существуют и негативные.

Также в христианской цветовой символике особую значимость имеет зелёный. В отличие от трансцендентного синего, зелёный являлся более «земным», означал жизнь, весну, цветение природы, юность. «Он напоминает о земной жизни Христа, о Его гуманной миссии. Имеет значение и то, что культ Христа воспринял многие черты древнейших культов Осириса, Атиса, Думузи и других богов злаков, символом которых был зелёный цвет. Поэтому, как и в древневосточных культах умирающих и воскресающих богов, зелёный служит символом воскресения и весеннего обновления» [Миронова 1993: 120].

Вместе с тем нельзя также игнорировать и другие, негативные ассоциации, вызываемые зелёным цветом. «Негативный аспект зелёного – пишет К. Пагани, - связывается с гниением. Это амбивалентная краска, указывающая на двойную тенденцию – цветение (жизнь) и состояние покойника (смерть), одним из примеров которой является окрашивание в древнем Египте Осириса (бога растительности и смерти) в зелёный цвет» [Pagani 2010: 189]. Зелёный – это цвет глаз дьявола и его чешуи (когда он принимает облик «зеленого змия» или дракона). Отсюда с большой долей вероятности можно предполагать развитие таких символических значений как «коварство», «искушение», «дьявольский

соблазн».

Таким образом, можно заключить, что вплоть до начала XVII века классификация цветов строилась на основе культовой мифологии, подкрепленной непосредственно эстетическими оценками цвета, религиозной трактовке цветового символизма, а также на некоторых практических моментах.

В XVII веке ситуация в корне меняется. Исаак Ньютон предлагает естественнонаучную основу классификации цветов, а именно спектр белого цвета, в котором выделяются семь «простых» спектральных цветов и один – пурпурный, образованный смешением крайних цветов спектра. Феномен цвета обрел физическую почву, но утратил связь с космическими сущностями и свои магические и ритуальные функции. «В конце XVIII века И. Ф. Гете предложил новый способ классификации цветов – по физиологическому принципу. Построенный им цветовой круг⁵ состоит из трех пар контрастных цветов.

В XIX веке благодаря трудам Г. Гельшгольца уточняется вопрос об основных цветах. Ими признаются красный, зеленый и синий, дающие в смесях все остальные цвета спектра в любой насыщенности. Физиологическая оптика приняла эту триаду в качестве основной.

В XX веке появляются все новые и новые цветовые системы, строятся различные цветовые круги, разрабатываются атласы цветов. Цвет в науке и технике теряет визуальные качества и превращается в систему чисел. Современная колориметрия не смотрит на цвет и не любит его, она его вычисляет. «В то время как наши предки воспринимали цвета и их оттенки гораздо тоньше, то чем ближе к нашим временам, тем восприятие цвета грубее, утрачивая свою философичность и многозначительность» [Серов 2004: 16]. Одним из примеров подобного упрощения является использование цвета в рекламе [Горлачёва 2011].

⁵ Основой круга служит треугольник главных цветов: красного, синего, желтого, являющихся самыми употребительными красками в живописи и составляющие «цветовую сферу» Ф.О. Рунге, художника живущего в 1777-1810 г. Хроматический треугольник Делакруа (1798-1863): три основные цвета дополнены тремя смешанными. Ещё позднее, у В. Ван Гога (1853-1890) большое значение придаётся дополнительным цветам [Pawlik 2007: 31-33]

Казалось бы, учитывая архаический характер цветовой символики, в XX веке трудно ожидать появления у цветов каких-либо новых символических значений. Действительно, принципиально нового ничего не обнаруживается, но «звучание» ряда цветов существенно меняется и, несмотря на такой строго-научный и утилитарный подход к цвету в двадцатом столетии, нельзя пройти мимо того факта, что начало века было отмечено важными политическими событиями, которые сыграли не последнюю роль в судьбе многих стран. Цвет начинает активно использоваться в качестве символа общественно-политических движений. Особенно это касается цветовой триады как одного из архетипов человеческого общества. Белый, черный и красный цвета крепко связываются в сознании нескольких поколений, прежде всего, с политической и идеологической борьбой различных классов и общественных групп.

Красный как символ крови приобрел особенно *амбивалентный* характер. Его первобытная магическая сила вырвалась на свободу и всколыхнула население не только огромной Российской империи, но и всего мира. В революционной символике вместе с красным цветом тесно соседствует и черный. Черный – цвет знамени анархистов. Он приобретает смысл революционного фанатизма (готовность идти до конца), и ужаса перед репрессиями государственной власти. Черный и красный – цвета «красного террора» и политических репрессий. Как и в древнем мире, это цветовое сочетание оказалось трагическим символом. Также как и в древности, им противостоит белый, но уже не в наглядно-чувственной форме, а как идея. Так, символика белого цвета олицетворяла идею «белого движения».

1.3. Цвет в языковой картине мира. Языковая и лингвоцветовая картины мира

Лингвистика последних десятилетий XX и начала XXI вв. характеризуется вновь возросшим интересом к изучению языка в его тесной связи с сознанием, мышлением и духовной деятельностью. В связи с этим вновь стало актуальным обращение к антропоцентрической парадигме, которая ставит новые задачи в

исследовании языка и требует новых подходов при анализе его единиц. Антропоцентрическая парадигма переключила лингвистическую проблематику на человека и его место в культуре, она анализирует человеческую личность, стоящую в центре внимания культуры и культурной традиции, она изучает человека в языке и язык как главную составляющую в человеке.

«Термин «картина мира»⁶ (КМ) был выдвинут физиками в конце 19 – начале 20 века. Начиная с 60-х годов, проблема КМ рассматривается в рамках семиотики. Культура при этом подходе, согласно определению Ю. М. Лотмана и Г. Успенского, трактуется как «ненаследственная память коллектива», и главной ее задачей признается структурная организация окружающего человека мира» (цит. по [РЧФЯ 1988:15]).

В лингвистической науке, как отмечают Вяч.Вс. Иванов и В.Н. Топоров, «проблема восстановления древней модели мира возникала естественным образом в связи с необходимостью реконструкции семантики текстов в широком смысле слова» (цит. по [там же: 15]).

Языковая, или, как ее также именуют, наивная КМ, представляющая собой совокупность представлений об окружающем мире, о ценностях, нормах, менталитете собственной культуры и культур других народов - чрезвычайно сложное явление. Она необычайно вариативна, изменчива и непостоянна. В ней есть элементы общности, обеспечивающие взаимопонимание людей, но наравне с этим языковая КМ отличается своеобразием в каждой культуре. Язык является лишь формой выражения концептуального мира человека. В этой связи язык выступает формой овладения, познания мира. В языке отражается и закрепляется

⁶ Одним из первых этот термин стал употреблять Г. Герц (1914) применительно к физической картине мира» [РЧФЯ 1988: 12]. Также этим термином широко пользовался М. Планк, понимая под физической КМ «образ мира», формируемый физической наукой и отражающей реальные закономерности природы. М. Планк различал практическую и научную КМ. С первой он связывал целостное представление человека об окружающем мире, которое вырабатывается им постепенно, исходя из собственного опыта и переживаний. Научную КМ он трактовал как модель реального мира, независимого от отдельных личностей и всего человеческого мышления. [РЧФЯ 1988: 13].

многообразие творческой деятельности человека и результатом такой познавательной деятельности и является собственно КМ⁷.

Для понимания национального своеобразия языковых единиц необходимо изучить культуру, которая проявляет свои национально-специфические различия практически на всех уровнях языка, но особенно ярко на *лексическом* (см. [Апресян 2006]). О цвете (цветовой культуре) как базовом элементе языковой КМ в русском и английском языках см. [Запевалова, Талапина 2011].

Языковая система восприятия цвета не совпадает с научной «в силу своей антропоцентричности: на то, как мы описываем цвет объектов, влияют как физические и психологические законы восприятия, так и знания о мире, о функциональном использовании наблюдаемых объектов» [Жаркынбекова 1999: 111].

«Мир познается первоначально всеми органами чувств. Он предстает в цвете, а не черно-белым. Оценки, нормы, установки человека в значительной степени связаны с цветом. Роль цвета в концептуальной картине мира различна у разных народов, этносов и даже индивидов» [Абазова 2009: 20].

У каждого народа с древнейших времен цвет являлся одним из средств осмысления мира. «Когда люди начали видеть и использовать различные цвета, изменилось их мышление» - пишет М. Брусатин [Brusatin 2006: 110]. Но, как показывает анализ вышеизложенного материала, со временем цветовые образы потеряли познавательное значение и приобрели эстетическое и духовное значение, именно цвет стал выражать внутренний мир человека.

Лингвоцветовая КМ реализуется в форме ЦО в отдельных лексемах, словосочетаниях, идиоматических выражениях и других вербальных средствах,

⁷ По этому поводу Г.В. Колшанский писал следующее: «Когда говорят, что каждый язык каким-либо образом, но, тем не менее, своеобразно представляет мир в значениях своих единиц (лексика), в особой образности (фразеология), в особой конструкции понятийных категорий (грамматика), то, как правило, это утверждение объясняется тем положением, что языковое значение отдельных форм значительно отличается друг от друга по конкретным языкам, что и должно якобы служить основанием для утверждения о различной категоризации мира, другими словами, о создании отдельными языками различных КМ» [Колшанский 1990:61].

она органично входит в лексическую систему языковой КМ. Важную роль в процессе формирования лингвоцветовой картины мира также играют ассоциативные связи (см. [Алымова 2007]). Так, хорошо известно, что «семантическое поле цвета можно представить как некое лексическое единство, все члены которого соотносятся с абстрактным понятием «цвет» на уровне всего объединения и с конкретным лексическим значением «данный цвет» в рамках составляющих его лексико-семантических групп ... Во внутреннем строении семантического поля цвета различают центральную часть – ядро – и периферию» [Чекалина 1972: 4].

Адъективные лексические единицы (ЛЕ) ЦО очень часто представляют качественные прилагательные, которые, по верному определению Е.М. Вольф, обладают способностью «обозначать признаки предметов и событий, обусловленные самой их природой (*цвет*, форма и некоторые другие) и другие их характеристики, связанные с ... *интенсивностью* ... » [Вольф 1978: 9].

Способность цветowych прилагательных приобретать *оценочную* функцию, отмечается У. Вейнрихом [Вейнрих 1970: 208]. Предметы и события, как отмечает Е.М. Вольф, могут оцениваться с самых различных точек зрения, со стороны их *положительности / отрицательности* [Вольф 1978: 9].

Как было показано выше, семантический диапазон цветообозначений каждого языка обязательно включает как *положительную*, так и *отрицательную* оценки, способные к наименованию всего диапазона разнообразных объектов и явлений действительности, социальных и общественных, религиозных и нравственных, эмоциональных и межличностных отношений в обществе. Конкретный языковой материал, указывающий на полярные коннотации, эксплицирующие ключевое для системы ЦО трёх романских языков явление энантиосемии, рассматривается во II и III главах нашей работы.

Понятие оценки, восходящее к слову «ценности», определяет особенности взаимодействия человека и окружающего мира. Объективный мир делится говорящим с точки зрения его ценностного характера – добра и зла, пользы и вреда, истинности и ложности и т. п. Фундаментом понятия оценки является

философская теория ценностей, что делает оценку универсальной категорией. Исследованию языковой оценки посвящены работы многих исследователей. См. работы [Харченко 1976; Арутюнова 1988; Вольф 2006; Мед 2007 и др.]. Изучаются вопросы формирования оценочного значения на разных языковых уровнях (синтаксическом, морфологическом, лексическом) функционирования оценочных единиц, ведется поиск связей языковой оценки и различных характеристик личности (гендерных, национальных, психологических) и т. д. При анализе языковых явлений обращаются к различным классификациям оценок, в основу которых заложены различные критерии. Первый критерий – аксиологическая интерпретация. Два значения аксиологического оператора – «хорошо / плохо» – позволяют в зависимости от знака «+» или «-» выделить два типа оценки:

- положительную (мелиоративную);
- отрицательную (пейоративную, дерогативную).

Данная классификация носит наиболее обобщенный характер, так как опираясь на аксиологическую основу категории оценки, позволяет ответить на вопрос: положительно или отрицательно относится автор высказывания к объекту действительности, признает или не признает его ценность. См. [Вольф 2006].

Второй критерий – наличие эмотивного компонента. В зависимости от наличия или отсутствия эмотивного компонента оценка бывает

- рациональной (интеллектуально-логической);
- эмоциональной.

Таким образом, в зависимости от характера оценочного признака, обусловленного взаимодействием объективных и субъективных факторов, выделяют две разновидности оценок см. [Арутюнова 1988, Вольф 2006]:

- общая оценка (холистическая оценка, аксиологический итог);
- частная оценка.

Н. Д. Арутюнова предлагает свою классификацию частнооценочных значений. В данной классификации представлены три группы частнооценочных значений (сенсорные, сублимированные, рационалистические оценки), которые в

свою очередь могут быть конкретизированы категориями частнооценочных значений (так, сенсорные оценки делятся на сенсорно-вкусовые и психологические) [Арутюнова 1988].

Классификация оценок Н. Д. Арутюновой является наиболее детальной, затрагивает ряд аспектов и позволяет разграничить чисто оценочные признаки («хорошо / плохо») и признаки, сочетающие оценочный смысл с дескриптивным; определить характер дескриптивного признака (сенсорно- вкусовой, утилитарный и т. д.); проследить уровень эмоционального / рационального в частных оценках (в сенсорных оценках будет выше уровень эмоционального, нежели рационального).

Четвертый критерий – способ оценивания. В зависимости от формулировки оценочного высказывания выделяют два типа оценки:

- абсолютная оценка;
- сравнительная оценка [Вольф 2006: 15].

Важнейшим показателем оценки является наличие «плюса» или «минуса» в значении слова.

В. К. Харченко говорит о том, что не следует смешивать оценку и характеристику. «Так, слова *впечатлительный, подвижный, уставший, заросший* по своему лексическому значению являются характеризующими, но оценочными их назвать, пожалуй, нельзя». [Харченко 1976: 47].

Заслуживает внимания и понятие «цветового кода», «который соотносится с древнейшими архетипическими представлениями человека, несет информацию о культурных нормах, отражает мировоззренческие установки этноса, характеризуется высокой аксиологичностью, то есть кодирует, описывает, структурирует и оценивает бытие человека ... [Зольникова 2009: 88].

Следующей важнейшей проблемой является вопрос об универсальном восприятии цвета в цветовой КМ и, соответственно, дальнейшего обозначения универсальных его участков как фрагментов Лингвоцветовой КМ. В решении этой проблемы выделяются два основных подхода. Первый из них, так называемый, культурный релятивизм (гипотеза Э. Сепира и Б. Уорфа), второй

крайне противоположный – это лингвистический универсализм, связанный с научными трудами Б. Берлина и П. Кея. Обе эти точки зрения на проблему цвета будут подробнее рассматриваться нами в следующем параграфе.

Цветовые системы разных языков отличаются друг от друга, что объясняется, прежде всего, тем, что цветовой словарь этноса отражает традиции той или иной культуры, формирующейся в разных исторических и географических условиях. Так, например, «для японца весна зелёная, лето красное, осень белая, а зима чёрная. ... В русском языке осень и зима характеризуются обратно по сравнению с японским: осень может быть чёрной (скажем, у А. Кольцова), а зима всегда белая» [Алпатов 2011: 25]. Нельзя, тем не менее, не отметить, что зима в русском также может быть красной, как и лето. Примечательно здесь и само слово «красный». Ни в одном индоевропейском языке нет слов этого корня в значении «цвет» ... изначально «красный» означало «красивый, великолепный», а в значении «красный цвет» довольно быстро вытеснило слова с тем же значением общеиндоевропейского корня (рдяный, черватый и т.д.). [Василевич, Кузнецова, Мищенко 2008: 25]. Однако бесследно старое значение слова «красный» не исчезло из языка. Об этом свидетельствует и значительное количество сохранившихся и бытующих в языке идиоматических выражений с прилагательным «красный» в своем первоначальном этимологическом значении, например: «красная девица», «красно солнышко», «красная изба», «красный угол» и др. Подробнее о семантическом развитии прилагательного «красный» в русском языке см. [Иссерлин 1951; Суровцова 1970]. Отличительной особенностью прилагательного *красный* является и частотность его употребления. «Признак *красный* – отмечает (вслед за Э. Косериу) Е.М. Вольф – присущ большему количеству предметов, чем оранжевый» и поэтому ... «употребляется чаще» [Вольф 1978: 4].

О значении поля красного цвета в латинской (и греческой) культуре свидетельствуют многочисленные термины в латыни, восходящие к различным источникам: *tuber*, обозначавший все нюансы красного цвета (ср. *рубрика* – красная черта – К.С.), *rufus* («ярко-красный, рыжий»), *rufigræus*, указывающий на

смешение с голубым, то же – *purpureus* «красный, пурпурный» (указывающий на отношение к финикийцам, которым принадлежит изобретение пурпурной краски, изготавливаемой из морских раковин – К.С.), а также связанное с греч. *porphura* («порфир», «порфирородный» - К.С.) и восходящий к и.е. корню **bhen-*, имеющему отношение к идее крови, то же – *sanguineus* («красный, сангвинический»), *rubicundus* («красный, ярко-красный, румяный или загорелый, красновато-жёлтый или золотистый» [ЛРС: 886]), *rutilus* (однокоренной с *ruber*: изжелта-красный, золотисто-красный, ярко-красный, русый или рыжий, отливающий золотом» [ЛРС: 890]), *coerulescens* («ярко-красный, алый», < *coeruleus* «кошениль» < *coer(h)leus* «улитка, моллюск, раковина улитки» [ЛРС: 198]), *flammeus* («ярко-красный», букв. «пылающий» [ЛРС: 430]), *minius* («ярко-красный, алый», связанный с *minium* «киноварь, сурик», восходящий к гидрониму *Minius* – (река Минью) в северо-западной Испании [ЛРС: 637]) [Mollard-Desfour 2008: 24], а также *russus* «красный», к которому восходят все три основных романских термина красного цвета, рассматриваемые в нашей работе.

Своеобразная система членения мира при помощи цвета позволяет обнаружить перспективы «эволюции» семантического преобразования слов-цветообозначений в языке, а также с определенной долей вероятности прогнозировать создание новых фразеологических единиц с цветовым компонентом (см., например, [<http://www.sworld.com.ua/konfer20/236.htm>]), исследование которых на материале западно-романских языков осуществляется во второй и третьей главах нашей работы.

1.4. Исследование цветowych номинаций в лингвистике

С проблемой изучения ЦО в языкознании тесно связана гипотеза лингвистической относительности, на возникновение которой повлияли труды Э. Сепира и Б. Уорфа. В основе гипотезы, высказанной этими учёными, лежит теоретическое положение о том, что язык и образ мышления того или иного народа обязательно взаимосвязаны. Определяющая роль в этом мыслительном процессе отводится языку. «Именно с помощью языковых средств, как правило,

осуществляется та или иная категоризация действительности» [Василевич, Скокан 1986: 104]. Также отмечается, что «... первым, кто сформулировал эту идею был В. фон Гумбольдт ... Позднее и наиболее полно она была воплощена в теории лингвистической относительности, известной также как гипотеза Сепира-Уорфа» [там же: 104]. Сам термин «принцип лингвистической относительности», принадлежащий Б. Уорфу, введен по прямой и намеренной аналогии с принципом относительности, теоретически разработанной А. Эйнштейном, который показал относительность Времени в разных точках мирового пространства.

Следствием признания гипотезы лингвистической относительности является признание того, что язык хранит в себе определенную систему ценностей, а выражаемые в нем значения складываются в коллективную философию, свойственную всем носителям данного языка. «Частным случаем гипотезы Сепира-Уорфа является тезис о том, что восприятие цветового пространства зависит от особенностей языка данной общности людей ...» [Василевич, Скокан 1986: 104]. При этом отмечается, что «разрешающая способность зрения позволяет различать гораздо большее число оттенков ... однако реально, на практике, чрезмерно тонкие различия человеку не нужны; напротив, он склонен к минимизации числа выделяемых категорий» [там же: 105]. Таким образом, учёные приходят к выводу о том, что количество лексем, связанных со значением цвета, еще не определяет степень дробности членения цветового континуума в речевых механизмах носителей того или иного языка, в то время как в трудах сторонников гипотезы лингвистической относительности несовпадения в восприятии цветового пространства иллюстрируются именно фактом разного объема словарей.

Первые периоды человеческого цветового опыта ограничивались выделением белого и черного цветов, затем следовал период возникновения красно-желтых тонов. По мнению сторонников этой гипотезы, например, творчество Гомера относится именно ко второму периоду. Так, например, цветом одеяний в «Илиаде» является пурпурный, а предметы в «Одиссее» окрашены в красный [Brusatin 2006: 39]. Также, преимущественно красный, а не жёлтый цвет

доминирует в римском мире [там же: 46]. Опираясь на материал его произведений, и указывая на то, что в поэзии Гомера нет четких обозначений, например, для синего цвета, ученые попытались доказать, что древние греки не различали некоторые цветовые оттенки. В начале XX века вокруг этой проблемы развернулась оживленная дискуссия. Лингвистические исследования обнаружили бедность некоторых древних и «примитивных» языков в словах, обозначающих синий и зеленый цвета, а иной раз даже полное отсутствие таких ЦО или тождество названий синего и зеленого, синего и желтого. Исходя из этих данных, был сделан неверный вывод о неполноценности цветового зрения у древних и первобытных народов⁸. Эта гипотеза подверглась справедливой критике. Язык, являясь вторичной структурой по отношению к чувствам и жизненной практике, отображает далеко не все жизненные явления (что было отмечено еще Аристотелем), и далеко не все он отображает адекватно, то есть точно и полно. Между словом и вещью всегда есть некоторый «зазор». Поэтому не совсем правомерными являются выводы о качестве цветового зрения на основе одних только лингвистических исследований.

Идея сторонников гипотезы эволюции цветоощущения о том, что самые отсталые дикие народы нашего времени еще не вступили в последнюю стадию цветоразличения, была опровергнута благодаря исследованию литературных памятников: этнолингвистические исследования, осуществленные немецкими учеными, показали, что греки эпохи Гомера (IX в. до н.э.) *распознавали все цвета*. Также было отмечено то, что еще за несколько веков до появления гомеровских поэм (крито-микенский период) греки раскрашивали в разнообразные цвета предметы домашней утвари и стены своих домов. Кроме того, известно, что несмотря на то, что греки игнорировали и исключали голубой (синий) цвет, в поэмах Гомера прилагательное *kuanos* (соответствующее латинскому *caeruleus* «синий, лазурный, голубой») < *caelum*

⁸ Так, например, У. Глэдстон («Исследование произведений Гомера и эпоха Гомера») исследуя наименования цвета в языке Гомера, приходит к выводу о "цветовой слепоте" древних греков на основании того, что по сравнению с ЦО современных языков ЦО в произведениях Гомера представлены в незначительном количестве и употребляются крайне редко [Gladstone 1858].

«небо») отражает тёмно-зелёную тональность моря, в котором отражается небо; когда водный элемент является более тёмным он обозначается *oinoros* («винноцветный») [Brusatin 2006: 39]. То, что латинская система ЦО была не беднее греческой, доказывал ещё во II в. н.э. Авл Геллий [Клейнер 2008: 246].

Б. Берлин и П. Кей [Berlin, Kay 1969] подвергли сомнению основной тезис гипотезы Сэпира - Уорфа об отсутствии языковых универсалий. По их мнению, материал ЦО может быть подвергнут возможности типологизации. Это дает возможность установить некоторые универсалии. Книга является результатом лингвистического типологического исследования основных цветообозначений (ОЦО) в языках мира. Сам термин ОЦО (*basic color term*), введенный в употребление в этой работе, впоследствии получил широкое распространение в исследованиях, связанных с проблемой ЦО.

Несмотря на то, что монография Берлина и Кея очень скоро стала самой известной и цитируемой работой по проблеме ЦО, она также подвергалась резкой критике. Так, например, авторов упрекали в несовершенстве используемых методов. Тем не менее, несмотря на указанные недостатки, в изучении ЦО она произвела своего рода революцию: содержащиеся в ней постулаты об универсальной схеме развития систем ОЦО, после соответствующих уточнений и дополнений, являются актуальными и в настоящее время. Так, в частности, эта теория была скорректирована в [Kay, Mc Daniel 1978; Kay, Berlin, Merrifield 1978; Berlin, Kay, Merrifield 1985; Hardin, Maffi 1977].

Хотелось бы также отметить, что одним из важных последствий появления работы Берлина и Кея явился всплеск научного интереса к общей проблеме цвета. Это выразилось в появлении огромного количества работ дескриптивного характера и ряда полевых исследований по сбору материала (как правило, на основе метода цветowych пластинок), осуществившихся на материале как индоевропейских [НЦИЯ], так и других языков [Hickerson 1971].

Цветовые универсалии, выведенные Берлином и Кеем, дали новый импульс исследованиям восприятия цвета, а лингвистическая категоризация, осуществленная на материале языков различных семей, указывает не на

лингвистический релятивизм, а на существование биологически обусловленных семантических универсалий.

С другой стороны, некоторые ученые отмечают, что способы изучения ЦО, используемые по методологии Берлина и Кея (по-видимому, позволяющей достигнуть определенных результатов в сфере антропологии, а также в других дисциплинах), собственно, для лингвистического анализа, являются непригодными: результаты исследования, проведенного с помощью цветных пластинок, не позволяли определить семантику исследуемых ЦО. О невозможности использования цветных пластинок при объяснении значения имени цвета (см., например, [Вежбицкая 1996: 294-297]) неоднократно говорили ученые - лексикографы⁹.

Лингвистические исследования, проведенные по методике Берлина и Кея, продолжаются и в настоящее время. Так, изучив конкретные лингвистические факты, А.П. Василевич [Василевич 2003] показал, что при использовании парадигмы теорий Берлина-Кея и Сепира-Уорфа нецелесообразно ограничиваться группой «основных» цветоименований, а следует привлекать всю активную лексику, предназначенную для отображения ЦО каждого конкретного языка. Получив достаточно полные данные о ЦО в 15 языках (в их числе славянские, германские, романские, иранские, финно-угорские и тюркские языки, а также язык бамана (Мали) и японский), А.П. Василевич выдвинул идею о возможных путях дальнейшего развития лексики ЦО в будущем.

Позднее, в работе, написанной в соавторстве с С.Н. Кузнецовой и С.С. Мищенко, А.П. Василевич акцентирует внимание на том, что «по мнению Берлина и Кея, для всякого языка центральным этапом развития системы ЦО является процесс формирования «ядра» - группы слов, которые получили названия «основные цветоименования» (basic color terms) ... Номенклатура

⁹ Все эти соображения нашли отражение в известной работе А. Вежбицкой [Вежбицкая 1996], в которой предлагается возможность толкования ЦО с помощью так называемых прототипических объектов - объектов наивной картины мира, с которыми в сознании носителей ассоциируются данные ЦО (для черного - ночь, для белого - день, снег, для красного - огонь, кровь, и т. д.). Её подход был с воодушевлением воспринят многими лингвистами, что привело к появлению работ, в которых ЦО были исследованы в русле предложенной А. Вежбицкой методологии. [Рахилина 2000; Норманская 2005 и др.]

названий цвета, во всяком случае в европейских языках, может быть описана с помощью трех компонент: цветовой тон (главная компонента), яркость и насыщенность» [Василевич, Кузнецова, Мищенко 2008: 15].

Как можно предположить, одним из наиболее существенных положений монографии Берлина и Кея является описание эволюции группы основных цветообозначений (ОЦО), выведенной в процессе исследования. «Всеобщий» эволюционный закон предполагает существование семи ступеней (стадий) развития цветовой терминологии, отражающих строгую последовательность появления каждого слова. Каждая более поздняя стадия при этом включает в себя все предыдущие.

Весьма существенным оказалось предположение о том, что все современные языки на древнем этапе своего развития располагали только двумя словами, отражающими всё многообразие цветовой палитры. Одно слово предназначалось для обозначения всех тёмных цветов, а другое – светлых. Это положение было характерно для первого этапа, или (стадии) развития ЦО. И в настоящее время языки некоторых народов остаются на этой стадии. На более поздней стадии к двум обобщенным понятием «светлого» и «темного», маркированных наличием / отсутствием интенсивности, присоединяется конкретное понятие – «красный», в то время как первые два понятия начинают осмысляться как «черный» и «белый».

Утверждение о маркированности компонентов противопоставления I стадии (тёмного / чёрного и светлого / белого) наличием / отсутствием *интенсивности* имеет особую значимость для понимания феномена поляризации значений и образования энантиосемии (динамика изменения значения с позитивного на негативное и наоборот) и восходит к центральному положению системы ЦО, созданной А. Манселлом в начале XX века: все возможные оттенки цвета были распределены им по двум градуированным шкалам: *светлоты* и *насыщенности* [Клейнер 2008: 247]. В конце XIX в. известный индоевропеист В.П. Леман в статье, посвящённой системе ЦО в древнеирландском, отметил, что она строилась

скорее на степени *интенсивности* и *яркости*¹⁰, чем на различиях цветовой палитры.

На стадии III появилось понятие синего цвета. Понятия зеленого и желтого цветов относятся, соответственно, к IV и V стадиям. Появление коричневого цвета отмечается для стадии VI. На высшей стадии VII появилось еще четыре ЦО: «розовый», «оранжевый», «фиолетовый» и «серый».

Для индоевропейского языка восстанавливают минимум IV стадию [Mallory, Adams 1997: 114], а в развитых индоевропейских языках наличествуют уже все ЦО, появившиеся на каждой стадии их эволюции (то есть от I до VII), но можно найти примеры языков, представляющих любую из семи. Как полагает А.М. Кристолю, в романских языках представлены все цвета, но собственно романской инновацией является использование коричневого, розового и фиолетового [Kristol 1978].

Описанный процесс оформления набора ОЦО, по мнению создателей экспонируемой гипотезы, носит универсальный характер и свойственен для всех языков в равной степени.

Таким образом, две разные теории - теория Берлина и Кея и предшествующая ей теория Сепира-Уорфа в какой-то мере послужили отправной точкой для сопоставительного изучения цветowych наименований в языках разных систем.

¹⁰ «Это вовсе не обозначает, - пишет Леман, что носители древнеирландского языка были дальтониками и не различали цветов. Просто языковая система может покоиться на иных основаниях, так что объект именуется «белым» или «чёрным» скорее в зависимости от его *интенсивности* или *яркости*, чем цвета» (курсив наш - К.С.) [Леман 1991: 8]. Ещё ранее Ф. Ирихтом было высказано предположение, что индоевропейская система ЦО основывалась не на цветowych различиях, а скорее на *блеске* и *сиянии*» [там же: 6]. О блеске (а не оттенке) как о первичном составляющем латинского ЦО *aureus* («золотой») см. [Клейнер 2010]. Так, например, хорошо известно, что в латыни существовали две пары основных терминов для номинации чёрного и белого цвета. *Niger* и *candidus* для обозначения *блестящего* чёрного и белого и *ater* и *albus* для обозначения *тусклого* чёрного и белого, соответственно [Mollard Desfour 2008: 24]. Как отмечается, эти примеры указывают на «безусловную важность понятий блеска и тусклости ... в современном обществе для разграничения различных тональностей» [там же]. То же - греч. *leukos* «белый, блестящий, бледный», как формант *leuc(o)* -, таких медицинских терминов как лейхемия, лейкодермия, лейкома и др. [там же].

Это свидетельствует о том, что изучение ЦО, сопряженное с проблемой идиоэтнического и универсального в языке, по-прежнему остается популярным направлением в лингвистике.

Если говорить о первой стадии, то многие источники убедительно показывают первичность бинарной оппозиции белого и черного: изначально жизнь человека регулировалась двумя факторами – дневным светом и ночной тьмой. Свет в сознании человека ассоциировался с активной деятельностью и солнечным теплом, в то время как ночной мрак связывался с пассивностью, холодом и таинственностью. Отсюда происходит устойчивый для большинства культур набор положительных значений белого, белизны, светлого и отрицательных – черного, черноты, темного.

Большое количество научных трудов посвящено исследованию красного цвета, появлением которого характеризуется вторая стадия развития ЦО (см., например, [Михайлова 1994, 1996; Иссерлин 1951; Суровцова 1970; Дронова 2006] и др.). Некоторые ученые рассматривают триаду белый – черный – красный не только как универсальную, но и, возможно, как первичную. « ... уже на второй (стадии), для всех языков без исключения, выделяется красный тон, маркируемый появлением соответствующей лексемы, что, по сути, делает понятие «красный» первым (а иногда и единственным) собственно цветовым, хроматическим понятием на определенной стадии развития языка и мышления» [Михайлова 1996: 49] (см. также выше).

Значимость трех последующих цветовых категорий («зеленый», «желтый» и «синий») объясняется, прежде всего, доминирующим фактором наличия этих цветов в окружающей нас действительности, в особенности, в окраске природных объектов (воды, неба, земли и т.п.), а также растений, являющихся основой питания.

Также существенно и то, что «пополнение словаря цветообозначений происходит путем отбора эталонов, превращающихся в результате метафорического переосмысления в названия цвета. В языках, развивающихся в близких культурно-исторических условиях, обнаруживаются значительные

соответствия в создании подобных конкретно-опосредованных цветообозначений: русск. *маковый*, фр. *rouge coquelicot*, исп. *rojo amapola*» [Масленникова 1973: 5]. Отметим при этом структурное несовпадение: адъективной словарной единице в русском языке соответствуют аналитические образования (Adj. + N.S.) в романских.

Начиная с шестнадцатого века, активным источником развития ЦО стала литература, особенно поэзия, где создание различных поэтических образов требовало все новых и новых наименований, в том числе и цветовых. М.А. Бородина и В.Г. Гак справедливо отмечают, что «расширение словаря ЦО было вызвано также эстетическими потребностями развивающейся литературы, в первую очередь поэзии, создавались поэтические синонимы общеупотребительных цветовых терминов...» [Бородина, Гак 1979: 15]. Таким образом, достижения в разных областях деятельности человека в отмеченный период отразились в количественном и качественном составе лексики европейских языков.

Еще одним источником обогащения лексики ЦО явились литературные заимствования из некоторых языков. «...Известно, что французский язык XVII века «снабдил» многие европейские языки словами культурного слоя, включающими и термины цвета» [Василевич 2003: 13]. Другая волна заимствований произошла в конце XIX века в связи с влиянием французской моды на Европу. «Оказала влияние на этот процесс и торговля с Востоком, в результате которой были заимствованы имена цвета, образованные от названий масти лошадей. Так, например, из тюркского языка в русский пришли такие цветообозначения, как *чалый*, *чагравый*, *каурый*, *мухортый*, из иранского — *бурый*, из монгольского — *халтарый*, *халюный*, *халваный*» [Дыбо 2007: 15-16].

Значительную роль в формировании антропоцентрической парадигмы, связанной с использованием ЦО в языках мира, играют разнообразные фразеологические единицы (ФЕ), рассмотрение основных особенностей которых составит содержание следующего параграфа.

1.5. ЦО как компонент ФЕ

Как отмечает в своей монографии, посвящённой исследованию оценочных фразеологизмов в испанском языке, Н.Г. Мед, «в современном отечественном языкознании фразеологизмы стали исследоваться прежде всего как национально-культурно обусловленные знаки или как универсалии человеческого сознания» [Мед 2007: 191]. Так, в частности, в руссистику глубоко исследованы не только семантическая и структурная составляющая фразеологического фонда, но и многие вопросы, связанные с функционированием фразеологизмов в тексте (дискурсе). См., например, [Мелерович, Мокиенко 2011]. Большой вклад в изучение проблем сравнительно-сопоставительной и идиоэтнической фразеологии внесли работы Н.Н. Кирилловой, основанные на сопоставлении основных романских языков [Кириллова 1986; 2003]. Интерес к социологической и психолингвистической составляющей фразеологии, а также акцент на идиоэтнической позиции (фразеологизмы как национально-культурно обусловленные знаки), по мнению Н.Г. Мед, можно отметить и для современной испанской фразеологии [Мед 2007: 191].

Фразеология в этом смысле является, по единодушному мнению лингвистов, наиболее культурноносным слоем лексики, фиксирующим культурный опыт различных этносов, наивно-бытовое видение картины мира, в котором представлены как общие, универсальные принципы организации человеческим сознанием действительности, так и закономерности, предпочитаемые тем или иным национально-культурным менталитетом. В.Н. Телия пишет о фразеологии как о зеркале, «в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное сознание» [Телия 1996: 9]. По мнению известной исследовательницы в области лексикологии и фразеологии итальянского языка Т.З. Черданцевой, «фразеология любого языка – это ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражается видение мира, национальная культура, обычаи и верования, фантазия и история говорящего на нем народа» [Черданцева 1996: 58].

Важнейший компонент языкового сознания составляет КМ, являясь, с одной стороны, результатом функционирования языкового сознания, она зафиксирована в языке (и, в частности, в его фразеологическом фонде), с другой стороны КМ составляет базис для функционирования языкового сознания.

Таким образом, все это позволяет говорить о «фразеологической картине мира» (ФКМ), которая в последнее время широко используется в лингвокультурологии и является частью общей языковой картины мира, очерченной средствами фразеологии [Добровольский 1997; Мальцева 1991; Телия 1993].

Для названия устойчивой организации слов во фразеологии употребляются несколько синонимичных терминов: 1) фразеологическая единица (ФЕ); 2) фразеологизм; 3) фразеологический оборот; 4) фразема; 5) устойчивый словесный комплекс (УСК) [Васильев 2011: 5]. В нашем исследовании используется первый. «Именно ФЕ играют специфическую роль в создании языковой картины мира, т.к. природа их значения тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке» [Маслова 2001: 68].

«ФЕ – это относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее целостным значением» [Мокиенко 1980: 5].

Структуру фразеологических моделей составляют разнообразные синтаксические конструкции, характеризующие грамматическую систему того или иного языка. Как показало исследование Н.Г. Мед, структуру испанских оценочных фразеологических единств составляют «традиционные (для этого языка) модели синтаксических конструкций, достаточно полно описанные в [Курчаткина, Супрун 1981]» [Мед 2007: 192]. Вопрос о структурном своеобразии испанских фразеологизмов изучается также в [Szalek 2010].

Рассматривая идиоматику (фразеологию) как раздел высшего языкового уровня (фонетика→морфология→синтаксис→идиоматика), отделяя ее от промежуточного уровня – синтаксиса, И.Е. Аничков отметил, что в рамках последнего изучаются связи форм слова, в то время как идиоматика является

наукой о словосочетаниях и «служит семантике» [Аничков 1992: 141-145]. Таким образом имплицитно вытекает положение о более жесткой привязанности фразеологических структур к значению, по сравнению с синтаксическими структурами (оборотами). Так, отмечает Н.Г. Мед, синтаксически равнозначное *perder el dinero* («потерять деньги») фразеологическому словосочетанию *perder el seso* (букв. «потерять мозг») отличается от первого способностью иметь переносное значение: «быть глупым» и «на первый план выступают разнообразные *семантические* сдвиги, обуславливающие фразеологическую *цельнооформленность* (курсив наш – К.С.)» [Мед 2007: 193-194]¹¹.

По мнению Х.А. Марина, при исследовании ЦО (*léxico del color*) «семантика представляет особый интерес, так как позволяет осуществить тщательное изучение трёх языковых уровней: сегментацию лексики (т.е. то, как разделяются цвета в процессе номинации), субъектное восприятие (значение) и физический феномен (референт)» [Marin 1999: 191-195].

Для понимания фразеологического переосмысления важным представляется понятие фразеологической номинации. Под номинацией понимается «процесс и результат наименования, при котором языковые элементы соотносятся с обозначаемыми ими объектами» [Гак 1977: 23]. Вторичной лексической номинацией В.Г. Гак и В.Н. Телия считают использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения. По их мнению, в языке «закрепляются такие вторичные наименования, которые представляют собой наиболее закономерные для системы данного языка способы наименования и восполняют недостающие в нем номинативные средства» [Телия 1977: 1].

В основе процесса фразеологической номинации лежит фразеологическое переосмысление, являющееся одним из способов познания действительности в сознании человека. Оно связано с воспроизведением реальных или воображаемых особенностей отраженных объектов на основе установления связей между ними. Техника переосмысления заключается в том, что старая форма используется для

¹¹ О значимости семантической составляющей ФЕ свидетельствуют русск. *две большие разницы*. Эффект очевидного логического нарушения здесь только способствует усилению значения этого образования: «очень большая разница».

вторичного или третичного наименования путем переноса названий и семантической информации с денотатов прототипов ФЕ или фразеологических вариантов соответственно на денотаты ФЕ или фразеосемантических вариантов» [Кунин 1986: 132-133]. Важнейшими типами переосмысления являются *метафора и метонимия*.

В лингвистической литературе проблема метафоры рассматривалась издавна, однако, если раньше она воспринималась как стилистическое средство или средство номинации, то в настоящем времени, в связи с развитием когнитивистики, метафору стали считать «способом создания языковой КМ, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов» [РЧФЯ 1988: 127].

Также отмечается, что «человек познает мир через метафоры, и метафоры, в свою очередь, определяют познание. Они становятся ключом к пониманию основ мышления и процессов сознания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [Козлова 2010: 7].

Метафору все чаще стали рассматривать как ключ к пониманию основ мышления и процессов создания видения мира, его универсального образа: человек не столько открывает сходство, сколько создает его. Как полагает Н.Д. Арутюнова, «акт метафорического творчества лежит в основе многих семантических процессов — развития синонимических средств, появления новых значений и их нюансов, создания полисемии, развития систем терминологии и эмоционально-экспрессивной лексики» [Арутюнова 1990: 9 -10].

Обращаясь к рассмотрению оценочной метафоризации, Н.Г. Мед справедливо усматривает в ее механизме своеобразный баланс между *расширением* смыслового объема слова и *сокращением* структуры того или иного сравнения (курсив наш – К.С.) [Мед 2007: 184]¹². Рассматривая природу

¹² Нельзя не отметить, что обязательное метафорическое сокращение, вопреки мнению Х. Вейнриха, безусловно, способствуя усилению образности метафоризированного слова «сократить путь к истине» [Вейнрих 1987: 66], вероятно, не позволяет, а скорее отдаляет. Так, *Сахарный снег* или *Голова прошла*, отражая психологическую реакцию субъекта, отображающего (и оценивающего) объект окружающей действительности, отнюдь не означает,

компаративных фразеологизмов, Н.Г. Мед отмечает, что в этом случае имеет место проявление устойчивых коннотаций. Ср. (ser) bruto que un arado «быть глупее плуга» (букв. «быть глупым / грубым как плуг»).

Помимо метафорического переосмысления, в основе ФЕ может лежать переосмыслении *метонимическое*. Механизм метонимических переосмыслений представляет собой перенос наименований явлений, предметов и их признаков по их смежности или шире по их связи в пространстве и времени. «Метонимия обращает внимание на индивидуальную черту, позволяя адресату речи идентифицировать объект, выделить его из области наблюдаемого, отличить от других сопричастующих с ним предметов, метафора же дает сущностную характеристику объекта» [Арутюнова 1990: 30].

Наряду с метафорическим и метонимическим переосмыслением, важную роль для понимания фразеологического значения играет понятие *внутренней формы*, понятию которой, как это хорошо известно, современная наука обязана лингвистической концепции В. фон Гумбольдта, считавшего последнюю явлением многогранным, вытекающим из духа народа или национальной духовной силы. Именно это определение внутренней формы получило в дальнейшем различные толкования.

Как показали исследования, проведенные в первое десятилетие XXI века, внутренняя форма влияет на синтаксические, семантические и прагматические

что *снег* действительно является *сахарным*, а *голова* (отделившись от туловища) *прошла* в каком-то направлении. Фигуративность увеличивает образность, но достижению объективной точности (не говоря уже об обретении истины даже в ее обиходном понимании), безусловно, не способствует. Как справедливо отметил М.В. Никитин, «увы, современная наука дает массу примеров обольщения метафорой, ... когда в метафоре видят не столько средство переключения из одной предметной области в другую, а только средство разрушения границ и контаминации предметных областей, когда расширяют буквальный смысл метафоры и подчиняют ей видение объекта вопреки деятельностно обусловленному представлению о нем». [Никитин 2007: 216]. Ср. также «Метафоры и метонимии ..., принятые без должной осторожности, оказываются источником иллюзий и заблуждений на предмет обозначаемых ими денотатов» [Никитин 2007: 659].

особенности поведения идиом [Баранов, Добровольский 2008; 2009], отражающие, таким образом, все составляющие семиотического тривиума.

Особенность *цветовой метафоры* заключается в том, что она способна *выражать* эмоции и настроения и *называть* эмоциональное состояние и человеческие качества одновременно. «Очевидным становится огромное влияние метафор на формирование языковой картины в целом...метафорическая характеристика цвета включает в себя опыт человека и впечатления, им вызываемые» [Козлова 2010: 7]. Об антропоцентричности метафорической лингвоцветовой КМ см. [Завьялова 2006: 110-111].

В качестве показательного примера активного употребления ФЕ с цветовым компонентом приведем фрагмент статьи на французском языке, в которой крайне эмоционально за счет употребления устойчивых единиц с цветовым компонентом выражается отношение автора к проблеме расизма.

«Ces derniers temps, je fais *GRISE mine*. Ne vous inquiétez pas, je ne broie pas du NOIR. Mais il faut bien le dire, il m'arrive *d'être VERTE de rage*. Je ris souvent *JAUNE* face à tant d'incompréhension. J'ai beau en avoir *vu de toutes les COULEURS* dans ma vie, je vois encore et toujours *ROUGE* quand je suis confrontée à l'ignorance, alliée de première ordre *des idées les plus NOIRES*.

J'ai parfois même une *peur BLEUE* quand je me mets à penser à l'avenir de mes enfants dans ce monde où tout ce qui est autre, différent effraie. Dans ces cas là, j'essaie de me reprendre pour *voir* de nouveau *la vie en ROSE* !

En fait, il faudrait parfois *se mettre au VERT* en laissant de côté tout ce qui peut parasiter nos vies, en oubliant l'intolérance, l'indifférence, la haine que propagent parfois certains F(a)N(atiques) et en remettant un bon coup de *peinture BLANCHE* sur quelques jeunes esprits déjà tant manipulés et pervertis...

Pourtant, je ne peux m'empêcher de croire que les choses, les gens changeront. Je ne veux plus *être BLANCHE comme un linge* à chaque fois que je lis ici ou là cette haine de l'autre qui transpire ! Je ne perdrais plus UNE MINUTE de ma vie à tenter de comprendre l'inacceptable....

Et plus que tout, je ne souhaite pas *être la lanterne ROUGE* dans ce combat contre le racisme ... Ce qu'il nous reste de mieux à faire, c'est de se tenir debout fièrement face à l'obscurantisme, les yeux dans les yeux, avec pour seule réponse à cette montée du racisme dans notre pays la certitude d'être un être unique parmi la seule race qui existe, la race humaine, dont la seule richesse réside en sa diversité et sa palette de couleurs!» [<http://the-book-of-mum.com/tag/racisme-ordinaire/>].

«В последнее время я *очень расстроена (делаю серую мину)*. Не беспокойтесь, я не хандрю (не растираю черный). Но следует решительно сказать, что мне случается *«зеленеть от злости»*. Часто мне приходится *принужденно смеяться (смеяться желтым)*, сталкиваясь с таким непониманием. Напрасно я *столько повидала на своем веку (видела их всеми цветами)*, я все еще и всегда *прихожу в ярость (вижу красным)*, когда сталкиваюсь с невежеством в сочетании, в первую очередь, с *черными мыслями (черными идеями)*, по всей видимости, здесь сочетание «черные идеи» связано с расовыми предрассудками и употреблено в прямом значении, таким образом, косвенно указывается на идеи и позиции, которых придерживаются националисты – К.С.).

Часто я даже испытываю *настоящий ужас* (синий страх), когда начинаю думать о будущем своих детей в мире, где всякий, кто чем-то отличается от остальных – белая ворона. И как раз в этом случае я пытаюсь снова *смотреть на мир сквозь розовые очки (видеть все в розовом)*.

На самом деле, иногда следовало бы *отправиться на лоно природы (поместиться на зеленое)*, пренебречь всем, что может омрачить нашу жизнь, забывая о нетерпимости, равнодушии и ненависти, которые распространяют фанатики и *пролить свет (добавить белой краски)* на некоторые молодые, но уже такие манипулируемые и испорченные умы.

И, тем не менее, я не могу не верить, что положение вещей в мире и сами люди изменятся. Я больше не хочу *бледнеть как полотно (быть белой как тряпка)* всякий раз, когда тут или там читаю про ненависть, вырывающуюся наружу. Я больше не потрачу ни минуты своей жизни, силясь понять неприемлемое. ... И прежде всего, я не желаю *быть последней (быть красным фонарем)* в этой борьбе против расизма ...

Лучшее, что нам остается – это верно придерживаться своих принципов перед лицом обскурантизма, ... ради возможности дать отпор, ... ради уверенности в том, что ты личность среди единственной существующей человеческой расы, единственное богатство которой состоит в ее разнообразии и этой *«цветовой палитре»*.

Как устанавливается в ходе исследования, процессы метафоризации, в основном, протекают в простых ЦО, относящимся к основным цветам спектра, за исключением тех случаев, когда тот или иной цветовой оттенок является культурно-обусловленным элементом значения ФЕ.

Контекстуальная реализация переносного значения прилагательных - ЦО обуславливается их контактным взаимодействием с существительными. Одни и те же ЦО, сочетаясь с разными именами существительными, могут метафоризироваться в различных направлениях. В этом процессе важную роль также играет семантика существительного, с помощью которого раскрывается многоуровневый семантический потенциал цветоименований, входящих в состав ФЕ.

Смысловая динамика ЦО осуществляется за счет приращений, обусловленных экспликацией эмотивного потенциала этих языковых единиц.

По мнению некоторых исследователей, «психологическое осмысление цвета является одним из факторов *переосмысления* цветообозначений в языке» (курсив наш – К.С.) [Бедоидзе 1997: 12], которые закрепляются, в том числе, и во *фразеологии* того или иного языка.

Как это уже было показано выше, «перцептивно-когнитивно-аффективный по своему характеру, цветовой опыт занимает важную часть в структуре всего человеческого опыта и репрезентируется в языке посредством ЦО» [Шелепова 2007: 7] которые, являясь важным и чрезвычайно обширным пластом лексики практически любого языка, органически входят также и во фразеологическую систему, принимая важное и даже определяющее участие в формировании фразеологической единицы, детерминируя, таким образом, ее значение. По мнению В.Н. Ключевой, «весьма разнообразное языковое восприятие цвета в языках влияет на весь быт народа, на все его историческое развитие» [Ключева 1956: 7]. При этом различное отношение к тому или иному оттенку особенно ярко выражается во фразеологических единицах с компонентом ЦО.

Входя в состав ФЕ, слова-цветообозначения становятся основой их объединения вокруг специфического семантического признака, образуя тем самым особое фразеологическое семантическое поле.

«Своеобразие цветообозначений наиболее ярко проявляется в ФКМ в силу способности цветолексем ярко и образно отражать характерные черты мировосприятия народа, влияние культурологических, мифо-символических, социально-исторических и других факторов на образование производных смыслов. Фразеологическая концептуализация мира, действительности – это познавательно-оценивающий процесс вербализации важных социокультурных смыслов посредством фонда устойчивых единиц языка – фразеологизмов» [Зольникова 2009: 89].

Материал трёх сопоставляемых языков свидетельствует о том, что фразеологические единицы с компонентом ЦО составляют одну из больших и весьма продуктивных тематических групп во фразеологии, а слова-цветообозначения характеризуются высокой семантической активностью.

По мнению И. Шалека, анализ ЛЕ, входящих в состав ФЕ может оказаться неисчерпаемым источником информации о процессах семантической кодификации, осуществляющихся внутри той или иной языковой системы. Так, например, в испанском, равно как и в других европейских языках имеется очень большое количество фразеологизмов и других устойчивых оборотов (паремий), которые содержат в своей структуре хроматические компоненты. Ср. пословицу *De noche todos los gatos son pardos* («Ночью все кошки серы») в которой указывается на то, о чём утверждают и физики (пересечение научной и фразеологической КМ – К.С.): человеческий глаз обычно не улавливает в равной мере все цвета – при изменении цвета; одушевлённые и неодушевлённые предметы (*personas y cosas*) становятся неразличимыми и смешиваются после того как наступает ночь [Szalek 2005: 88].

Концентрируясь, в основном, на изучении семантического уровня ФЕ, И. Шалек выявляет феномены, указывающие на то, что можно было бы назвать испанской *идиосинкразией* [там же], т.е. особенностями национального

восприятия тех или иных явлений действительности. При этом отмечается, что «субъективное восприятие цветов носителями испанского не обязательно является таким же, что и у других народов Европы, но в общем, не сильно отличается от европейской культурной парадигмы»¹³ [там же: 89]. Подробнее об этом см. в главе IV.

Другой важной чертой семантики ФЕ с компонентами ЦО является связь с процессом номинации и / или градуации объектов, а также с описанием или наименованием, состоянием, ситуацией или явлениями жизни, предполагающими ту или иную градуацию черт или классификацию. Именно цвета, по мнению исследователя, являются способом «выражения большого количества ситуаций, которые обычно было бы трудно описать, используя другие знаки или слова» [там же: 91].

В испанском, как и в других европейских, и, в частности, романских языках содержится большое количество фразеологизмов с компонентом ЦО, назначением которых является отражение человеческих *эмоций*.

Безусловной заслугой И. Шалека является фокусирование внимания на том, что в тех случаях, когда выявление мотивации в ФЕ с цветовым компонентом на синхронном уровне представляется затруднительным (ассоциативные связи между составляющими ФЕ стёрты), исследователь делает акцент на необходимости использования диахронического анализа. Ср., например, анализ адъективного словосочетания (N + Adj.) *viejo verde*, о котором, как и о некоторых других ФЕ, коннотации которых можно объяснить только в ракурсе диахронического подхода, речь пойдёт в главе II нашего исследования.

Нельзя не отметить внимание польского фразеолога к важности указания на значимость выявления синонимических рядов ФЕ с компонентами ЦО (Ср.: *dar / tener luz verde = dar / tener carta blanca* («давать / иметь зелёный свет» = давать / иметь карт бланш») и др. [там же: 93-94], а также к значительному корпусу

¹³ Об аналогичном восприятии ФЕ с хроматическими компонентами во французском и итальянском см. [Arcaini 1993]. О доминантно-отрицательной коннотации чёрного цвета в испанском, французском и итальянском (также русском и английском) языках и об увеличивающемся количестве ФЕ, содержащих компонент «чёрный» см. [Pamies, Iñesta, Lozano 1998].

колоротивных фразеологических компаративов, подробно рассматриваемому во второй главе нашей работы. Тем не менее, нельзя не отметить, что при противопоставлении ряда компаративных ФЕ с компонентом «белый» - аналогичным ФЕ с компонентом «чёрный», внимание исследователя на существенном факторе энантиосемии, которое следовало бы отметить при экспликации примеров ФЕ с компонентом «белый», не фиксируется: в центре внимания И. Шалека – только мелиоративное значение в компаративах *blanco como el jazmín / la nieve / el armiño / la leche / la azucena / el nardo*, в то время как отрицательная коннотация таких единиц как: *blanco como un papel / la pared / un cadáver / un difunto / un muerto / la cera* и др. не указывается [там же: 94]. Подробнее см. в главе II .

Следует отметить, что все ФЕ с цветовым компонентом в трех романских языках (испанском, французском и итальянском) вне зависимости от их структурной организации можно условно разделить на две большие группы: ФЕ, в которых колоротивная лексика употребляется в собственно-цветовом значении, и те ФЕ, в которых данный лексический фрагмент выступает в качестве носителя иного смысла, отличного от цветовой характеристики.

Выводы по главе

1) Основной целью данной главы было стремление осветить вопрос о глубокой и неслучайной связи цветового символизма с различными пластами человеческого сознания и общественно-культурной жизнью людей, а также попытка охарактеризовать основные этапы его развития. Первый из них – «космологический» (мифологический) включает в себя цветовую символику первобытных народов, древнего мира и античности (цвет как символ мировых сил, стихий, начал). Второй – «религиозный» (богословский), - от поздней античности до эпохи Возрождения (свет и цвет как атрибуты божественного). И, наконец, третий – «социально-психологический» (цветовая символика общественно-политических, социальных и индивидуально-психологических процессов и явлений).

В отличие от восточных цветовых символических систем, европейская символика полностью сосредоточивалась на идее бога и божественного происхождения всего прекрасного в мире. Священное писание утверждает, что свет и цвет прекрасны потому, что их сотворил бог и навсегда установил смысловое значение священных слов и священных цветов.

Современная цветовая символика включается в поэтические метафоры цвета и содержит признаки психического эмоционального значения.

2) Несмотря на то, что на протяжении человеческой истории содержание цветовых символов претерпело немалые изменения – менялась их трактовка и отношение к ним, - ядро цветовой символики оставалось неизменным. Речь идет о той части содержания цветового символа, которая остается даже в том случае, когда цвет лишается всех своих внешних, предметных ассоциаций. Последние зависят от конкретных культурных традиций и опыта. Цвет вызывает определенные специфические изменения в психическом мире человека, интерпретация которых порождает то, что мы называем цветовыми ассоциациями, коннотациями, символами и впечатлениями. Основанием для этого являются объективные законы цветового воздействия на человека.

3) Языковая КМ, по существу, определяемая как общая система языка (совокупность слов, формативов и средств связи между предложениями, а также синтаксические конструкции) включает цветовую КМ. Мир, познаваемый первоначально всеми органами чувств, предстает в цвете, а не черно-белым.

4) Лингвоцветовая КМ реализуется в форме ЦО в отдельных лексемах, словосочетаниях, идиоматических выражениях и других вербальных средствах, она органично входит в лексическую систему языковой картины мира.

5) Между ЦКМ, составляющими значимую часть концептуальной картины мира различных этносов, существуют различия. Хотя сама проблема выделения базисных универсальных цветов у различных народностей и целый ряд проблем, касающихся ЦО в языке, остаются открытыми и ждут новых решений в смежных научных сферах исследования.

б) Цвет использовался в качестве простого связующего средства между объектами, и в последнее время – системы языкового характера. При определении смысла и значения цвета всегда учитывались конкретные исторические условия.

Языковая КМ представляется основополагающей, так как человек приобретает и закрепляет знания об окружающей действительности при помощи языка. По-прежнему остается вопрос о взаимоотношении языка и культуры, именно он позволяет установить связи между языковой и национальной картинами мира. Язык можно рассматривать как продукт культуры, но, с другой стороны, язык является частью культуры, он один из ее элементов, подобно тому, как языковая картина мира представляет собой один из основополагающих элементов национальной картины мира. Цвета являются стереотипными символами, так как отражают обыденные, бытовые представления большинства представителей того или иного лингвокультурного сообщества.

7) Фразеологические единицы заполняют пробелы в лексической системе языка, которая не может полностью обеспечить наименование познанных человеком сторон действительности, и во многих случаях являются единственными обозначениями предметов, свойств, процессов, состояний, ситуаций и т.д. Образование фразеологизмов ослабляет противоречие между потребностями мышления и ограниченными лексическими ресурсами языка.

Глава II. Компаративные фразеологизмы с прилагательными цвета в романских языках

2.1. Сравнение как логико-философская категория и объект лингвистического исследования

Сравнение представляет собой один из способов восприятия и осознания действительности, ее признаков, результат аналитического наблюдения и замеченного сходства между объектами окружающего мира, для которых не существует абстрактных определений. Следовательно, в основе появления конкретной сравнительной конструкции лежат первичные представления - наблюдения, а сравнение является результатом анализа восприятий. Как справедливо отмечает С. Гутьерес Ордоньес, «человек постоянно охвачен стремлением к сравнению. Исследовать, измерять, познавать – значит – сравнивать. И результатом любого сравнивания всегда является эмпирическое суждение, которое может быть истолковано как истинное или ложное, и подчиняющееся одной из формул: $x > y$; $x = y$; $x < y$ » [Gutiérrez Ordóñez 1997: 9].

Сравнение как познавательная категория складывается из пяти компонентов: 1) того, что сравнивается (непознанный объект), 2) того, с чем сравнивается (познанный объект, компаративный образ, эталон сравнения), 3) основания сравнения (то общее, что их объединяет), 4) языковых средств выражения сравнительных отношений, 5) языковой личности, осуществляющей речетворческую деятельность и устанавливающей факты сходства и несходства.

Философы языка неоднократно подчеркивали, что способность сравнивать органически входит в процесс человеческого познания и является одним из средств формирования языка¹⁴. «Самый процесс познания есть процесс сравнения», - писал А.А. Потебня [Потебня 1990: 76].

¹⁴ В «Философском энциклопедическом словаре» сравнение толкуется как «познавательная операция, лежащая в основе суждений о сходстве или различии объектов; с помощью сравнения выявляются количественные и качественные характеристики предметов, классифицируется, упорядочивается и оценивается содержание бытия и познания. Сравнить – значит сопоставить 'одно' с 'другим' с целью выявить их возможные отношения; посредством сравнения мир постигается как 'связное разнообразие' [ФЭС 1989: 623], целью которого

Идеалы, стереотипы, стандарты являются неотъемлемой частью человеческого сознания. Л. Витгенштейн по этому поводу пишет: «Идеал неподвижно сидит в наших мыслях. Он подобно очкам сидит у нас на носу, и то, на что мы глядим, мы видим сквозь него» [Витгенштейн 1985: 122]. Представление о стандартах или эталонах и есть та «антропометрическая позиция, которая служит тем фильтром, сквозь который, как через цветное стекло, воспринимается мир» [Телия 1986:39].

По мнению С.О. Карцевского, «сравнить – значит выразить свое отношение, “оценить”, “измерить”, руководствуясь нашими чувствами и нашими страстями» [Карцевский 1976: 112].

Нельзя не согласиться с мнением В.А. Масловой о том, что «совокупность предметных образно-наглядных эталонных представлений о предметах, явлениях, с которыми человек на протяжении жизни встречается чаще, чем с другими, в целом формирует некоторую стабильную языковую картину отражения объективной действительности» [Маслова 2001:69].

Сравнение представляет собой разноаспектное понятие. С одной стороны, – это логическая категория, играющая важную роль в области познания человеком предметов и явлений окружающей действительности. С другой стороны, сравнение – это явление языка, базирующееся на сопоставлении по сходству и различию разнообразных свойств, качеств и признаков отдельных предметов и явлений окружающей действительности.

представляется «установление сходства и различия предметов и явлений действительности» [там же: 623]. Логический словарь-справочник даёт следующее определение сравнения: «Сравнение – один из основных логических приёмов познания внешнего мира и духовных ценностей» [ЛСС 1975: 567]. Таким образом, сравнение в философии и логике - это сравнение-тождество, которое получает языковое выражение в форме компаративных конструкций. Представление создается путем сопоставления элементов, которые можно объединять в одно целое и сравнивать, т.е. соотносить друг с другом. «Нет ничего более фундаментального для мышления и языка, чем наше ощущение подобия», - отмечал У.О.Куайн [Quine 1977: 157].

Как отмечает Р.М. Болгарова, «отражая особенности мышления человека, устойчивое сравнение концептуализирует существенный объем знаний человека об окружающей действительности, а также отношение последнего к отдельным её фрагментам, участвуя в передаче национальных эталонов и стереотипов» [Болгарова 2011: 46].

«Компаративная единица запускает механизм движения в сторону детализации, конкретизации признака, является вербальным стимулом к сравнению как к механизму получения выводного знания. Регулярность использования компаративных единиц в речи объясняется стремлением к детализации, конкретизации непомерно обобщённых представлений о признаках, объективируемых словом, и возможностью реализации «принципа наглядности» [Денисова 2009: 6]. Так, компаративные фразеологизмы служат средством освоения эмпирически познаваемой действительности и одновременно - ее оценивания в образах-эталонах, совокупность которых в целом формирует некоторую стабильную языковую картину отражения объективной действительности, как необходимая ему основа адаптации к миру.

В языке и мышлении существует некоторое унифицированное отражение норм, также зависящее от субъективных факторов человеческой природы – стереотип, под которым понимается устойчивое представление о каком-либо явлении, свойстве, объекте, сложившееся под влиянием социально-исторических условий и предшествующего жизненного опыта носителя той или иной языковой культуры, объективируемое с помощью эталона [Ghezzi 2009: 6-7].

Таким образом, сравнение, являясь универсально-мыслительной категорией, тесно связано не только с категориями *качества* и *количества*, но и с такими понятиями, как *свойство*, *признак*, *оценка*, следовательно, представляет особый интерес как объект исследования для различных дисциплин: философии, культурологии, и, в частности, лингвистики, а также отдельных ее областей (этно – и психолингвистики), так как отражает одновременно национальные стереотипы мышления, а также взгляд на мир отдельного индивидуума, являясь отражением диалектических взаимоотношений языка с миром и сознанием человека.

Под устойчивым сравнением, как пишет Э.А. Мальцева, «понимаются традиционные сравнения, которые не создаются говорящими в процессе речевого акта, а существуют в словарном составе языка как готовые единицы и лишь воспроизводятся в процессе общения: negro como boca de lobo ... » [Мальцева 1976: 1].

И.И. Чернышева связывает появление устойчивости у сравнительного оборота с трансформацией его начальной функции сравнения в функцию усиления, подчёркивая при этом, что подобная трансформация возможна только при наличии у компаратива фиксированной сочетаемости со строго определённым кругом прилагательных и глаголов: как рак красный. [Чернышева 1970: 50]. Таким образом, по определению И.И. Чернышевой, устойчивое сравнение (УС) квалифицируется как двухкомпонентное образование (С как В).

По мнению Л.А. Лебедевой, «исключение ... из формулы сравнения компонента А (слова, называющего субъект сравнения) вряд ли можно считать правомерным. Во-первых, у некоторых УС отмечаются традиционные лексические или лексико-грамматические ограничения в выражении субъекта сравнения: как из ведра лить (о дожде). Во-вторых, существенными для функции УС оказываются и достаточно общие, не всегда осознаваемые носителями языка, лексико-грамматические или категориально грамматические ограничения в выражении субъекта сравнения: как снег белый (о предмете) и как мел белый (о человеке, цвете лица) ... Изменение субъектной отнесённости УС при неизменном основании сравнения разрушает устойчивость сравнения и квалифицируются носителем языка как нарушение *нормы употребления* (курсив наш – К.С.). Вот почему характеристика субъекта сравнения становится существенным компонентом словарной статьи при лексикографическом описании УС» [Лебедева 1999: 15].

Особенностью подавляющего большинства компаративных фразеологизмов (КФ) является простота строения и однородность морфологического оформления.

Говоря о структуре приводимых КФ с ЦК, можно отметить следующее: для трех исследуемых языков наиболее типичной и характерной является

структура Adj. + conj. + N.S. (где Adj. – прилагательное, conj. – союз, N.S. – имя существительное). При этом также следует обратить внимание на то, что в испанском языке используются и другие структуры для образования устойчивых компаративных конструкций *más* (более) + Adj. + *que* (чем) + N.S. , Adv. (наречие) + conj. + N.S. а также структура Adj. + *como si fuera* (как если бы) + Prep. (предлог) +N.S., являющаяся, по сути, придаточным предложением.

По мнению некоторых исследователей, классическая традиция классификации сравнительных степеней не соответствует действительности. В грамматиках «такие конструкции как «*el más tranquilo*», «*muy tranquilo*» - «самый спокойный», «очень спокойный» определяются как относительная и абсолютная превосходные степени, которые ни с формальной, ни с точки зрения значения являются не превосходными, а относительными степенями превосходства. Также следует различать качественные и количественные сравнения. ... Здесь наблюдается противостояние бессоюзного прерывного аспекта и союзного непрерывного (ср. *más blanco que ...* и *blanco como ...*). *Más* (больше) является одним из наиболее часто употребляющихся слов в испанском языке. *Más que* (больше чем) – единственная «прерывная» морфема сравнительной степени превосходства, породившая только положительные стереотипные сравнения в области цвета напряжённость» [Chantraine de van Praag 1971: 815-816]. Как отмечает М.И. Родригес Понсе, «это является общей тенденцией в испанском языке, где «оценивание в полюсе превосходства получило большее развитие, чем оценивание в полюсе «недостаточности» в связи с тем, что отрицание приводит к препятствию в понимании высказывания» [Ponce 2005: 533]. Данное положение, на наш взгляд, справедливо также и по отношению к французскому и итальянскому языкам.

Компаративные фразеологизмы, постоянно используемые в речи, в течение длительного времени детально не рассматривались в испанских грамматических

исследованиях¹⁵, хотя в последнее время в области лингвистических исследований к этой теме стали обращаться всё чаще.

Термин «стереотипное сравнение» охватывает все эмфатические структуры, в которых говорящий желает выразить превосходство качества, вступающего в силу посредством сравнения с термином-прототипом. Сравнения такого типа грамматисты обозначали различным образом: прототипное или элативное сравнение [Gutiérrez Ordóñez 1997], интенсивное сравнение [Alvárez Menéndez 1992], «юмористическая метафоризация» [López Morales 1989] и др.

А. Брис рассматривает стереотипное сравнение как один из ресурсов разговорной речи и обозначает их как синтаксические, лексико-семантические и фразеологические интенсификаторы [Briz 1998].

Для систематизации формальных характеристик различных типов компаративных фразеологизмов, представляется целесообразным привести классификацию В. Байнхауэра [Байнхауэр 1978: 241-265], в первую очередь выделяющего компаративы равенства (*está alegre como unas castañuelas* – «он радостный как кастаньеты»), при этом иногда ядро сравнения может быть опущено, в случае, если вся синтагма приобретает то же значение, что и само прилагательное (*está como unas castañuelas* = *está alegre*). (Ср. *ser como una cera* (букв. быть как воск) – быть мягкотелым, опускается адъективный элемент *blando*, но возможно и другое понимание данной единицы: *ser / estar (blanco)*)

¹⁵ В испанистике компаративные структуры всегда представляли сложность для грамматистов, рассматривающих, классифицирующих и определяющих их различным образом. Основные трудности, по мнению исследователей, проистекают из близости данных структур с конструкциями другого характера (относительными, модальными и т.д.) и существования смежных структур (*tanto que* - столько, что, *lo mismo que* – то же, что и т.д.), что, усложняет установление формальных критериев для их точной характеристики. Поэтому, как пишет С. Гутьерес Ордоньес, «в грамматике сравнения - невидимы» [Gutiérrez Ordóñez, 1997: 10]. С точки зрения семантики С. Гутьерес Ордоньес говорит о сравнениях как «следствиях, несущих информативную функцию посредством процесса соотношения, не абсолютизации. ... Прагматически дешифровка информации зависит в таком случае не только от знания языка, но также и от энциклопедических знаний, позволяющих нам понять истинное значение сообщаемого. Таким образом, выделяются три степени сравнения: превосходства, недостаточности признака и равенства [Gutiérrez Ordóñez 1997: 13].

como una cereza – характеристика по цвету; como la leche – воздушный (о лакомстве) и другое стереотипное сравнение (blanco) como la leche или фр. rouge / bête comme un dindon (красный / глупый как индюк). То есть, для правильного понимания информации, передаваемой такими выражениями, необходимо владение некоторыми контекстуальными, культурными и энциклопедическими знаниями о референтах, выбираемых как термины сравнения.

Ко второй группе относятся компаративы превосходства (es más bueno que el pan). В таких конструкциях часто наблюдается элизия подчинённого термина (está más quemado ...), которая делает высказывание отчасти восклицательным и создаёт паузу, выражающуюся графически или интонационно. В третьей группе находятся структуры типа hecho + sustantivo (está hecho una sopa), чаще всего используемые для описания временных состояний и превращающие самого референта в термин сравнения.

2.2. Структурно-семантические и функционально-прагматические особенности устойчивых компаративных фразеологизмов с ахроматическим компонентом

Несмотря на тот факт, что разные лингвокультурные системы обладают существенными отличиями, в них можно выявить семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление и культура (например, общность многих эталонов / стереотипов, участвующих в образовании устойчивых компаративных конструкций). Подобная общность объясняется, прежде всего, общечеловеческим характером психических процессов и основных цветовых представлений.

Как отмечает Е.М. Чекалина, романские компаративные конструкции с цветовым компонентом не имеют прямой параллели в латыни, так как являются порождением аналитического языкового строя. Тем не менее, «некоторые из латинских образов сохраняются в традиционных сравнениях-универсалиях,

доныне бытующих в романских языках (снег, смола, огонь, кровь, воск и т.п.)» [Чекалина 1984: 55].

2.2.1. Компаративные фразеологизмы с компонентом «белый»

Все стереотипные компаративные конструкции в исследуемых языках, смысловое ядро которых составляет словарная адъективная единица «белый», служат для интенсификации или гиперболизации, в основном цветовой характеристики объектов. ФЕ, содержащие цветовую номинанту «белый», в испанском, французском и итальянском языках, можно классифицировать как оценочно-мелиоративные (позитивные, положительные) или оценочно – пейоративные (отрицательные, негативные). Исследованный в работе материал отражен в таблице №1. Эталоны сравнения, выделенные жирным курсивом и подчеркиванием – лексемы, совпадающие во всех трех языках. Единицы, выделенные просто жирным шрифтом – лексемы, совпадающие в двух языках. Такая трактовка приведенных в таблице примеров применяется также в последующих таблицах.

Таблица №1.

Эталоны сравнения для «белого цвета» в испанском, французском и итальянском языках.

	Испанский	французский	итальянский
Положительная оценка (+)	<u>Флоронимы (3):</u> nardo (тубероза), jazmín (жасмин), <u>azucena (лилия).</u>	<u>Флоронимы (1):</u> <u>lys – (лилия).</u>	<u>Флоронимы (1):</u> <u>giglio - лилия.</u>
	<u>Зоонимы (1):</u> armiño – горноста́й, lomo/ piel de armiño – спина, шкура горноста́я.	<u>Зоонимы (3):</u> signe – лебедь, colombe -голубка, mouton -баран.	
	<u>Явления природы (3):</u> <u>nieve – снег.</u> candor de la luz – белизна света, día – день.	<u>Явления природы (1):</u> <u>neige – снег</u>	<u>Явления природы (1):</u> <u>neve</u> (intatta) – (нетронутый) <u>снег</u>).
	<u>Материалы (1):</u>	<u>Материалы (2):</u>	<u>Материал (1):</u>

	lino – лён.	albâtre – алебастр, ivoire – слоновая кость.	marmo – мрамор
	<u>Продукты питания</u> <u>(1):</u> <u>leche – молоко</u>	<u>Продукты питания</u> <u>(1):</u> <u>lait – молоко,</u> sel – соль, sucre - сахар	<u>Продукты питания</u> <u>(1):</u> <u>latte – молоко</u>
	<u>Абстрактные</u> <u>понятия (1):</u> inocencia – невинность		
		<u>Религиозная сфера</u> <u>(2):</u> hostie – облатка, vierge - дева.	
	<u>Различные объекты</u> <u>окружающего мира</u> <u>(1):</u> lomo/ piel de armiño – спина / шкура горностая.		
Отрицательная оценка (-)	Испанский	Французский	Итальянский
	<u>Сфера смерти (8):</u> <u>muerto – мертвец,</u> <u>cadáver – труп,</u> difunto – покойник, <u>sudario, mortaja –</u> <u>саван, lápida –</u> надгробие, <u>fantasma -</u> <u>привидение,</u> espectro – призрак).	<u>Сфера смерти (3):</u> <u>mort – мертвец,</u> <u>cadavre – труп,</u> <u>linceul – саван)</u>	<u>Сфера смерти (2):</u> <u>morto – мертвец,</u> <u>fantasma –</u> <u>привидение</u>
	<u>Материал (4):</u> cal – известь, <u>yeso –</u> <u>gunc, mármol –</u> мрамор, <u>cera -</u> <u>воск).</u>	<u>Материал (5):</u> <u>plâtre – гунс,</u> la craie – мел, <u>cire des</u> cierges – свечной <u>воск,</u> cire vierge – неплавленный воск, coton – хлопок	<u>Материал (1):</u> <u>cera – воск.</u>
	<u>Изделия из ткани</u> <u>(2):</u> <u>camisa – рубашка,</u> <u>sábana –</u> <u>простыня).</u>	<u>Изделия из ткани</u> <u>(2):</u> linge – бельё, <u>drap –</u> <u>простыня).</u>	<u>Изделия из ткани</u> <u>(8):</u> <u>camicia – рубашка,</u> cencio di bucato – стиранная тряпка, cencio lavato – мытая тряпка,

			fazzoletto – платок, <u>lenzuolo</u> – <u>простыня</u> , panno – полотно, panno lavato – стиранное полотно, straccio – тряпка).
	<u>Продукты питания (3):</u> harina – мука, merluza en harina (enharinada) – мерлуса в муке (обваленная в муке), la suajada – простокваша).	<u>Продукты питания(2):</u> pruneau – чернослив, navet – репа.	<u>Продукты питания (1):</u> mozzarella – моцарелла.
	<u>Различные объекты окружающего мира (5):</u> <u>pared</u> – стена, lavabo – умывальник, <u>papel</u> – бумага, <u>hoja de papel</u> – лист бумаги, el pecho de una gaviota).	<u>Различные объекты окружающего мира (5):</u> cachet d'aspirine – таблетка аспирина, assiette – тарелка, <u>mur</u> – стена, lavabo – умывальник, <u>feuille de papier</u> , bidet – биде	<u>Различные объекты окружающего мира (4):</u> <u>carta</u> – бумага, spugna – губка, luna – луна, candela – свеча
	<u>Зоонимы (1):</u> ratón de la panadería (мышь из хлебопекарни).		<u>Зоонимы (1):</u> verme – червяк.
	<u>Анатомическая сфера (6):</u> nalga, culo, tetas de monja – ягодицы, задница, грудь монахини, culo de un fraile – зад монаха, culo de ángel – зад ангела, picha de un calamar – membrum virile кальмара).	<u>Анатомическая сфера (2):</u> un dessous de couilles (нижняя часть яиц), cul (задница) (груб.)	
	<u>Религиозная сфера (1):</u> la hostia (transparente) – (прозрачная) облатка		

	<p><u>Мыслящиеся и воображаемые объекты окружающего мира (4):</u> merde de laitier - кал молочника, pet - пук, pet de nonne / laitier – пук монашки / молочника.</p>	

2.2.1.1. КФ с компонентом “белый”, выражающие *мелиоративную (положительную) эстетическую и этическую оценку.*

В следующих примерах белый цвет, с точки зрения эстетики, видится как атрибут красоты, ухоженности, аристократичности, и чистоты, невинности, непорочности, с точки зрения этики.

исп. Había llegado a la aldea muchos años atrás en el tiempo de Adviento bajo una gran tempestad de nieve y granizo, cuando era un mozo apenas, de barba muy rala como pequeñas púas rojizas en **un rostro blanco como el lino**, al igual que las manos, de uñas muy sonrosadas y brillantes que llamaron la atención de las muchachas sobre todo. [CREA]. - ‘Он пришёл в деревню много лет назад, едва став юношей, во времена Адвента, была сильная метель, и шёл град; у него была жидкая борода, похожая на красные колючки и **белое как лён лицо**, такое же белое как кисти рук с блестящими розовыми ногтями; всё это привлекало к нему внимание, особенно женское’.

Когда в качестве стереотипа используется понятие, указывающее на нематериальный, абстрактный референт, ЦО в составе КФ приобретает одно из переносных значений, характерных для данной номинанты: «чистый, невинный» и т.д.

... el hombre blanco, blanco porque era *hombre, blanco como el día*, blanco como la verdad, blanco como la virtud, iluminaba la creación como una antorcha, sacaba a la luz la esencia secreta y blanca de los seres [CREA]. - ‘Белый человек, белый потому

что это был *человек ясный как день*, чистый как правда, непорочный как добродетель, как факел он освещал вселенную, раскрывая тайную и непорочную природу живых существ’.

Однако в тех случаях, когда эталоном сравнения для белого цвета служит нематериальный объект (например, «невинность»), а объектом сравнения является предмет материальный (любой элемент окружающего мира, кроме самого человека), то ЦО употребляется уже не в переносном, а в первоначальном цветовом значении. К такому выводу мы приходим на основании следующего примера:

Más allá todavía, detrás de una gran cortina de finísimo encaje de Inglaterra, se adivinaba *un lecho, blanco como la inocencia*, virginal como los pensamientos de un ángel, puro e inmaculado como el primer beso de amor de una tierna desposada [CREA]. - ‘Еще дальше, позади большой занавески из тончайшего английского кружева, вырисовывалось *ложе, белое как сама невинность*, целомудренное как мысли ангела, чистое и непорочное как первый поцелуй любви нежной новобрачной’.

При этом мы можем говорить о наличии мелиоративной или пейоративной эстетической / этической оценки *только в тех случаях, когда субъектом сравнения становится сам человек*. Если речь идёт о сравнении объекта с объектом, как показывается в нижеследующих примерах, то подчеркивается только цветовой признак сравниваемого предмета.

исп. Id a cualquier pueblo de la península ibérica, pasead por la mañana por las calles de una ciudad, ... en todas partes os inundará el aroma cálido, profundo y familiar de ... enormes *hogazas de pan blanco como la nieve*, rotundos panes negros de centeno, ... España es, antes que nada, un enorme Museo del Pan. (Domingo, Xavier). - ‘Поедете ли вы в какую угодно деревушку на иберийском полуострове, прогуляетесь ли с утра по улицам города, ... везде вас настигнет горячий, глубокий, хорошо знакомый аромат *буханок хлеба, белого как снег*, чёрного круглого ржаного хлеба ... Испания, как никакая другая страна, является огромным Музеем Хлеба.

... vio que el hombre tenía la cara bañada en sangre y la mujer, que se dejaba arrastrar, intentaba restañársela con *un pañuelo blanco como la leche* (Cohen, Marcelo). - ‘... он увидел, что лицо мужчины было всё в крови, а женщина, позволяющая тащить себя за собой, пыталась остановить кровь **белым, как молоко, платком**.

фр. Guillem aimait à chanter la beauté de Sorimonde, il disait qu'elle était plus belle que le plus beau des jours de sa vie, que son *corps* était souple et *blanc comme un lys*. Il disait aussi qu'il aurait aimé se noyer dans le bleu de ses yeux aussi purs que le fond d'un lac de Cerdagne ... [<http://perpignan.online.fr/pages/legendes.htm>.] - ‘Гийем любил воспевать красоту Соримонды, он говорил, что она прекраснее самого прекрасного из всех дней его жизни, что её *тело* хрупкое и *белое как лилия*. Он также говорил, что хотел бы утонуть в синеве её глаз, чистых как глубины озера в Сердани ...’

фр. Les jours où Mme Swann n'était pas sortie du tout, on la trouvait dans une robe de chambre de crêpe de Chine, *blanche comme une première neige*. (M. Proust). — ‘В те дни, когда г-жа Сванн не выходила из дому, она принимала у себя в **белоснежном** крепдешиновом домашнем платье’.

фр. Qui la protège et qu'attend-on d'elle ? Jean se doute bien que son frère *n'est pas blanc comme neige* dans cette affaire de linceul, mais il ne peut rien prouver... Il ne peut qu'attendre que la précieuse relique réapparaisse... (Le Linceul. Laurent Bidot). - ‘Кто её защитит и позаботится о ней? Жан подозревает, что его брат *далеко не чист в этом деле*, касающемся савана, но у него нет никаких доказательств. Ему ничего не остаётся, кроме как ждать того, что ценная реликвия вновь обнаружится ...’.

фр. Admettons que Peyrat ait été trompé. Que son entourage trompe sa confiance et cherche à son insu à détourner l'argent public. Qu'ils soient tous corrompus et lui *blanc comme la colombe*. Comme un pigeon plutôt. (Jacques Peyrat). - ‘Допустим, что Пейра был обманут, что его окружение обманывает его доверие и, без его ведома, пытается украсть казенные деньги; допустим, что все они взяточники, а *он - чист, как голубка*, скорее даже, как голубь’.

ит. Arrivò da dietro un costone, ***Fiocco di Neve, bianco come il latte***. Tranquillo, con la calma e l'eleganza ... e l'aura degli esseri speciali. [<http://www.nikonschool.it/life/fiocco-neve.php>.] - 'Он пришёл из-за холма, ***Снежный Комок, белый как молоко***. Смирный, спокойный, элегантный, в ауре, свойственной особым людям'.

Как показывает материал, наиболее широкий и разнообразный набор стереотипов присутствует во французском и испанском языках. При этом полное совпадение во всех трёх языках демонстрируется тремя примерами ("белый как снег", "как молоко" и "как лилия"), в то время как во французском языке два первых фразеологизма дополнительно, *помимо эстетической (белоснежный)*, дополнительно отражают и *этическую оценку (невинный)*.

Наибольшим своеобразием в выборе эталонов характеризуется испанский, в котором содержится минимальное количество совпадений с французским и итальянским языками. Последний, при этом, выделяется наименьшим количеством стереотипов, отражающих положительную эстетическую оценку.

2.2.1.2. КФ с компонентом «белый», выражающие ***нейоративную (отрицательную) эстетическую оценку***.

В этих устойчивых словосочетаниях «белый» фигурирует как цвет болезненности, изможденности, смерти.

исп. ***El Forastero, blanco como la pared***, trata de hacer un comentario trivial. Hace... hace un tiempo de todos los demonios. Llueve de miedo ahora. [CREA] - 'Пришелец, ***белый как стена***, пытается вставить банальный комментарий. Погода ... жуткая погода. Льёт как из ведра'.

исп. Lili descubre enteramente ***su rostro***, ahora ***blanco como la cera***; gruesas lágrimas ruedan sobre sus mejillas que súbitamente se vuelven púrpuras; estrecha los orificios de sus ojos inundando su mirada de encono [CREA] - 'Лили полностью открывает ***лицо***, теперь ***белое как воск***; крупные слёзы катятся по её внезапно краснеющим щекам; она сощуривает глаза и взгляд её наполняется злобой'.

исп. Cuando los peleadores volvieron a entrar en el cuartel, *el de "Villa Encore"* temblaba y estaba *blanco como una lápida*. En cuanto a Musa, traía sus ojos inyectados con la ira. Muy peligroso, un jovencito así. Más mortal e incontrolable que un adulto, créeme [CREA]- ‘Когда борцы снова вошли в казарму «Вилья Анкоре» *он* дрожал и был *белый как надгробие*. Что до Мусы, его глаза налились злобой. Такой парнишка очень опасен. Более смертоносный и неуправляемый, чем любой взрослый, поверь мне’.

Отметим среди них присутствие иронично-юмористические компаративы, принадлежащие к разговорному регистру речи:

исп. Daniel, está usted *blanco como una nalga de monja*. ¿Se encuentra bien? [CREA]- ‘Даниэль, Вы *белый как ягодица монахини*. Вы себя хорошо чувствуете?’

исп. José estaba *blanco como la harina*. ... La imagen de la cabeza de mujer separándose paulatinamente de su tronco en los espasmos de la muerte le trajeron el estómago hasta la garganta ... [CREA] - ‘Хосе был *белый как мука*. ... Образ женской головы, постепенно отделяющейся от туловища в смертельных судорогах, вызвал сильные спазмы в желудке ...’

фр. J'ai besoin d'aide !! C'est bientôt l'été et *je suis blanche comme un cachet d'aspirine* ... J'ai essayé l'autobronzant mais je ne vois pas du tout une amélioration !! Alors à part les UV est ce que vous aurez des conseils à me donner ? [http://www.be.com/forum/beaute/Soin-peau/peau-blanche-cachet-sujet_170_1.htm.] - ‘Мне нужна помощь! Скоро лето, а *я – белая как таблетка аспирина* ... Я попробовала крем для автозагара, но не вижу никакого улучшения! Может быть, вы посоветуете мне что-нибудь, помимо ультрафиолетовых лучей?’.

фр. en + de ça (en plus de ça – К.С.) *je suis blanche comme un cul*, j'ai l'air fatigué et triste tout le temps ... à cause de ça sa m'empêche de dormir ... [<http://teemix.aufeminin.com/forum/complexe-teen/f2738-complexe-teen-Je-suis-horriblement-moche.html>.] - ‘И в довершении ко всему, *я – бледная как задница*, у меня постоянно усталый и грустный вид ... и это мешает мне спать ...’.

фр. Ainsi tu oses trahir ici même ta race, ta mère de laquelle tu as hérité ta peau **blanche comme une merde de laitier**, ta gens d'ancêtres roux ... Honte sur toi! [[http://www.leblogdelamechante.fr/blog-mode/creme-autobronzante/.](http://www.leblogdelamechante.fr/blog-mode/creme-autobronzante/)] - 'Значит, ты осмеливаешься предать даже свой народ, свою мать, от которой ты унаследовала **такую белую кожу**, своих рыжих предков ... Стыд и позор!'

Как можно заметить, для французского языка, так же как и для испанского, характерно наличие иронично-юмористических КФ с ЦК «blanc».

Также отметим, что эталоны сравнения французского языка, используемые в КФ, отличаются от испанских эталонов сравнения в основном тем, что в во французском языке чаще речь идет о нижней части человеческого тела и процессах в ней протекающих.

ит. E poiché **Alberta** era **bianca come un cencio lavato** e sembrava sul punto di svenire, l'anziana signora allungò le braccia ... per stringerla a sé, mentre con voce grave e acuta insieme diceva ... (Sveve Casati Modignani). - 'И поскольку **Альберта побелела как застиранная тряпка**, и, казалось, что она вот-вот упадет в обморок, пожилая дама вытянула руки ..., чтобы прижать ее к себе, говоря при этом голосом важным и резким ...'.

ит. Sulla barella c' era disteso **un uomo, bianco come un cadavere** , con la testa ripiegata sopra una spalla , coi capelli arruffati e insanguinati , che perdeva sangue dalla bocca e dalle orecchie. [[http://www.corpusitaliano.it/it/access/simple_interface.php.](http://www.corpusitaliano.it/it/access/simple_interface.php)] - 'На носилках лежал **человек, бледный как покойник**, его голова откинулась на плечо, волосы были спутаны и все в крови, изо рта и ушей текла кровь'.

ит. Non riesco a immaginare il mondo senza Beatrice. Non riesco a sopportare il silenzio che ci sarebbe. Tutte le città da visitare sparirebbero immediatamente, bellezze inutili se fossi da solo. **Tutto** perderebbe senso, diventerebbe **bianco come la luna**. Solo l'amore dà senso alle cose. (Leo) [[http://it.wikiquote.org/wiki/Alessandro_D'Avenia.](http://it.wikiquote.org/wiki/Alessandro_D'Avenia)] - 'Мне не удаётся представить себе мир без Беатриче, вынести молчание, которое наступило бы. Все города, которые предстоит посетить, исчезли бы в один миг, бесполезная красота, если я был бы в одиночестве. **Все** потеряло бы смысл, стало бы **бесцветным, как луна**. Только любовь придаёт всему смысл'.

В итальянском языке шутливо-иронические сравнения нам встретились только в одном примере: *bianco come una mozzarella*: *E io sono ancora bianca come una mozzarella... e non mi dite che ho la pelle ambrata... perchè anche chi ha la pelle un po' più olivastra ... fino a che non va al mare e non si stende per quelle 7/8 ore come una lucertola si sente bianca come un fantasma!* [<http://www.smilingischic.com/fashion-blogger-event-capannina-forse-dei-marmi-my-outfit/>.] - ‘А я всё ещё *белая как моцарелла* ... и не говорите мне, что кожа у меня янтарная ... потому что даже тот, у кого кожа немного более оливкового цвета и кто... не едет на море и не лежит на пляже 7-8 часов как ящерица, чувствует себя *белой как привидение!*

Как видно из приведенных примеров во фразеологическом фонде испанского, французского и итальянского языков широко и вариативно представлены сравнительные конструкции, в состав которых входит адъективный компонент “белый”. Всего было собрано и проанализировано 102 КФ, включающих данную номинанту. Привлекает внимание тот неоспоримый факт, что сравнительные конструкции, содержащие цветовой компонент (ЦК) “белый”, отличаются высокой вариативностью, то есть в них представлено большое количество стереотипов, или эталонов для указания на белый цвет. При этом нельзя не отметить то, что во всех трёх исследуемых языках наблюдается значительное преобладание негативной эстетической оценки во ФЕ с компонентом «белый» над ФЕ с позитивной оценкой. В ряде случаев эталоны белизны в испанском, французском и итальянском языках совпадают, но кроме совпадений также наблюдаются и весьма существенные различия.

Как показало исследование, компаративные ФЕ, содержащие адъективный компонент «белый», во всех трех сопоставляемых языках указывают на конкретный экстралингвистический референт. Также можно отметить, что положительная или отрицательная эстетическая оценка зависит непосредственно от характера самого референта (ср. “белый как лилия”, “лилейно-белый” и “белый как мертвец”). При этом следует отметить, что значения одних и тех же

компаративных синтагм, ядро которых составляет цветовая номинанта «белый», в сопоставляемых языках не является одинаковым и может варьироваться по шкале «положительное - отрицательное», согласно данным лексикографических источников. Так, например, значение итальянской ФЕ *bianco come un marmo* указывает на положительную эстетическую характеристику объекта, а аналогичное по своей структуре и компоненту сравнения испанское *blanco como mármol* – на отрицательную. То же самое можно сказать про ФЕ *más blanco que la azucena* в испанском языке, несущую положительную оценку, в то время как в итальянском *bianco come un giglio* - отрицательную.

К таким выводам мы приходим, ориентируясь на перевод этих единиц, данный в лексикографических источниках, на межъязыковые эквиваленты в двуязычных словарях, приводимые примеры, толкования и комментарии к данным ФЕ, опираясь на набор положительных или отрицательных ассоциаций, которые формируются при переводе той или иной ФЕ. Так, например, если испанский фразеологизм букв. «более белый чем лилия» на русский язык переводится в словарях как «лилейно белый», а идентичный итальянский фразеологизм букв. «белый как лилия» переводится как «бледный, белый как полотно, как мел, как бумага», то, следовательно, мы имеем право допускать, полагаясь на адекватную передачу семантики ФЕ, что в испанском языке он несет положительную, а в итальянском – отрицательную коннотацию. Однако, обращаясь к конкретным примерам употребления данных единиц в художественных и публицистических текстах, средствах массовой информации и коммуникации (газетные и журнальные статьи, интернет форумы, чаты, блоги), можно наблюдать несколько другую картину. То есть, речевое употребление некоторых единиц часто может отличаться от характеристики той или иной единицы и комментариев относительно её употребления, описываемых в словарной статье.

E nessun essere umano sarà mai "**bianco come un giglio**" nè fuori, nè dentro. Non dimenticare chi siamo ... [<http://www.libreriauniversitaria.it/macchia-umana-roth-philip-einaudi/libro/9788806173340>.] - 'И ни одно человеческое существо никогда

не будет «белым как лилия», ни снаружи, ни изнутри. Не следует забывать, кто мы ...».

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что характеризуя тот или иной КФ с цветовым компонентом, следует опираться не только на ряд ассоциаций, вызываемых референтом-эталоном сравнения. Значение единицы формируется в рамках текста, то есть, во многом зависит от её контекстуального окружения, а также самого сравниваемого субъекта.

Как было установлено, наибольшее количество ФЕ позитивной семантики отмечается в испанских и французских компаративных конструкциях (11 и 10). Что касается аналогичных образований в итальянском, то они, наоборот, характеризуются преимущественно как негативные.

Также можно сделать заключение, что испанский язык значительно отходит в выборе стереотипов для белого цвета в положительном значении от французского и итальянского, проявляя свою специфику, состоящую в использовании абстрактных понятий.

Как видно из приведённой таблицы №1, французский и итальянский языки проявляют большую общность в выборе сравнительных стереотипов. В испанском и французском языках общей является семантическая группа зоонимов, при этом в каждом языке выбираются различные наименования представителей животного мира (исп. – горностай, фр. - лебедь). Все три языка используют флоронимы (лилия), сферу природных явлений (снег) и продуктов питания (молоко).

Наибольшее количество ФЕ в испанском - 30, во французском – 24, в итальянском - 17 несут в себе отрицательную коннотацию.

В испанском языке отмечено наибольшее количество стереотипов с отрицательной оценкой для «белого цвета»:

Итальянский язык в данном случае отличается наименьшим количеством стереотипов для этого цвета с отрицательным значением. Таким образом, было выделено 4 общие тематические группы с положительной оценкой и 5 групп с отрицательной оценкой. Французский и итальянский языки также совпадают в

обращении к группе зоонимов, испанский и французский – в использовании эталонов, относящихся к анатомической сфере при формировании отрицательной оценки. При этом в каждом случае отдаётся предпочтение (согласно количественным показателям) тем или иным группам, а также различным эталонам в рамках одной сферы. Подробнее о компаративных фразеологизмах с ЦО «белый» в романских языках см. в нашей работе [Соколова 2013].

Как отмечают исследователи, цветолексемы ахроматического тона, обозначая проявление признака «светлоты», выделились раньше хроматических и несут наибольшую семантическую нагрузку из всех терминов цветообозначения [Бахилина 1975: 3].

2.2.2 Компаративные фразеологизмы с компонентом «черный»

Эти цветовые сравнения с ахроматической лексемой составляют довольно обширную группу в испанском, французском и итальянском языках. Исследованный нами языковой материал отражен в таблице №2.

Таблица №2

Эталоны сравнения для «черного цвета» в испанском, французском и итальянском языках.

испанский	французский	итальянский
<i>Вещества и материалы (8):</i> el azabache (агат), el betún (вакса), el alquitrán (дёготь), el asfalto (асфальт), el cerote (сапожный вар), <u>la tinta (чернила)</u>, la brea (деготь), <u>la pez (смола)</u>.	<i>Вещества и материалы (4):</i> <u>l'encre (чернила)</u>, le cirage (вакса), le jais (гагат), <u>la poix (смола)</u>	<i>Вещества и материалы (2):</i> <u>l'inchiostro (чернила)</u>, <u>la pece (смола)</u>.
<i>Продукты горения (3):</i> un carbón (уголь), un tizón (головешка), <u>el hollín (копоть, сажа)</u>	<i>Продукты горения (3):</i> le charbon (уголь), <u>la suie (сажа)</u>, le cigare (сигара).	<i>Продукты горения (5):</i> il tizzo di carbone (угольная головешка), il tizzone (головешка), la brace (горящие угли), il carbone spento (потушенный уголь), <u>la fuliggine (сажа)</u>.

<p><u>Зоонимы (8):</u> un vencejo (стриж), las plumas de un grajo (перья грача), el ala de cuervo (вороново крыло), una hormiga (муравей), un grajo (грач), la boca de lobo (волчья пасть), la cola de un vencejo (хвост стрижа), un tordo (дрозд)</p>	<p><u>Зоонимы (6):</u> un corbeau (ворон), une corneille (ворона), les ailes d'un corbeau (крылья ворона), le geai (сойка), une taure (крот), chez le loup (у волка)</p>	<p><u>Зоонимы (4):</u> la bocca della balena (пасть кита), le ali di corvo (крылья ворона), il (un) corvo (vecchio) ((старый) ворон), un calabrone (шершень)</p>
	<p><u>Анатомическая сфера (3):</u> le cul (задница); le derrière du diable (зад дьявола), dans le (trou du) cul (в дырке задницы у) d'un nègre (негра)</p>	
<p><u>Анатомическая сфера + зонимы (4):</u> el sobaco de un grillo / un ciego (подмышка сверчка / слепого), el culo de un caldero boca abajo (задница котла, перевернутого верх дном), los cojones de un burro / borrico (яйца осла)</p>	<p><u>Анатомическая сфера + зоонимы (5):</u> dans le (trou du) cul (в дырке задницы у) d'un: ours (медведя) / d'un loup (волка) / d'un bouc (козла) / d'un singe (обезьяны), dans la gueule d'un loup (в пасти волка)</p>	
<p><u>Растительный мир (2):</u> <u>el ébano (эбеновое дерево)</u>, la endrina (терн)</p>	<p><u>Растительный мир (1):</u> <u>l'ébène (эбеновое дерево)</u></p>	<p><u>Растительный мир (1):</u> <u>l'ébano (эбеновое дерево)</u></p>
<p><u>Различные объекты окружающего мира (8):</u> los forros de un coche (обшивка машины), el forro de una morcilla (обёртка кровяной колбасы), el nido de una golondrina (гнездо ласточки), la olla de guiso (котелок со стряпней), la olla de un guarda (котелок сторожа), la boca de una tumba (могильная яма), una puta a la sombra (проститутка в тени)</p>	<p><u>Различные объекты окружающего мира (6):</u> la cheminée (дымоход), le coeur de la cheminée (сердце дымохода), la bouche d'un four (отверстие печи), dans le trou (в дыре), dans le four (в печи), dans un tunnel (в туннеле), chez le diable (у дьявола)</p>	<p><u>Различные объекты окружающего мира (2):</u> la serra del camino (кожух дымохода), un paiolo (горшок)</p>

<p><u>Природные явления (2):</u> la noche (ночь), las tinieblas (сумерки)</p>	<p><u>Природные явления (1):</u> la nuit (ночь)</p>	<p><u>Природные явления (3):</u> la notte (ночь), una notte senza luna (безлунная ночь), il buio (мрак)</p>
	<p><u>Продукты питания (2):</u> un poivre (перец), un rqupeau (чернослив)</p>	<p><u>Продукты питания (3):</u> un cioccolattino (шоколадка), il pere (перец), i grani di pere (перечные зёрнышки)</p>
<p><u>Нематериальные, отвлечённые понятия (7):</u> la pena (мучение), el alma de Judas (душа Иуды), el alma del maligno (душа дьявола), la muerte (смерть), el hambre (голод), el demonio (дьявол), el infierno (ад)</p>		<p><u>Нематериальные отвлечённые понятия (4):</u> l'anima di Giuda (душа Иуды), la fame (голод), l'inferno (ад), l'antro dell'inferno (вход в ад), il dentro di un infedele (нутро неверующего)</p>
	<p><u>Названия профессий (2):</u> le charbonnier (угольщик), le ramoneur (трубочист)</p>	<p><u>Названия профессий (4):</u> un magnano (слесарь), uno spazzacamino (трубочист), un brascino / un carbonaio (угольщик)</p>
<p><u>Культурно-исторические реалии (4):</u> el cordobán (сафьян, кордовская кожа), la moga (мавританка), el mogo con fiebre (мавр, больной лихорадкой), Tito (имя собственное)</p>		
<p><u>Явления, отражающие особенности лексико-грамматического строя испанского языка (1):</u> el no tener («неимение», субстантивированный инфинитив)</p>		

Рассмотрим их подробно, классифицируя по группам в каждом языке, в зависимости от присущей им функциональной и смысловой нагрузки.

В испанском языке КФ с компонентом «negro» могут обозначать:

1) *цветовую характеристику объектов:*

... mujeres de **pelo negro como la noche** cuchicheando entre ellas...cabello lavado en agua de río, cabello remojado y hecho en nudo, cabello que rechina de tan limpio, cabello **negro como el azabache**, brillante como la obsidiana, cabello oloroso a almizcle, a aceite de coco, a sándalo, a todas las hierbas del campo...", es generalmente un placer para la vista [Mompradé Electra, Gutiérrez 1981: 58]. - ‘... женщины с **чёрными как ночь волосами** шептались между собой ... волосы, вымытые речной водой, волосы намоченные и собранные в узел, которые скрипят, настолько они чистые, **волосы чёрные как агат**, блестящие как обсидиан, с запахом мускуса, кокосового масла, сандала и всех полевых трав ... - любо-дорого смотреть’.

Vestía con excesiva modestia, tanto que parecía un mendigo con su ajada sotana brillante por el uso. Sobre ella ... Llevaba siempre, fuera invierno o verano, un manteo volandero, **negro como ala de cuervo**, cubriéndose el cráneo de ralos cabellos con un gran sombrero de teja de la época isabelina [Landerero 1993: 89]. - ‘Он всегда одевался излишне скромно, настолько скромно, что казался нищим в своей лоснящейся сутане, выдающей её изношенность. Будь то зима или лето, поверх сутаны он всегда носил лёгкую **мантию, чёрную как вороново крыло**, а череп с редкими волосами покрывала шляпа с загнутыми полями, какие были в моде во времена Изабеллы’.

Es otra clase de lagartija, con la panza verde y amarilla y un rabo que suelta un líquido **negro como la tinta**, porque le gusta comer libros viejos y periódicos y toda clase de papeles escritos [Marsé 2000: 7]. - ‘Это другой вид ящерицы, у неё жёлто-зелёное брюшко, а из хвоста выделяется **чёрная как чернила жидкость**, потому, что ей нравится есть старые книги и журналы и вообще всяческие исписанные бумаги’.

2) *внешнюю характеристику человека (цвет кожи):*

Si veis **un tío más negro que un tordo** por las calles de Pamplona, ... soy yo, que ya estoy aquí. He madrugao [https://twitter.com/manuel_molesto/status/220757117890592771] ‘Если увидите на

улицах Памплоны **человека, черного как дрозд**, то это я, я уже здесь, я проснулся рано.’

2) *нейоративную эмоциональную и / или этическую оценку (человека, явления, ситуации)* в зависимости от контекстуального окружения и референта сравнения:

Así pasamos juntas la noche, ella viendo llegar el día más allá del mezquino ventanillo, yo rezando, luchando por aguantar el sueño y aquel **frío negro como un demonio** que dejaba los miembros doloridos [Fernández Santos 1978: 91]. - ‘Так мы вместе провели ночь, она, наблюдая, как за крошечным окном наступает день, я – в молитве и борьбе со сном и **жутким холодом** (букв. чёрным как дьявол), от которого ломило всё тело’.

Tu **crimen es negro como el infierno** y tu caída como la de los ángeles rebeldes; pero tu Dios te perdonará, y tu sangre correrá en desagravio de su tremenda cólera y justicia. - ‘Твое **преступление черно как ад**, а твое падение как низвержение мятежных ангелов; но твой Бог простит тебя, а твоя кровь прольется в знак искупления за его страшный гнев и справедливость’.

El futuro de los estudiantes de periodismo es **más negro que el alma de Judas**». Los alumnos acaban la carrera y se encuentran con que no hay trabajo [www.periodistadigital.com]. - ‘**Будущее** студентов факультетов журналистики **хуже некуда** (досл. чернее, чем душа Иуды). Учащиеся получают дипломы и сталкиваются с безработицей’.

... una vez conocidas las características del individuo, sus aficiones, sus filias, sus fobias, y su cuenta bancaria, se realiza el trato entre caballeros sin que queden vestigios de un **dinero más negro que el alma de Judas** ... [www.agrestecaza.com]. - ‘... как только получена вся информация о человеке, его интересах, пристрастиях, фобиях и банковском счёте, между джентльменами завязывается общение, так что не остаётся и следа от **грязных денег** (досл. более чёрных, чем душа Иуды) ...’

При этом приведенные конструкции полисемантически, так как развивают сразу несколько значений, или же могут одновременно давать отрицательную оценку человека, его моральных качеств, и служить для обозначения отрицательного признака какой-либо ситуации, явления, события.

Французский язык ограничивается меньшим количеством эталонов сравнения для интенсификации собственно-цветового признака предметов и явлений. Дефиниционный анализ показывает, что качественная семантика цвета обнаруживается у данных лексем в прямом значении, что отражено в толковых словарях.

Tout d'un coup, dans un grand bruit d'ailes, *un oiseau* grand comme un veau et *noir comme la nuit* vint se poser sur le rebord de la fenêtre [www.bourseauxsequences.free.fr/]. - 'Вдруг послышался сильный шум крыльев, и показалась *птица*, огромная как телёнок и *черная как ночь*, и села на подоконник'.

... au-delà de la montagne appelée Pain de Sucre qui règne sur le liquide miroir du lac, le cercle parfait de la pleine lune va disparaître sous peu derrière cette nappe de *nuages noirs comme de la suie* ... [Abran 2013: 316]. - '... за горой под названием Пэн дё Сюкр, возвышающейся над жидким зеркалом озера, совершенный круг полной луны вскоре вот-вот исчезнет за тенью *черных как сажа облаков* ...'

Также во французском языке можно выделить ряд компаративных фразеологизмов (КФ) с компонентом «noir», преимущественно употребляющихся для интенсификации цветовой характеристики применительно к понятию «ночь, тёмное время суток». Некоторые из них носят шутливо-просторечный характер. Данные компаративные конструкции вводятся безличной грамматической структурой *Il fait* + цветовой адъективный компонент «*noir*» + союзный элемент сравнения *comme*, далее следует эталон сравнения:

Donc voilà, c'est la nuit et *il fait noir comme dans le cul d'un singe* [www.horsjeu.net]. - 'Вот и наступила ночь, темно хоть глаз выколи (*досл. темно как у обезьяны в заднице*)'.

C'est la nuit et je suis assise au milieu d'un immense escalier de marbre blanc qui n'en finit plus. Il n'y a pas un chat, *il fait noir comme chez le diable*. Soudain je me rends compte que tout en bas dans les tréfonds, se trouve l'enfer [www.communication-jeunesse.qc.ca]. - 'Сейчас ночь и я сижу посередине огромной бесконечной

лестницы из белого мрамора. Нет ни души, **темнота крошечная** (досл. **черно как у дьявола**). Неожиданно я понимаю, что внизу находится ад’.

В итальянском языке КФ с компонентом «него» можно классифицировать по следующим группам:

1) *цветовая характеристика объектов:*

Cominciò a diventar popolare in Torino ... da una ventina d’anni ... un giovane bersagliere, **nero come l’ebano**, di belle forme, svelto, piacevole ... , guardato con occhio curioso dalla gente, e chiamato senz’altro il bersagliere moro. [<http://digilander.libero.it/frontedeserto/biografie/sulimanbio.htm>.] - ‘Стал приобретать известность в Турине ... лет 20 тому назад ... , один молодой стрелок, **смуглый** (досл. **черный как эбеновое дерево**), статный и приятный, на которого смотрели любопытным взглядом, его прозвали мавританский стрелок’.

Il piccolo indiano aveva per amici un cavallo e un corvo. Il cavallo era di quelli che non ho mai capito se sono bianchi con le macchie nere o neri con le macchie bianche, e **il corvo** era tutto **nero, come il carbone** [www.stefanomarcelli.com]. - ‘Друзьями маленького индейца были конь и ворон. Конь был из разряда тех, про которых никогда точно не скажешь, то ли они белые с чёрными пятнами, то ли черные с белыми пятнами; **ворон был весь чёрный, как уголь**’.

No notato sul ... portellone, specialmente il lato dove c’è lo scarico, dei **puntini neri come la fuliggine** che emette un motore diesel ... [<http://scirocco.forumfree.it/?t=41965100>] - ‘Я заметил ... на дверце, особенно со стороны выхлопной **трубы, чёрные как сажа** точки, выделяемые дизельным мотором ...

La mia amica Gladys ha una bambina «pura italiana castagnina» e un **maschietto** «**nero come un tizzone**»; i genitori non sono italiani, né bianchi, né moreni, ma solo un po’ abbronzati. <http://www.rivistamissioniconsolata.it/cerca>. - ‘У Моей подруги Глэдис – девочка, настоящая итальянка с каштановыми волосами, и **мальчик, черный как головешка**; родители, при этом, не итальянцы, ни светлые, ни смуглые, а лишь немного загорелые’.

Per i Turchi, da sempre suoi grandi estimatori, *il caffè* dev'essere '**nero come l'inferno**, forte come la morte e dolce come l'amore'. [<http://www.erboristeriedelladda.it/magazine.php?azione=art&art=499&cat=30>.] - 'Для турок, извечных ценителей *кофе*, он должен быть **чёрным как ад**, сильным как смерть и сладким как любовь'.

2) *пейоративная эстетическая оценка (человека, предметов)*:

Spesso mangiavamo le more, che spuntavano tra le foglie verdissime. Le **more nere come l'inchiostro**. Io ero il più goloso e dopo pochi minuti avevo le mani nere, la bocca nera, tutto il volto impiasticciato di **nero, come uno spazzacamino** [www.parcoletterario.it/it/autori/p_lajolo/vinchio/06.htm]. - 'Очень часто мы ели ежевику, которая виднелась среди зелёных листьев. **Ягоды ежевики, чёрные как чернила**. Я был самым большим лакомкой и уже через пару минут мои руки, рот и всё лицо были **перепачканы, как у трубочиста**'.

3) *пейоративная этическая и / или эмоциональная оценка (в зависимости от контекстуального употребления и референта сравнения)*:

Il mare si udiva muggire attorno ai *faraglioni* ... **il giorno** era apparso **nero peggio dell'anima di Giuda** [Verga 1989: 47]. - 'Было слышно, как шумит море у подножья скал, ... и **день** явился **чёрным, чернее, чем душа Иуды**'.

Era giorno di paga. Io ero lì, con **l'umore nero come il tizzo di carbone**: la cifra scritta a penna sul cedolino era poca cosa in confronto alla fatica fatta... [Bigongiari 1997: 73]. - 'Был день получения зарплаты. Я был там, *настроение* у меня было **отвратительное** (досл. *черное, как угольная головешка*): цифра, ручкой написанная на талоне, была ничтожной по сравнению с затраченными мною усилиями'.

Два последних примера позволяют говорить о том, что в тех случаях, когда нематериальный референт служит для характеристики какого-либо объекта или понятия (но не человека), то КФ имеет прямое (цветовое) значение. Когда наоборот, нематериальному объекту сравнения (*umore*) приписываются характеристики объекта материального (*tizzo di carbone*), то выражение приобретает переносное значение.

4) *внешняя характеристика человека (цвет глаз, цвет кожи):*

La incantavano i suoi **occhi neri come grani di pepe**, i baffetti da malandrino, il papillon con le ali sempre tese ... [Morale 2006: 51]. - 'Её очаровывали его *глаза, черные как перечные зернышки*, озорные усики, всегда туго затянутый галстук – бабочка ...'

Как показывает материал, наибольшее количество устойчивых сравнений, основанием которых является цветообозначение «чёрный» отмечается в испанском (37) и французском языках (33 компаративных фразеологизма). В испанском языке данные ФЕ не всегда могут рассматриваться как синонимы или варианты, так как выражают различные характеристики (эстетические или эмоциональные) применительно к человеку и объектам окружающей его действительности: 1) *цветовая характеристика предметов*, 2) *внешняя характеристика человека (цвет кожи)*, 3) *пейоративная эмоциональная и / или этическая оценка (человека, явления, ситуации)*. Во французском языке в данных КФ закреплено лишь значение усиления цветовой характеристики предметов.

В испанском языке также можно выделить особую группу компаративных фразеологизмов, в которых прилагательное «negro» уже не выражает свою собственно-цветовую семантику. С помощью устойчивых сравнительных конструкций, в которых в роли основного компонента и форманта значения фигурирует прилагательное «negro» в испанском языке может формироваться *общая отрицательная оценка*. В отличие от сравнительных конструкций, в которых прилагательное «negro» выступает в собственном цветовом значении, усиленном благодаря указанию на материальные объекты действительности, в этих ФЕ стереотипом или эталоном для сравнения служат нематериальные понятия или референты, негативные по своей семантике (например, такие как: *мучение, смерть, душа Иуды* и пр.). За счет этого в таких моделях происходит переосмысление собственно-цветового значения прилагательного. То есть, посредством указания на конкретный материальный объект, говорящий хочет дать такую характеристику, которую собеседник может адекватно интерпретировать только благодаря непосредственно визуальному восприятию.

При указании на нематериальный объект или референт, говорящий апеллирует уже к фонду общих знаний и ассоциативному потенциалу собеседника. Аналогичное явление свойственно и итальянскому языку, – *nero come l'anima di Giuda, come la fame*.

В итальянском языке было выявлено 30 КФ, которые можно также сгруппировать по четырём типам: 1) *цветовая характеристика предметов*, 2) *пейоративная эстетическая характеристика (человека, предметов)*, 3) *отрицательная эмоциональная и/или этическая оценка*, 4) *внешняя характеристика человека*.

Среди КФ (в испанском и французском) также отмечаются единицы юмористического характера, комический эффект которых достигается путём перенесения анатомических особенностей строения человека на животных или какие-либо предметы окружающей действительности (принцип неправдоподобия).

Наибольшее количество тематических сфер задействовано в КФ испанского и итальянского языков (10 в испанском, 9 в итальянском), 7 из которых являются общими для обоих языков. По сравнению с итальянским языком в испанском выделяется группа, составляющая культурно-исторические реалии, анатомическую сферу, а также явления, отражающие лексико-грамматические особенности испанского языка. В итальянском языке добавляется сфера продуктов питания и названия профессий. Также представляется целесообразным выделить универсальные и национально-специфичные лексические единицы, выступающие в качестве эталонов сравнения в анализируемых структурах. Согласно количественным подсчётам всего было выявлено 125 КФ с адъективным цветовым компонентом «чёрный», при этом все три языка совпадают только в выборе 7 эталонов (уголь, эбеновое дерево, чернила, сажа, смола, вороново крыло, ночь), испанский и французский – в девяти (+вакса, агат), испанский и итальянский – в двенадцати (+ головешка, душа Иуды, голод, ад, пасть волка / кита (частичное совпадение), итальянский и французский – 11 общих эталонов (+ ворон, угольщик, перец, дымоход / козуж дымохода).

Реализация структур указанных групп в сферхфразовых описательных контекстах демонстрирует высокую востребованность устойчивых сравнений с компонентом цветообозначением «чёрный» также и при передаче негативного психо-физического, в ряде случаев физического состояния субъекта, каузированного определённой ситуацией. Подробнее о компаративных фразеологизмах с ЦО «черный» в романских языках см. [Соколова 2014].

2.3. Структурно-семантические и функционально-прагматические особенности компаративных фразеологизмов с хроматическим компонентом

2.3.1. Красный цвет

Основываясь на контрастивно-сопоставительной методике анализа материала, можно говорить о наличии общих (универсальных) и частных (национально-культурно-специфичных) эталонов или стереотипов красного цвета в трех изучаемых лингвокультурах.

Исходя из исследованного материала, можно заключить, что диапазон объектов-стереотипов для красного цвета чрезвычайно широк и вариативен во всех трех рассматриваемых языках.

Таблица №3.

Эталонные сравнения для «красного цвета» в испанском, французском и итальянском языках.

Испанский (21)	Французский (26)	Итальянский (35)
<i>Природные явления (4):</i> <i>el sol (солнце), la lumbre (пламя), el fuego (огонь), el ascua (жар).</i>	<i>Природные явления (3):</i> <i>la braise (горящие угли), le brasier (жар), du feu (огненный).</i>	<i>Природные явления (9):</i> <i>la brace (горящие угли), la bragia (жар), la fiamma (пламя), il carbone acceso (пылающий уголь), lo sverzino (лучинка), il fuoco (огонь), il sole (солнце), il tramonto infuocato (раскаленный закат), la vampra (румянец).</i>
<i>Фитонимы (9):</i>	<i>Фитонимы (8):</i>	<i>Фитонимы (8):</i>

<p><i>el tomate (помидор)</i>, la acerola (испанский боярышник), <i>la guinda (вишня)</i>, <i>la sandía (арбуз)</i>, <i>la remolacha (свёкла)</i>, un Morrón (букв. более красный чем перец), un ají (испанский стручковый перец), <i>el pimiento (перец)</i>, el coral (коралл).</p>	<p>la framboise (малина), <i>la cerise (вишня)</i>, <i>la guigne (черешня)</i>, <i>une fraise (земляника)</i>, une carotte (морковь), <i>une betterave (свёкла)</i>, <i>la tomate (помидор)</i>, <i>une pomme d'api (красное мелкое яблоко)</i>.</p>	<p><i>l'anguria, un cocomero (арбуз)</i>, <i>il pomodoro (помидор)</i>, <i>la ciliegia (вишня)</i>, <i>la fragola (клубника)</i>, la melagrana (гранат), una (barba)bietola (свёкла), <i>una mela (яблоко)</i>, <i>il peperone (стручковый перец)</i>.</p>
	<p><i>Продукты питания (1):</i> l'oeuf de Pâques (пасхальное яйцо)</p>	<p><i>Продукты питания (2):</i> un peperoncino (паприка), l'arrostito (жаркое)</p>
<p><i>Зоонимы (3):</i> un samarón (креветка), un ravo (павлин), <i>un sangrejo (рак)</i>.</p>	<p><i>Зоонимы (7):</i> <i>le coq (петух)</i>, un dindon (индюк), <i>une coccinelle (божья коровка)</i>, <i>la crête de coq (гребешок петуха)</i>, <i>l'écrevisse (cuite), (варёный рак)</i>, <i>la langouste (лангуст)</i>, l'homard (омар).</p>	<p><i>Зоонимы (8):</i> <i>il gallo (петух)</i>, <i>la cresta di gallo (гребешок петуха)</i>, il gambero (рак), <i>il gambero cotto (bollito) (вареный рак)</i>, <i>un'aragosta (лангуст)</i>, il pappagallo (попугай), <i>una coccinella (божья коровка)</i>, <i>il tacchino (индюк)</i></p>
<p><i>Вещества (2):</i> la grana (кошениль), <i>la sangre (кровь)</i>.</p>	<p>Вещества и материалы (1): <i>le sang (кровь)</i></p>	<p><i>Вещества и материалы (предметы) (4):</i> il cuore (сердце), <i>il sangue (кровь)</i>, un rubino (рубин), il pinocchio (пинол).</p>
<p><i>Религиозные и мифические представления (1):</i> el diablo (дьявол)</p>	<p><i>Религиозные и мифические представления (1):</i> un chérubin (херувим)</p>	<p><i>Религиозные и мифические представления (1):</i> il Vasso (Вакх)</p>
<p><i>Флоронимы (1):</i> <i>la amapola (мак)</i>.</p>	<p><i>Флоронимы (4):</i> la pivoine (пион), le gratte-cul (шиповник), <i>la rose (роза)</i>, <i>le coquelicot (мак)</i>.</p>	<p><i>Флоронимы (2):</i> <i>la rosa (роза)</i>, <i>il papavero (мак)</i></p>

В испанском языке нами зафиксировано 21 объект – эталон, указывающий на красный цвет, во французском языке таких объектов 26. Наиболее интересным в этом плане представляется итальянский язык, так как именно в нем мы обнаруживаем наиболее широкое разнообразие объектов-эталонов, ассоциируемых с красным цветом. По нашим подсчетам их 35.

Данные эталоны сравнений представлены, в основном, анималистической лексикой, а также лексикой растительного и физического мира. Отметим, что в итальянском языке задействованы даже имена собственные, в частности, имя античного бога виноделия – Вакха.

В исследованном нами материале только семь из представленных в устойчивых сравнительных конструкциях эталонов (помидор, мак, свёкла, кровь, жар, рак, огонь) являются общими для всех трех лингвокультур. В испанском и итальянском языках обнаруживаются 10 общих эталонов сравнения (+перец, солнце, пламя). Большую типологическую близость в данном случае проявляют французский и итальянский языки, обнаруживая 11 общих эталонов сравнения для красного цвета (+ петух, черешня, гребешок петуха, божья коровка). В целом, при сопоставлении устойчивых сравнительных конструкций, содержащих ЦК «красный» во всех трех языках можно отметить большее количество различий, чем сходств.

В дополнение к этому, согласно нашим данным, можно сделать вывод о том, что во всех исследованных языках набор значений для красного цвета в КФ (всего 82 единицы) ограничивается высокой степенью интенсификации своего первоначального собственно-цветового значения. Исключение составляет французский язык, в котором зафиксировано также наличие *положительной эстетической оценки человека* (*rouge comme un chérubin*) – с полным, свежим лицом.

исп. ... cuando me presentan a una señora me pongo **rojo como un camarón** y le doy la mano mirando a otro lado y en vez de decirle "mucho gusto" le digo "mucho busto" o cualquier otra tontería. [CREA] - ‘... когда меня знакомят с какой-нибудь дамой, я **краснею как креветка** и протягиваю ей руку, смотря в другую сторону, а вместо того, чтобы сказать «очень приятно», я говорю ей какую-нибудь глупость’.

исп. Nos maravillaba encontrar algún **cangrejo** de color **rojo como el coral**, tan escasos como son los albinos entre los humanos [CREA]- ‘Мы удивлялись, когда

находили какого-нибудь *краба*, *красного как коралл*, ведь они такие же редкие, как альбиносы среди людей’.

исп. ¡*Devora todo*, sobre todo las manos, las orejas y la nariz!" le dijo el nativo quien añadió que, aunque él no había visto a ese *monstruo*, sabía que era *rojo como la sangre*, y que él mismo preferiría enfrentarse antes a un elefante enloquecido o a un león hambriento que a ese terrible animal [CREA] - ‘*Он пожирает всё*, особенно руки, уши и нос!, - сказал ему абориген, добавив, что хотя он не видел этого *монстра*, всё же знал, что он *красный как кровь*, и сам он скорее предпочёл бы столкнуться с обезумевшим слоном или голодным львом, нежели с этим жутким зверем’.

... mientras no nacieran hijos de una tal relación, ningún juez podría aceptar que existiera evidencia *del pecado de incesto* ... Pero añadir un joven guapo y robusto, de *pelo rojo como el diablo*, a ese ilegal matrimonio [CREA]- ‘... пока не стали бы рождаться дети от подобных отношений, никакой судья не смог бы согласиться с тем, что однозначно имел место *инцест* ... Но считать красивого крепкого юношу с *ярко-рыжими (досл. красными как дьявол) волосами* плодом этого незаконного брака ... ’.

Следует отметить, исходя из приведённых примеров, что разнообразие эталонов сравнения предоставляет возможность выбора наиболее подходящего референта в конкретном контексте (ср. *монстр*, пожирающий всё – *красный как кровь*, *краб* – *красный как коралл*, *грех инцеста* *красный как дьявол*).

фр. Et voilà, une journée de révision au soleil et *je* me retrouve *rouge comme une écrevisse* ! Cela dit, j'espère tout de même que ce beau temps va rester... [<http://bouillybouclette.canalblog.com/archives/2010/05/26/18005710.html>.] - ‘И вот, один день на солнце, и *я* снова *красная как рак*! И все-таки, надеюсь, что эта прекрасная погода еще продержится ...’

Pour avoir beaucoup fréquenté la côte Atlantique (surf, planche à voileetc) je suis souvent rentré *rouge comme un homard*, comme on dit chez nous. [<http://www.trucsdegrandmere.com/sante/neutraliser-gros-coup-soleil.html>.] - ‘Так как

я часто бывал на атлантическом побережье (сёрфинг, виндсёрфинг ... и тд.) часто **я** возвращалась **красная**, как у нас говорят, **как омар**'.

Et il a ébahi les téléspectateurs en mettant sa main sous son sein gauche et en le tâtant, pendant que *l'actrice* devenait **rouge comme une pivoine**.
<http://forum.airradiohead.com/index.php?topic=1235.2540;wap2>. - 'И он ошеломил телезрителей, положив руку на её левую грудь и пощупав её, в то время как **актриса краснела как пион**'.

rouge / rosé comme un chérubin (букв. красный как херувим) – с полным, румяным и свежим лицом (мелиоративная эстетическая оценка).

фр. *Elle était rosé comme un chérubin* et avait les yeux bleus et doux comme les doit avoir la Vierge Marie elle-même; toutefois, dans cette douceur, étincelait je ne sais quelle naïve mais toute féminine malice... - 'Она была **розовой, как херувим** с кроткими голубыми глазами как у самой Девы Марии, однако, в этой кротости угадывалось, не знаю насколько произвольное, но всё женское лукавство ...'.

ит. *L'amore di una donna* ... E' potente e resistente, temprato dal suo stesso calore, **rosso come la fiamma**, come il suo cuore.
[\[http://cettadeluca.wordpress.com/2012/12/01/lamore-di-una-donna-rosso-come-la-fiamma/.\]](http://cettadeluca.wordpress.com/2012/12/01/lamore-di-una-donna-rosso-come-la-fiamma/) - '**Любовь женщины** ... Крепкая и стойкая, закалённая собственным жаром, **красная как пламя**, как её сердце'.

ит. Divento sempre **rossa come un peperone**... nei momenti in cui mi trovo in mezzo a un po' di gente e qualcuno mi rivolge la parola divento completamente rossa ... ora mi chiedo come faro' visto che a settembre mi sposo ...
http://forum.alfemminile.com/forum/psychol/f23511_psychol-Divento-sempre-rossa-come-un-peperone.html. - '**Я** становлюсь **красной как перец** ... когда нахожусь среди небольшого количества народа и кто-нибудь обращается ко мне, я становлюсь совсем красной ... сейчас я задаюсь вопросом, как мне быть, учитывая, что в сентябре я выхожу замуж ...

ит. Avrei potuto fingere di essere un agente segreto e chiedere a Michela di correre via con me tra la gente. Ma non lo feci. Credo di essere diventato **rosso come un'aragosta**. A malapena riuscii a mormorare: «Okay. Io devo andare. Ciao».

[Gianfranco Liori 2010: 53]. - 'Я бы мог прикинуться тайным агентом и попросить Микелу бежать прочь со мной вместе через толпу. Но я этого не сделал. Думаю, что *я покраснел как лангуст*. Мне едва удалось пробормотать: Хорошо. Я должен идти. Пока'.

ит. L' atropina è usata in medicina; il quadro clinico per chi ha assunto belladonna veniva descritto così: caldo come una lepre (= ipertemia); cieco come un pipistrello (=midriasi); *rosso come una barbabietola* (= congestione del viso). [http://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2013/07/09/] - 'Атропин используется в медицине; клиническая картина у тех, кто принял белладонну, описывалась следующим образом: горячий как проказа (гипертемия); слепой как летучая мышь (мидриаз); *красный как свёкла* (прилив крови к лицу)'.

Следует отметить, что в тех случаях, когда субъектом сравнения с ЦК «красный» становится человек, данные компаративные фразеологизмы служат для характеристики цвета лица, когда человек переживает сильные эмоции (злость, стыд, смущение), цвета волос (безоценочное усиление цветового признака), при воздействии объективных физических факторов (солнечный ожог). Подробнее о компаративных фразеологизмах с ЦО «красный» см. [Соколова 2014].

2.3.2. Желтый цвет

Анализ языкового материала показал, что все исследуемые КФ служат для выражения пейоративной эстетической оценки. Тождество их денотативной функции демонстрирует выбор межъязыковых эквивалентов в двуязычных словарях.

Таблица № 4.

Эталоны для «желтого цвета» в испанском, французском и итальянском языках.

Испанский	французский	Итальянский
<u>Зоонимы (1):</u> <u>un canario (канарейка)</u>	<u>Зоонимы (3):</u> un serin (канарейка), un poussin (цыплёнок), <u>un canari (канарейка)</u> .	Зоонимы (1): Un rigogolo (иволга).

	<u>Продукты питания (1):</u> le safran (шафран).	<u>Продукты питания (3):</u> una frittata (яичница), l'olio (растительное масло), lo zafferano (шафран).
Материалы (2): la cera (virgen) (неплавленный воск), el oro (золото)	<u>Вещества и материалы (4):</u> un sieghe pascal (пасхальная восковая свеча), cire (de la cire) (воск (из воска)), du pankin (из нанки (ткань)), l'or (золото) , de l'ocre (охра)	Вещества и материалы (2): la cera (воск) , l'oro di zecchino (высокопробное, червонное золото).
<u>Фитонимы (2):</u> un limón (лимон) , un lirio (ирис)	<u>Фитонимы (3):</u> un citron (лимон) , une orange (апельсин), un coing (айва).	<u>Фитонимы (3):</u> una carota (морковь), un limone (лимон) , un porone (дыня).
<u>Природные явления (2):</u> el sol (солнце), el fuego (огонь).		
<u>Сфера смерти (1):</u> un muerto (мертвец).		<u>Сфера смерти (2):</u> la febbre gialla (желтая лихорадка), un morto (мертвец).
<u>Предметная сфера (1):</u> un pergamino (пергамент).		
	<u>Флоронимы (1):</u> un souci (ноготки).	

Все КФ, в состав которых входит колоративный компонент «желтый» могут выражать следующие значения:

1) *пейоративную эстетическую характеристику человека:*

исп. Los amigos ... me dieron el último adiós, porque estaba **hecho un esqueleto y amarillo como un lirio**. Con trabajo llegué a la Puerta de Foncarral y al respirar el aire libre del campo me animé mucho y ya podía sufrir el trote del caballo. [CREA] - 'Друзья сказали мне последнее «прощай», так как я выглядел **как скелет и был жёлтым как ирис**. С трудом я добрался до Пуэрта дэ Фонкарраль и, вдохнув свежего деревенского воздуха, я ожил и уже мог ощущать рысь коня'.

De su último viaje, Marcos regresó en **un ataúd. Había muerto** de una misteriosa peste africana que lo fue poniendo arrugado y **amarillo como un pergamino**. [CREA] - 'Из своего последнего путешествия Маркос вернулся **в гробу**. Он **умер** от

загадочной африканской чумы, от которой он сморщился и **пожелтел как пергамент**'.

Del parto mi madre quedó con fiebre, y fue cuando papá, auxiliado por mí, sostuvo vivo el hogar. Pero ... aquel cabeza de familia tan lleno de virtudes, pero psicopáticamente colérico, hizo ... un berrinche tan fuerte, que **enfermó** al grado de ponerse **amarillo como un canario**. [CREA] - 'От родов у моей матери начлась лихорадка, именно тогда папа с моей помощью поддерживал домашний очаг. Но ... тот глава семьи, полный всяческими добродетелями, однако с холерическим темпераментом, так вспылал, что **разболелся, пожелтел как канарейка**'.

фр. Mme Grandet était **une femme sèche et maigre, jaune comme un coing**, gauche, lente ; une de ces femmes qui semblent être faites pour être tyrannisées. [Balzac 1972: 41]. - 'Мадам Грандэ была сухопарой худой **женщиной, жёлтой как айва**, неуклюжей, медлительной, одной из тех, которые, казалось, были созданы, чтобы их мучили'.

2) *цветовая характеристика объектов:*

исп. En tierras de Salamanca

habita un pájaro cantor.

Negro es su plumaje,

Su **pecho amarillo como el sol** [CREA].

'На землях Саламанки

живет певчая птичка.

Черно ее оперенье,

А грудка – **желтая как солнце**'.

фр. **Jaune comme le citron**

Le soleil se cache á l'horizon

Orange, comme une orange

Voyez comme sa couleur change

Rouge, comme une tomate

Le soleil est écarlate ... [www.momes.net/Comptines/Berceuses/]

'**Желтое, как лимон,**

Солнце скрывается за горизонтом

Оранжевое, как апельсин,

Вы видите как меняется его цвет

Красное, как помидор,

Солнце пунцового цвета ...

ит. ... le foglie possono essere utilizzate nelle insalate primaverili, mentre **i fiori**, uniti a brodi e risotti, tingono di **giallo come lo zafferano**.

[<http://casagrotteara.com/giardino-botanico/piante-officinali-e-piante-spontanee-commestibili/>] ... листья можно использовать для приготовления весенних салатов, в то время как цветки, добавленные в бульоны и ризотто, окрашивают их в желтый как шафран цвет?.

Колоративный компонент «жёлтый» встретился в 33 КФ: 9 в испанском, 13 во французском, 11 в итальянском. Общими для всех трёх языков является 2 эталона сравнения – лимон и воск, в испанском и французском 4 (+ золото, канарейка), во французском и итальянском 3 (+ шафран), в испанском и итальянском 3 (+ мертвец).

2.3.3. Зеленый цвет

Таблица №5.

Эталоны сравнения для «зеленого цвета» в испанском, французском и итальянском языках.

Испанский	Французский	Итальянский
<u>Зоонимы (3):</u> una gana (лягушка), una lagartija (ящерица) , un loro (попугай)	<u>Зоонимы (1):</u> un iguane (игуана)	<u>Зоонимы (1):</u> un gamarro (ящерица) .
<u>Растительный мир.</u> <u>Фитонимы (6):</u> las coles (капуста), los lirios (ирисы), el prado (луг) , la albahaca (базилик), un musgo (мох), una hoja de orégano (лист орегана)	<u>Растительный мир.</u> <u>Фитонимы (4):</u> un laurier (лавр), un pré (луг) , un cresson (кресс-салат), une pomme (яблоко), un poireau (лук-порей)	Растительный мир, фитонимы (2): un aglio (чеснок), una gaggia (акация)
<u>Сфера смерти (1):</u>		

un muerto (мертвец)		
	<u>Предметная сфера (1):</u> une émeraude (изумруд).	

Наименьшее количество КФ зафиксировано для единиц с хроматическим колоративным компонентом «зелёный». Всего 20 примеров (11 в испанском, 3 в итальянском, 6 во французском). Во французском языке отмечается только значение *цветового усиления признака*, в то время как испанский и итальянский языки характеризуются также наличием отрицательной эстетической (испанский и итальянский) и этической оценки (только итальянский), путем указания на объекты, в основном, растительного мира.

исп. Fabio: (Va hacia ellos). Has dicho **verde como una rana** porque sabes que son verdes y que no podrías verlas coloradas aunque quisieras. (Buero Vallejo, Antonio). - 'Фабио: (Идёт к ним). Ты сказал **зелёный как лягушка**, потому, что знаешь, что они зелёные, и ты не мог бы видеть их цветными, даже если бы очень хотел'.

Durante los dos días siguientes **el muchacho** debió quedarse en la cama, **verde como una lagartija** y convencido de que las náuseas y el dolor de cabeza iban a matarlo. (Allende, Isabel). - 'В течение двух следующих дней **молодой человек** должен был оставаться в постели, **зелёный как ящерица** и убеждённый в том, что тошнота и головная боль вскоре убьют его'.

Florentino Ariza, **verde como un muerto**, se dejó llevar. No estaba preparado para ese encuentro, porque Fermina Daza no había encontrado la ocasión ni el modo de prevenirlo. (García Márquez, Gabriel). - 'Флорентино Ариса, **зелёный как мертвец**, дал себя увести. Он не был готов к этой встрече, так как Фермина Даса не нашла как случая, так и способа предупредить его'.

Примеры для зеленого цвета во французских источниках нами не зафиксированы.

Один КФ в испанском языке **más verde que lirios** (букв. более зеленый, чем ирисы) – совсем зеленый, неспелый (о плодах) используется в переносном значении и несёт *коннотацию незрелости, неспелости*. В испанском и

итальянском языках также отмечены единицы, дающие *нейоративную эстетическую оценку*: исп. *verde como un muerto*, ит. *verde come un aglio* (букв. зелёный как чеснок) – смертельно-бледный, и этическую: ит. *essere verde come una gaggia* (букв. зелёный как акация) – быть жадным.

Контрастивно-сопоставительный и компонентный анализ КФ с колоративным компонентом в трёх романских языках позволили определить, «с одной стороны, типологические сходства в образной системе, в семантических преобразованиях компонентов сравнений и их функционировании в разных языках, а с другой – обнаружить расхождения в ассоциативно-психологических и лексико-семантических закономерностях становления и развития этих структур» [Чекалина 1984: 60].

Выводы по главе

1. Семантический анализ позволяет выявить важные ментальные установки того или иного языкового коллектива, которые в некоторых случаях отражают общие культурно-исторические реалии, либо демонстрируют закономерные отличия национальных менталитетов, проявляющиеся в восприятии, переживании и осмыслении окружающего мира тем или иным этносом.

Семантические функции устойчивых сравнений не ограничиваются только дескрипцией воспринимаемых человеком реалий. Компаративные конструкции являются языковым средством оценки и интерпретации этих реалий. Они выражают степень интенсивности проявления признака объекта, актуализируют дополнительные характеристики объекта, передают эмоциональное отношение говорящего к объекту.

2. Универсальной чертой испанского, французского и итальянского языков является количественное преобладание КФ с колоративными ахроматическими компонентами черного и белого тонов. Полученные результаты подтверждаются известным положением о том, что лексемы ахроматического тона, обозначая проявление признака «свет – отсутствие света», выделились раньше

хроматических, и, соответственно, несут наибольшую семантическую нагрузку из всех терминов цвета [Бахилина 1975, Бородина, Гак 1979].

3. Компонентный анализ показал, что большинство выступающих в роли объекта сравнения в испанском, французском и итальянском языках имеют семантическую общность с основанием сравнения, что, по нашему мнению, обуславливает их общезыковой характер и функциональную универсальность. Наряду с указанными единицами также были выявлены структуры с объектом сравнения, семантика которого не содержит цветового признака, поскольку его наличие восполняется носителями языка из фонда общих знаний носителя языковой культуры.

4. В качестве объекта для сравнения в КФ с колоративным компонентом чаще выступают природные и предметные лексические единицы, что объясняется цветовым разнообразием окружающего мира, открывающего широкие возможности для познания и закрепления обозначений окружающих объектов в языковом сознании.

5. Национально-культурно специфические черты устойчивых сравнений мотивируются различием в цветовой картине мира, которая, будучи универсальной ввиду отражения объективной действительности, направленности на научное знание, фиксирует и элементы обыденного сознания, возникшие посредством преломления через призму собственного культурно-исторического опыта каждого народа. Этим обусловлена также и количественная асимметрия данных единиц в рассматриваемых языках.

Так, например, французский и испанский менталитеты в поиске сравнительных стереотипов находят неординарные решения, проявляя, гротескный юмор и фантазию, свойственные этим народам (ср. эталоны сравнения для белого и черного типа: фр. *blanc comme: un cachet d'aspirine* (таблетка аспирина), *une merde de laitier* (кал молочника), *un pet* (пук), *un pet de nonne / laitier* (пук монашки / молочника), *un dessous de couilles* (нижняя часть яиц), *noir comme: le cul* (задница); *derrière du diable* (зад дьявола), исп. *blanco como: la nalga / el culo / las tetas de monja* (ягодица / задница / грудь монахини), *el*

culo de un fraile (зад монаха), culo de monja enclaustrada (зад запертой в монастыре монахини), culo de ángel (зад ангела), la picha de un calamar (membrum virile кальмара).

Е.М. Чекалина отмечает, что «в романских цветовых сравнениях отражается и внутренняя специфика языковой системы каждого языка. Одним из проявлений ... способности французского языка создавать в сравнениях свою собственную внутреннюю психологическую реальность, отличную от реальности действительной, является известный случай нарушения естественных логических связей – вовлечения в сравнения по черному цвету слова *geai* (сойка) – омонима *jais* (агат)» [Чекалина 1984: 60].

6. Испанский и итальянский языки обращаются к сфере нематериальных объектов (ср. черный как: голод, душа Иуды и др.), благодаря которым формируются переносные метафорические значения цветовых сравнительных конструкций. Также в испанских КФ фигурируют культурно-исторические и языковые реалии (ср. черный как: Тито, мавританка, «неимение» и др.). Итальянский и французский используют сферу религиозно-языческих представлений и мире (ср. фр. «красный как херувим», ит. «красный как Вакх»), а также в частных случаях используют одни и те же эталоны-стереотипы для интенсификации различного цветового признака как в двух сопоставляемых фразеологических системах (ср. фр. «красный как морковь» и ит. «жёлтый как морковь», фр. «зеленый как яблоко» и ит. «красный как яблоко», исп. «желтый как солнце» и ит. «красный как солнце», исп. «зеленый как попугай» и ит. «красный как попугай», так и в рамках одного языка (ср. исп. «белый как мертвец», «желтый как мертвец», «зеленый как мертвец», «чёрный как дьявол» и «красный как дьявол», «жёлтый как ирис» (отрицательная эстетическая оценка) и «более зелёный, чем ирисы» (созначение «неспелый», «желтый как огонь» и «красный как огонь»), ит. «черный как потушенный угли» и «красный как горящие угли», фр. «белый как слива», «черный как слива»).

Чаще всего выбираются одни и те же стереотипы для пар цветов: красный – желтый, желтый – зеленый. В одном случае отмечен один и тот же эталон

сравнения для пары «белый – черный» (во французском языке: «blanc comme le cul» и «noir comme le cul»).

7. На основе проанализированного материала нами были выявлены различные типы оценочных компонентов значения для КФ. Во всех трех языках ЦО «белый» в составе КФ выражает: 1) мелиоративную (положительную) эстетическую и этическую оценку, 2) пейоративную (отрицательную) эстетическую оценку. ЦО «черный» в испанском языке выражает два вида значений: 1) цветовая характеристика предметов, 2) внешняя характеристика человека (цвет кожи), 3) пейоративная эмоциональная и / или этическая оценка (человека, явления, ситуации). Во французском языке в данных КФ закреплено лишь значение усиления цветовой характеристики предметов. В итальянском языке КФ можно также сгруппировать по четырём типам оценок: 1)цветовая характеристика предметов, 2)пейоративная эстетическая характеристика (человека, предметов), 3) отрицательная эмоциональная и/или этическая оценка, 4) внешняя характеристика человека. Итальянский при этом обнаруживает большую общность с испанским. «Красный цвет» ограничивается высокой степенью интенсификации своего первоначального собственно-цветового значения за исключением французского языка, в котором зафиксировано также наличие положительной эстетической оценки человека (*rouge comme un chérubin*).

КФ с колоративным компонентом «желтый» выражают следующие значения:

1)пейоративную эстетическую характеристику человека, 2) цветовая характеристика объектов. Для «зеленого» во французском языке отмечается только значение цветового усиления признака, в то время как испанский и итальянский языки характеризуются также наличием отрицательной эстетической (испанский и итальянский) и этической оценки (только итальянский).

8. Как показывает материал лексикографических источников, КФ в основании сравнения которых лежит колоративный компонент «синий» в романских языках отсутствуют и это, по мнению Е.М. Чекалиной « ... имеет глубокие исторические корни. Синий и голубой тона были сравнительно слабо обозначены в древних языках, поскольку составляли основные хроматические

цвета ландшафта – атмосферы и воды, - они воспринимались как общий фон, не нуждающийся в обозначении. Отсутствие для синего цвета логических и ассоциативно-психологических связей с конкретным предметом-носителем данного цветового тона и сделало первоначально невозможным появление устойчивых сравнений по синему цвету в истории ряда языков» [Чекалина1984: 57].

9. Также установлено, что устойчивые сравнения, учитывая особенности их структуры и функционирования, представляют собой фразеосинтаксические единицы, совмещающие значения образного сравнения и акцентированной интенсивности колоративного признака, номинативную и атрибутивно-предикативную функции.

10. Говоря о формальных структурах, участвующих в образовании стереотипных сравнений, в испанском языке можно отметить, опираясь на приведенные примеры употребления КФ, преобладание сравнительных форм с *más que* (более чем), которые, согласно лексикографическим данным, являются практически неупотребительными в компаративных устойчивых структурах французского и итальянского языков.

11. Для сравнения «недостаточности» или «убывания» признака не обнаруживается ни одного примера в анализируемом нами материале.

Таким образом, градуирование по шкале нарастание – убывание признака является невозможным для компаративных фразеологизмов данного типа (т.е. КФ с цветовым компонентом).

По мнению исследователей, в целом устойчивое сравнение характеризуется преобладанием единиц, фиксирующих процесс сравнения в сторону усиления или нарастания того или иного признака. Как отмечает М.И. Родригес Понсе, «это является общей тенденцией, так как ... оценивание в полюсе превосходства получило большее развитие, чем оценивание в полюсе «недостаточности» в связи с тем, что отрицание приводит к препятствию в понимании высказывания» [Rodríguez Ponce 2006: 8].

12. Фактический материал подтверждает, что сема интенсивности маркирует семантику преобладающего количества КФ с колоративным компонентом, что наиболее характерно для единиц микрополей черного (125), белого (102) и красного (82) тонов. Всего было выявлено и проанализировано 360 КФ в трех исследуемых языках.

Глава III. Структурно-семантические особенности фразеологизмов с цветовым компонентом

3.1. Классификации фразеологизмов с цветовым компонентом по семантическим признакам

Анализ ФЕ исследуемых языков позволил нам выделить следующие семантические структуры:

1) **ФЕ полностью мотивированные, в которых цветовая номинанты выступает в своем исходном хроматическом или ахроматическом значении.**

В основном, эти единицы составляют корпус КФ, которые мы отдельно рассмотрели в главе II.

Как пишет Г.Г. Соколова, «поскольку немотивированность фразеологической единицы – это отсутствие связи между значением фразеологической единицы и денотатом, обозначаемым буквальным значением ее компонентов, то мотивированность следует понимать, как наличие связи, наличие корреляции, существующей между семантикой ФЕ и прямым значением переменного сочетания, лежащего в основе ФЕ ... » [Соколова 1970: 66]. Разделяя точку зрения Г.Г. Соколовой, мы полагаем, что «одним из наиболее очевидных показателей мотивированности ФЕ является их способность к *контекстуальным модификациям*, которые подтверждают, что носитель языка осознает образ, заложенный в той или иной фразеологической единице» (курсив наш – К.С.) [там же: 71]. Так, например, ит. *pina verde* (букв. зеленая еловая шишка) – скупердайд, скряга; *largo come una pina (verde)* (букв. щедрый как зеленая еловая шишка) – щедрый как ростовщик; *s'apre una pina verde!* (букв. открывается зеленая еловая шишка!) – случилось что-то невероятное! (например, скупой раскошелится на подарок). Здесь мотивация ФЕ представляется более прозрачной. Образ зеленой еловой шишки, то есть незрелой, неспелой, из которой ещё нельзя извлечь семена, лежит в основе формирования представления о жадном, скупом человеке, не желающим делиться с кем-либо своим имуществом. При этом сам цветовой компонент «verde» не имеет переносного значения «жадный», однако можно

сказать, что в атомарном словосочетании, из которого образуется цветовая метафора со значением «жадный человек», прилагательное «verde» имеет переносное значение «зеленый, неспелый».

2) **ФЕ, в которых можно выделить значение, коннотацию, присущие той или иной цветовой номинанте**, то есть единицы, в которых ЦО используется в одном из переносных значений. Эти единицы представляются частично мотивированными, и употребление в них той или иной цветовой номинанты является понятным и объяснимым на уровне синхронии. Их мы, в свою очередь, разделили на ФЕ:

а) *первой степени мотивированности* и б) *второй степени мотивированности*.

К первой подгруппе мы относим единицы, цветовой компонент которых употребляется в переносном значении, подробно рассматриваемые в следующем параграфе.

Вторую подгруппу составляют ФЕ, в которых переосмысливается переносное значение цвета или единицы, представляющие собой компрессивную метафору, требующую пояснения.

Так, **ит. omicidio bianco** (букв. белое убийство) – смерть от несчастного случая на производстве. Так «omicidio» имеет значение «убийство», при этом, определяясь через прилагательное «белый» в переносном смысле «чистый, невинный», получается «чистое убийство», то есть, смерть, в которой никто не повинен или «несчастный случай».

фр. magasin de blanc (букв. магазин белого) – публичный дом; **bouffeur du blanc** (букв. едок белого) – сутенер. Здесь «белый цвет» отождествляется с сексуальной сферой человеческого опыта, (прямая ассоциация с цветом женского тела в форме метонимического переноса). При этом следует отметить, что в итальянском языке эту коннотацию приобретает «красный цвет», ср. «a luci rosse» – порнографический.

фр. avaler comme des pois gris (букв. поедать как серый горох) – быть обжорой, быть расточительным, **avaleur des pois gris** (букв. поедатель серого гороха) – обжора, гурман. Образная основа приведенной цветовой метафоры строится на

представлении о любящем поесть человеке, как о том, кто настолько прожорлив, что готов есть даже серый, по сути, не пригодный в пищу, горох.

Рассматривая французский пример *vilaine comme lard jaune* (букв. *мерзкий как желтое сало*) – скаредный, мы не можем сделать вывод о том, что лексема «желтый» имеет переносное значение «жадный». Однако в данном случае мотивация данной ФЕ представляется более понятной. В целом сама единица представляет собой компрессивную метафору, требующую пояснения. Вероятнее всего, под желтым цветом в атомарном словосочетании подразумевается «старый, испорченный, гнилой». Наличие аналогичной мотивированности можно предположить и в итальянском выражении *ит. fare i piedi gialli* (букв. *делать желтые ноги*) – портиться (о вине).

То же можно отметить для некоторых испанских ФЕ с ЦО «verde»: *quietar con leña verde* (букв. *жечь с зелеными дровами*) – мучить, истязать, изводить, жечь на медленном огне кого-либо; *arder verde por seco* (букв. *пылать зеленым за сухое*) – страдать за чужие грехи, отдуваться за других. Вероятно, здесь имеется в виду горение зеленых веток вместо сухих. То есть погибает то, чему не следует, вместо того, чему положено, молодое вместо старого, еще не созревшее, вместо того, что уже отжило.

3) ФЕ, в которых переносное значение отдельно взятого компонента ЦО не выводимо. Эти единицы утратили изначальную мотивированность и, следовательно, определение изначальной функции цвета становится затруднительным и требует дополнительных этимологических изысканий. Например, *исп. noche en blanco*; *фр. nuit blanche*; *ит. notte bianca (in bianco)*- *бессонная ночь*.

Как отмечается во фразеологических словарях, «эти ФЕ ведут свое происхождение от ритуала некоторых рыцарских орденов, где требовалось, чтобы кандидат в рыцари бодрствовал всю ночь накануне обряда посвящения, охраняя свое оружие. Эти будущие рыцари, исповедавшись и причастившись, надевали белую тунику, которая являлась символом духовной чистоты, и так проводили ночь» [Buitrago Jiménez 1997: 295-296]. Так, изначально, при исполнении

рыцарями этого обряда белый цвет выступал в своем положительном символическом значении «чистый, непорочный», однако эпоха рыцарства ушла в прошлое, забылись ее обряды и традиции, тем не менее, в языке сохранились некоторые реликты старинных обычаев. При этом следует отметить, что в современном употреблении, вероятно, эта ФЕ полностью утратила свою изначальную мотивацию и не вызывает у носителей языка того комплекса ассоциаций, который способствовал ее возникновению. Свое исходное значение в составе этой ФЕ также утратил и цветовой компонент. Ср.: **фр.** *langage (langue) vert* (букв. зеленая речь (язык)) – аргю, воровской жаргон, блатной язык, блатная музыка; **ит.** *lingua verde* (букв. зеленый язык) – воровской жаргон.

Как отмечется в некоторых источниках, «аргю, язык воровского мира часто называют «зеленым языком» не по причине своей «зелености», а потому, что это язык цыган, бродяг и клошаров, а также позднее стал и языком обманщиков и шулеров, собирающихся вокруг игрового стола» [Graven 1962: 19].

Рассмотрим еще один пример: **фр.** *au diable vert (Vauvert)* – разг. У черта на куличках. Как отмечено в лексикографических источниках происхождение этой единицы связано с тем, что «в замке близ Парижа, по преданиям водилась нечистая сила после того, как в нем поселился отлученный от церкви Филипп II Август» [Rey, Chantreau 2007: 56]. Хотя существуют и другие версии происхождения этой единицы. Король Роберт II по прозвищу «Благочестивый», сын Гюго Капета, решил построить резиденцию в живописном месте на юге Парижа. Эта резиденция получила название «Vauvert», означавшее «val vert» - зеленая долина. Слово «vau» в современном французском языке представлено только в устойчивых выражениях. Королевский замок был построен на улице «Denfert», однако на тот момент ее название никак не ассоциировалось со словом «l'enfer» - ад. Дело в том, что в тот период улица Saint-Jacques называлась Via superior (верхняя улица), а параллельная ей – Via inferior, Via infera (нижняя улица). После смерти короля замок был заброшен, а квартал получил дурную славу и стал опасен. Так, с легкой руки горожан, которые, прибегнув к игре слов «enfer / inferior», назвали улицу Denfert, она получила такое название. Также из

истории известно, что король Роберт развелся с супругой Розалией и женился на кузине Берте Бургундской, за что был отлучен от церкви. Позднее в том замке поселился король Филипп II Август. Также следует отметить, что недалеко от королевского особняка располагались несколько заброшенных дорог, где ветер завывал особенно яростно, и люди, под влиянием суеверного страха, слышали в этих завываниях страшные крики и стоны. Из всего этого народная молва заключила, что это место проклято, а замком завладели демоны и привидения [www.expressio.fr/expressions/au-diable-vauvert.php]. В XVII веке это выражение стало кралатым, благодаря Лафонтену, который использовал его метафорически в одной из своих басен. Со временем история с замком обрастала новыми подробностями. В 1754 Сент-Фуа опубликовал «Исторические заметки о Париже», в которых упоминалось о существовании «зеленого монстра с белой бородой, наполовину человека, наполовину змея, всегда готового наброситься ночью на незадачливого прохожего» [www.canalacademie.com/ida3743-Aller-au-diable-vauvert.html]. Можно предположить, что в итальянском языке данная ФЕ с тем же значением была заимствована из французского: *al diavolo verde* – у черта на куличках.

Здесь также можно говорить о «немотивированных ФЕ промежуточного типа» [Соколова 1987: 69]. В таких единицах, по мнению Г.Г. Соколовой, немотивированность значения возникает в связи с влиянием лингвистических или экстралингвистических факторов [там же]. Например, речь может идти о появлении в составе ФЕ устаревшей реалии: *фр. prendre (porter) le bonnet vert* (букв. *взять (надеть) зеленый колпак*) – уст. обанкротиться, разориться (Bonnet vert – колпак, надевавшийся некогда на несостоятельного должника, колпак каторжника, каторжник) или *être / faire talon rouge* (букв. *быть / делать красный(м) каблук(ом)*) – быть повесой, быть изысканным в манерах, корчить из себя важного вельможу (talon rouge – красный каблук, придворный в королевской Франции, устаревшая реалия). Таким образом, историзмы в составе ФЕ способствуют переходу единицы в разряд немотивированных или единиц промежуточного типа мотивированности, так как « ... совершенно очевидно, что

в течение длительного времени немотивированные ФЕ являлись мотивированными» [Соколова 1997: 70].

В следующих единицах испанского и французского языков мы также не можем выделить переносное значение цветowego прилагательного, так как на синхроническом уровне оно представляется немотивированным: **исп.** *por la paloma azul!* (букв. за синюю голубку), *¡por vida del chápuro (verde)!* – Черт возьми! Вот черт!; **фр.** *faire du blanc* (букв. делать белого) – суетиться вокруг женщины. Особенно это характерно для колоративов в языке арга: *mettre au vert* (букв. поставить на зеленое) – проучить проститутку, которая отказывается заниматься своим делом; *aigle blanc* (букв. белый орел) – главарь воровской шайки. Этимологического толкования приведенных выше ФЕ выявлено не было. Хотя для французской ФЕ *terre jaune* (букв. желтая земля) – содомия, можно предложить возможное объяснение. Сам термин «содомия» идет от названия города Содом, упомянутого в Библии. Жители этого города отличались распущенностью нравов и были за это наказаны полным уничтожением. Таким образом, этим термином стали обозначаться все виды аномального сексуального поведения. «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба. И ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и все произрастения земли» цит. по [Опарин www.church.kiev.ua/Librery/htm/Oparin_drevnie_goroda/]. Так, мы предполагаем, что букв. «желтая земля», то есть выжженная серой и огнем, является иносказательным обозначением понятия «содомия».

Некоторые исследователи ЦО в испанском языке делают не совсем точные выводы об особенностях и национальной специфике переносных значений той или иной цветовой номинанты в изучаемой культуре. Так, например, в автореферате кандидатской диссертации Е.Э. Рогулиной в ходе исследования выявляются и некоторые другие значения для прилагательного «*blanco*», например, «деньги» на основе ФЕ «*no tener blanca*» (букв. не иметь белой) – сидеть без денег, на мели (см. [Рогулина 2006: 12]). По нашему мнению, данный вывод не является достаточно обоснованным, так как представляется, что

значение одного компонента ФЕ не может равняться значению всей единицы. Прилагательное «blanco» используется в женском роде и уже субстантивировано. В основе субстантивации лежит опущение существительного «moneda». Как справедливо отмечает М. Галиньянес Галлен, «для верного понимания происхождения этого выражения следует обратиться к истории Испании: «la blanca» - это испанская серебряная монета (поэтому и обозначенная как «blanca» - К.С.), которую чеканили во времена правления Педро I и, которая, постепенно теряя качество и вес, полностью обесценилась к периоду царствования Филиппа II» [Galiñanes Gallén 2008].

Подобные, не совсем корректные, на наш взгляд, толкования примеров ФЕ также встречаются в работе З.О. Давидян: «в испанском языке «синий» цвет находит национально-культурный компонент в следующих значениях: «тяжелый, трудный» (tiempos azules – тяжелые времена), а также «жирный» (pescado azul – «рыба жирных сортов»), «министерский» (banco azul - «министерская скамья в испанских кортесах)» [Давидян 2009]. В приводимых автором примерах употребление ЦО «azul», по крайней мере, в первом случае, не представляется мотивированным.

То же мы встречаем в работе Лопаревой Ю.В.: «*indiano de hilo negro* (букв. «индеец из черных ниток») – скряга, жмот ... значение жадности помимо черного цвета в испанском языке может быть выражено также посредством синего: *pedra azul* (букв. «синий камень») – скупердяй [Лопарева 2010: 130].

Возможно, в чилийском варианте испанского языка значение единицы «*pedra azul*» связано с полудрагоценным камнем «лазурином» (*lapislázuli*).

К примеру, древние египтяне верили, что этот камень обладает лечебными свойствами и, хотя сейчас этот камень получить достаточно просто, раньше он был редкостью. Этот камень был олицетворением истины и напрямую связан с божественным началом [http://www.ehowenespanol.com/significado-piedra-lapislazuli-sobre_115801/].

Допуская эту трактовку, мы сталкиваемся с компрессивным метафорическим образованием (обозначение человека через объект неживой

природы): некто, обладающий ценным предметом, которым он не хочет ни с кем делиться, считается жадным и метафорически обозначается через сам объект обладания.

4) **ФЕ, в которых цветовая характеристика неотделима от определяемого объекта и является присущей ему перманентно, или как одна из возможных цветовых характеристик.** Само ЦО переносного значения не имеет.

исп. *temblar más que varas verdes* (букв. «дрожать как зеленые ветки») — дрожать как осиновый лист; *poner los ojos verdes a uno* (букв. «ставить кому-то зеленые глаза») – заигрывать с кем-либо, строить глазки кому-либо. Можно выдвинуть предположение о том, что данная ФЕ отражает народное поверье о дьявольской силе, которая в фольклоре приписывается зеленому цвету глаз.

фр. *jambes en forme de haricots verts* (букв. «ноги в форме стручковой фасоли») – кривые ноги; *donner la cotte verte à (une fille)* (букв. «дать зеленый кафтан (девушке)») – прост. повалить девицу на траву, чтобы потешиться с ней; *montrer patte blanche* (букв. «показать белую лапу») – подать условный знак, чтобы быть пропущенным куда-либо; доказать свою благонадежность, лояльность (восходит к сказке о волке и козлятах); *(petite) oie blanche* (букв. (маленький) белый гусь) – разг. простушка, наивная молоденькая девушка; *manger son pain blanc le premier* (букв. есть свой белый хлеб первым) – быть нерасчётливым; *voir voler des éléphants roses* (букв. видеть летающих розовых слонов) – видеть кошмары, напиться до зеленого змия.

ит. *avere il culo cotto nei ceci rossi* (букв. иметь зад, отваренный в красном нуте) – груб. пройти огонь, воду и медные трубы; *bello come una perla grigia* (букв. прекрасный как серая жемчужина) – прекрасный как жемчужина; *senza cieli grigi* (букв. без серых небес) – без крыши над головой.

Во всех вышеприведенных ФЕ цветовая номинанта атомарного словосочетания отражает собственно цветовую семантику, а все выражение, переосмыслившись, приобретает новое значение, при этом само ЦО в составе ФЕ переносного значения не имеет.

5) **ФЕ**, в которых цвет не играет существенной роли, т.е. служит интенсификатором, и не является релевантным при формировании значения ФЕ. Обычно в подобных примерах ЦО выступает в роли определения при имени существительном ср. **фр.** *comme une tornade blanche* (букв. как белый торнадо) – сметая все на своем пути; *jalousie blanche* (букв. белая ревность) – слепая ревность, **ит.** *calor bianco* (букв. белая жара) – сильная жара. В некоторых случаях его употребление можно рассматривать как факультативное. При этом цветовая лексема может:

а) **опускаться, т.е. употребление цветового прилагательного является факультативным:** **фр.** *faire passer une colle (blanche)* (букв. заставлять проходить (белое) предварительное собеседование (школ. аргю) 1) натаскивать перед экзаменом 2) устраивать пробу, проверять; *avoir une envie (bleue) de ...* (букв. «иметь (синее) желание чего-либо») – нестерпимо, ужасно хотеть чего-л.

б) **заменяться на другое прилагательное цвета:** **исп.** *poner / verse en calzas bermejas (prietas)* – оказаться в затруднительном, стесненном положении.

Чаще всего эту пару составляют жёлтый-зелёный во французском языке. Реже ЦО приобретает более широкий синонимический ряд (преимущественно во французском языке):

фр. *colère blanche (bleue, jaune, rouge, noire)* (букв. «белый гнев») – ярость.

с) **заменяться на прилагательное нецветовой семантики:**

исп. *está cosido con hilo blanco (gordo)* (букв. «быть шитым белой / толстой ниткой») – белыми нитками шито, *verso blanco (libre, suelto)* (букв. белый (свободный) стих); *фр.* *avoir du fromage blanc / mou dans la tête* (букв. «иметь белый / мягкий сыр в голове») – быть легкомысленным.

3.2. Особенности семантики основных ЦО (белый, черный, красный, зеленый, синий, желтый) во фразеологии западно-романских языков

3.2.1. Белый цвет как (*исп.* *blanco*, *фр.* *blanc*, *ит.* *bianco*) основная составляющая цветовой триады

Как показывает наше исследование, одно из центральных мест в цветовом

фрагменте фразеологии западно-романских языков (испанский, французский итальянский), бесспорно, занимает белый, имея основополагающее значение для бытия человека и, по сути, являясь одной из ипостасей света, а, следовательно, и первоосновой всего существующего в мире.

Все три романских термина белого цвета восходят к прагерманской основе *blēwa - , об этимологии которой речь идёт на с.34 нашей работы.

Ниже будет осуществлена попытка выявления и раскрытия широкой номенклатуры смыслов и понятий, которые *эксплицируются и поясняются* во ФЕ, содержащих компонент «белый» в испанском, французском и итальянском языках, а также проведение сравнительно-типологического анализа соответствующих позитивных и негативных ассоциаций, находящих выражение в объективации тех или иных понятий в лексикографических источниках рассматриваемых языков.

Общее в трех языках:

Проведенное исследование показало, что фразеологизмы с ЦО «белый» с позиции оценочных значений, выражая положительные и отрицательные оценки, могут также быть нейтральными к оценке:

пустота, ноль цвета: исп. *en blanco* (букв. в белом) – чистый, неисписанный; пустой, ничем не заполненный; **фр.** *billet blanc* (букв. белый билет) – избирательный бюллетень, опущенный в урну незаполненным; **ит.** *votare bianco* (букв. голосовать белое) – опустить незаполненный бюллетень.

Отрицательная оценка:

В результате метафорического переосмысления значения «чистый, пустой» и перехода *конкретного в абстрактное* во всех трех языках формируется новое дополнительное негативное значение **неудачливости**:

исп. (*quedarse*) *en blanco* (букв. (остаться) в белом) - остаться ни с чем, с носом, на мели, на бобах, при пиковом интересе; **фр.** *billet blanc* (букв. белый билет) – невыигравший лотерейный билет. **ит.** *bere bianco* (букв. пить белое) – сесть в лужу, в калошу, потерпеть неудачу.

Прилагательное «белый» также может использоваться для определения и интенсификации негативных эмоций и состояний (ревность, страх, смерть): исп. *estar blanco de miedo* (букв. быть белым от страха) – побелеть от страха; фр. *jalousie blanche* (букв. белая ревность) - слепая ревность, *peur blanche* (букв. белый страх) – панический страх; ит. *crisi bianca* (букв. белый кризис) – предкризисный период, депрессия.

Во французском и итальянском:

Положительная оценка:

непорочность, невинность.

фр. *sortir blanc* (букв. выходить белым) – сохранить незапятнанную репутацию; *être tout blanc* (букв. быть полностью белым) – быть невиновным; ит. *farsi bianco* (букв. сделаться белым) – оправдаться.

Нейтрально к оценке:

холод, зима

фр. *marée blanche* (букв. белая волна) – сильный снегопад, *gelée blanche* (букв. белый мороз) – иней; ит. *inferno bianco* (букв. белый ад) – зона вечных снегов.

безрезультатность: фр. *raix blanche* (букв. белый мир) – безрезультатный мир (без победителей и побежденных); *vent blanc* (букв. белый ветер) – ветер, не приносящий дождя; ит. *incontro in bianco* (букв. встреча вбелую) – ничья.

В испанском языке:

В результате метафорического переосмысления и перехода конкретного понятия в абстрактное нейтральное к оценке значение «чистый, пустой, незаполненный» конкретный предмет (например, лист бумаги) в испанском языке формирует ассоциацию, связанную с отрицательной характеристикой интеллектуальных способностей: ум человека мыслится как чистый лист, который он заполняет путем накопления жизненного опыта, получения образования, и пр. Если этот «лист» остается пустым («белым»), то о нем говорят как о круглом невежде. Здесь можно отметить причинно-следственные отношения (отсутствие ума – причина, невежество - следствие). Таким образом, у прилагательного

«*blanco*» формируется новое негативное значение, которое является уже третичной фразеологической номинацией (**белый → пустота, незаполненность → невежество**): исп. *estar en blanco* (букв. *находиться в белом*) – ничего не знать, быть круглым невеждой.

Во французском языке:

В отличие от испанского языка, в котором значение *чистый, пустой* переосмысливается в сугубо отрицательное *несведущий, невежественный*, во французском языке то же значение развивается также за счет метафорического переосмысления и перехода конкретного в абстрактное, но по другому пути, преобразовываясь в значение (*нейтральное к оценке*): **неизвестность, неизведанное ощущение**: фр. *page blanche* (букв. *белая страница*) – неизведанное ощущение, чувство).

положительная оценка: *plus blanc* (букв. *более белый*) – лучше.

3.2.2. *Черный цвет (исп. negro, фр. noir, ит. nero) как важнейший компонент цветовой триады*

Эти примеры показывают, что черный цвет поглощает и вбирает в себя, уничтожая, все цвета спектра. Цвет небытия и хаоса, пустоты и полного отсутствия света и любого цветового восприятия, и, как было отмечено в главе I, он противопоставляется белому.

Все три рассматриваемых романских термина восходят к лат. *niger* («блестящий чёрный»), который вытеснил лат. *ater* («матовый, тусклый чёрный»), существование которого продолжилось только в литературе и в сфере медицины. Ср. фр. *atrabile* «чёрная меланхолия» (как синоним греческого апеллятива *mélancolie*) [Mollard – Desfour 2008: 24], ит. *atretopsia* мед., а также исп. разг. *atrabiliario* («мрачный, жёлчный»).

Следует отметить, что для цветовой номинанты «черный» характерно не только и не столько наличие разнообразных переносных значений, сколько чрезвычайно широкая сочетаемость данного ЦО и возможность репрезентировать и объективировать существенный набор понятий и явлений окружающего мира.

Общее в трех языках:

Выражение отрицательных эмоций, психического состояния: исп. *estar negro* (букв. находится черным) – разозлиться; фр. *enragé noir* (букв. взбесившийся черный) – красный от злости; ит. *essere nero con qd.* (букв. быть черным с кем-то) – сердиться на кого-либо.

Для французского языка можно отметить наличие большого количества фразеологических номинаций, связанных с тематической группой «продукт мышления», определяющиеся цветовой характеристикой «noir». В их числе также можно выделить некоторые единицы, представляющие собой цветовую метафору эвфемического характера (бабочки, «штуковины», драконы – под этими эвфемизмами подразумеваются такие понятия как «мысли, думы, измышления»). Также во французском языке присутствуют ФЕ, в состав которых входят существительные, которые уже сами по себе наделены отрицательной семантикой и выражают мрачное душевное состояние (*bile, chagrin, mélancolie*). Их отрицательное значение интенсифицируется благодаря цветовой характеристике «noir»: *chagrin noir* (букв. черная печаль) – сильное огорчение, глубокая печаль; *humeur(s) noire(s)* (букв. черные настроения) – приступы черной меланхолии; *mélancolie noire* (букв. черная грусть) – черная меланхолия; *papillons noirs* (букв. черные бабочки) – черные мысли; *dragons noirs* (букв. черные драконы) – уст. неотвязные черные мысли; *machins noirs* (букв. черные штуковины) – мрачные измышления, страсти-мордасти; (метафорические номинации эвфемического характера); *avoir des idées noires* (букв. иметь черные идеи) – быть в меланхолии, в мрачном настроении; *humour noire* (букв. черный юмор) – черный юмор, юмор висельника; *peur noire* (букв. черный страх) – панический страх.

Для испанского и итальянского языков такие номинации также являются характерными, например исп. *melancolía negra* (букв. черная меланхолия), ит. *pensieri neri* (букв. черные мысли), однако они представлены значительно в меньшем количестве, чем во французском языке. Ср. также русск. «черная меланхолия», «черные мысли».

отрицательный результат: **исп.** *bola negra* (букв. *черный шар*); **ит.** *palla nera* — голос «против»; **фр.** *boule noire* — голос «против» при голосовании, неудовлетворительная оценка на экзамене.

нелегальность, незаконность: **исп.** *mercado negro* (букв. *черный рынок*) — черный рынок, продажа из-под полы. **фр.** *marché noir* (букв. *черный рынок*), *bande noire* (букв. *черная банда*) — спекулянты земельными участками и недвижимостью; *travail noir* (букв. *черная работа*) — халтура, работа налево; **ит.** *lavoro nero* (букв. *черная работа*) — неофициальное трудоустройство.

злой рок, несчастная судьба: **исп.** *como la mano negra* (букв. *как черной рукой*) — пагубный, роковой; *suerte negra* (букв. *черная судьба*); **фр.** *noire destinée*; **ит.** *nero destino* (букв. *черная судьба*) — злая судьба, горькая доля.

коварство, клевета: **исп.** *leyenda negra* (букв. *черная легенда*) — изображение в черном цвете, сгущение красок, очернительство; **фр.** *trait noir* (букв. *черная стрела*) — вероломство; **ит.** *calunnia nera* (букв. *черная клевета*) — грязная клевета.

В испанском и французском языках:

неудача, невезение: **исп.** *tener la sombra negra* (букв. *иметь черную тень*) — быть несчастным, невезучим, быть неудачником; *ésta es (la) más negra (ésta sí que es negra)* (букв. *эта самая черная (эта — действительно, черная)*) — вот неудача! Надо бы хуже, да некуда! Задача не из легких!; *tocarle a uno la negra* (букв. *касаться кого-то черная*) — попасть в полосу неудач; *ponerse negra una cosa* (букв. *что-то становится черным*) — дело принимает дурной оборот, грозит серьезными осложнениями; **фр.** *guigne noire* (букв. *чёрная неудача*) — сплошное невезение.

В испанском и итальянском:

тяжелый период: **исп.** *día negro*; **ит.** *giornata nera* (букв. *черный день*) — тяжелый, трудный, несчастный день; *giorni neri* (букв. *черные дни*) — черные дни; дни поста.

Во французском и итальянском:

траур: **фр.** *porter le noir* (букв. *носить черное*), *être en noire* (букв. *быть в черном*) — быть в трауре; **ит.** *velo nero* (букв. *черная вуаль*) — траур; *lettera nera* (букв. *черное письмо*) — извещение о смерти, траурное послание

В испанском языке:

грех: *por negros de mis pecados* (букв. за черные моих грехов) – за мои тяжкие грехи, за все мои прегрешения.

ложь: *la negra honrilla* (букв. черное самолюбие) – болезненное самолюбие, ложный стыд.

Во французском языке:

простота, вульгарность: *brouet noir* (букв. черная похлебка) – простая, грубая пища; *habit noir* (букв. черный фрак) – разг. обыватель, мещанин; лжец; *rentrer de riques noires* (букв. наступать черными пиками) – некстати и грубо вмешаться в разговор.

опасность, угроза: *nuages noirs à l'horizon* (букв. черные облака на горизонте) – нависшая опасность, угроза; *faire noir* (букв. делать черный) → *il fait noir* (букв. он делает черным) – будущее темно, грозит опасностью.

провал: *four noir* (букв. черная печь) – полнейший провал, полная неудача.

Во французском языке обнаруживается также значительный корпус единиц с прилагательным «noir», выражающих понятие **смерти:** *le noir trajet* (букв. черный путь) – поэт. кончина; *le noir séjour* (букв. черное обиталище) – ад; *billet noir* (букв. черный билет) – смерть; *petite masse noire* (букв. маленькая черная масса) – арг. уст. первое отчисление с заработка заключенного в уплату за его гроб; *onde noire* (букв. черная волна) – поэт. река смерти, Стикс; *le noir rivage* (букв. черный берег) – поэт. берег Стикса, царство смерти.

безнадежность: *trou noir* (букв. черная дыра) – безнадежность, безысходность;

Такие бытовые реалии как «**нужда, нищета, безденежье**» во французской лингвокультуре также «окрашиваются» черным цветом: *misère noire* (букв. черная нищета) – беспросветная нужда; *le drapeau noir flotte sur la marmite* (букв. черный флаг развевается над кастрюлей) – над кастрюлькой траурный флаг, дела плохи, положение скверное; *être dans une dèche noire* (букв. находиться в черной нищете) – прост. сидеть без денег, без гроша, бедствовать, впасть в нищету.

ненастье, пасмурная погода: *froid noir* (букв. черный холод) – холодная, промозглая, пасмурная погода.

тайна, неизвестность: *c'est un noir* (букв. это – черный) – это загадка; *se heurter à un mur noir* (букв. натолкнуться на черную стену) – натолкнуться на глухую стену, на неразрешимую загадку, неразрешенное противоречие.

большое количество, множество: *c'était noir de monde* (букв. была чернота людей) – много народа

криминальность, остросюжетность: *série noire* (букв. черная серия) – детективные романы; *roman noir* (букв. черный роман) – роман ужасов, детективный роман.

В итальянском языке:

потусторонние силы: *forze nere* – темные силы

дурное настроение: *È nera la brace!* (букв. Угли черные!) – Что-то мы сегодня не в духе.

позор, стыд: *avere delle palle nere sulla coscienza* (букв. иметь черные шары на совести) – иметь нечистую совесть

3.2.3. *Красный цвет (исп. rojo, фр. rouge, ит. rosso) как дополняющий компонент «классической цветовой триады»*

Все три рассматриваемых романских термина восходят к латинскому этимону *russus* «красный» и непосредственно не связаны с исп. *rosado*, фр. *rose*, *rosat*, ит. *rosa*, *roseo* «розовый», восходящим к лат. *rosatum* «сделанный из роз» (< *rosa* «роза»).

При сопоставлении с другими цветами спектра красный выделяется своей красотой, яркостью и насыщенностью. Эти его свойства, по нашему мнению, являются ключевыми и определяющими важную роль красного цвета в образовании ФЕ.

Перейдём к анализу ФЕ испанского, французского и итальянского языков с компонентом «красный».

Общее в трех языках:

Отрицательная оценка эмоций, психических состояний:

исп. *estar al rojo vivo* (букв. находится в ярко-красном) – распалиться

фр. *avoir la crête rouge* (букв. иметь красный гребешок); **ит.** *avere il sangue rosso* (букв. иметь красную кровь) – быть очень вспыльчивым.

Во французском и итальянском:

Положительная эстетическая оценка:

фр. *rouge comme un chérubin* (букв. красный как херувим) – с полным, румяным и свежим лицом. **ит.** *avere molti globuli rossi* (букв. иметь много красных эритроцитов) – быть полнокровным, крепким, сильным; *bianco e rosso* (букв. белый и красный) – кровь с молоком.

Во французском и испанском:

торжественность, праздничность: **исп.** *extender la alfombra roja delante de alg.*
фр. *dérouler le tapis rouge devant qn.* (букв. разворачивать красный ковер перед кем-то) – подобострастно встречать кого-либо (При встрече важных лиц, занимающих высокие посты, им под ноги стелется красная дорожка).

В испанском и итальянском:

смущение, стыд (эмоциональная оценка): **исп.** *ponerse rojo* (букв. стать красным), **ит.** *farsi rosso* (букв. делаться красным) – покраснеть; *fare il viso rosso* (букв. сделать красное лицо) – смутиться.

Во французском языке:

Отрицательная оценка:

В следующих примерах прослеживается непосредственная и «первичная» связь красного цвета с **кровью** (см. главу I нашей работы): **фр.** *repeindre sa grille en rouge* (букв. перекрашивать свой график в красный) – иметь менструацию. Данный пример представляет собой метафору-эвфемизм.

Во многих культурах понятие «**смерть**» является табуированным, поэтому следующие единицы представляют собой эвфемическую номинацию этого понятия посредством указания на красный цвет, ассоциирующийся с кровью и убийством. Таким образом, «смерть» предстает завуалировано: **фр.** *travailler dans le rouge* (букв. работать в красном) - убивать; *rain rouge* (букв.

красный хлеб) – кража, убийство; (*faire porter*) *le chapeau rouge* (букв. *заставить надеть*) *красную шляпу*) – уст. обезглавленный, обезглавить.

Данные ФЕ эвфемического характера являются результатом мощной семантической компрессии, требующей более широкого толкования, например: хлеб может быть метафорически назван красным по причине кровавого способа его добычи.

Во французском языке, «красный цвет», так же как и «черный», маркирует понятия «**незаконность, нелегальность**»: *pétrole rouge* (букв. *красная нефть*) – незаконно продающаяся нефть.

В итальянском языке:

Положительная оценка:

почет, привилегии: *avere / portare il cintol(in)o (il filo) rosso* (букв. *иметь (носить) красный ремешок (нитку)*) – пользоваться преимуществом, быть в привилегированном положении.

счастье, удача: *nascere col cintolo rosso* (букв. *родиться с красным поясом*) – родиться в сорочке, в рубашке, быть счастливым; *avere il nastrino rosso* (букв. *иметь красную ленточку*) – родиться в рубашке.

Отрицательная оценка:

Красный цвет может сигнализировать об **опасности**: *allarme rosso* (букв. *красная тревога*) – большая, серьезная опасность.

Некоторые фразеологизмы нельзя однозначно охарактеризовать как положительно или отрицательно оценочные, так как оценка в данном случае будет зависеть от ситуации и контекстуального употребления той или иной ФЕ. Такие фразеологизмы можно охарактеризовать как ФЕ с расплывчатой оценкой, например, в итальянском: **смущение, стыд** (эмоциональная оценка): *farsi rosso* (букв. *делаться красным*) , *fare il viso rosso* (букв. *делать красное лицо*) – смутиться. Также красный цвет, олицетворяя активное мужское начало, символизирует **возбуждение**, энергию, активность: «*a luci rosse*» (букв. *с красным освещением*) - порнографический. Так, отличительным признаком публичных домов являлись красные фонари.

В испанском языке нами обнаружена 1 ФЕ с ЦО «rojo» (*estar al rojo vivo*), помимо КФ, анализируемых нами во второй главе работы.

3.2.4. Зеленый цвет (исп. *verde*, фр. *vert*, ит. *verde*)

Все три рассматриваемых романских термина восходят к лат. *viridis* «зелёный, свежий, юный, сильный», связанные с идеей растительности [Mollard-Desfour 2008: 25].

Обратимся к анализу ФЕ испанского, французского и итальянского языков с компонентом «зелёный».

Общее в трех языках:

Положительная оценка:

молодость, юность: исп. *años verdes* (букв. *зеленые годы*) – молодые годы, юность; фр. *toujours vert* (букв. *всегда зеленый*) – вечно юный; *être encore vert* (букв. *быть все еще зеленым*) – быть еще в силах; ит. *verde età* (букв. *зеленый возраст*) – юность.

Нейтрально к оценке:

игровые заведения: исп. *mesa verde*; ит. *tavolo verde* – ломберный стол; фр. *jardiner sur le tapis vert* (букв. *заниматься садоводством на зеленом ковре*) – разг. играть в карты (метафора эвфемического характера).

В испанском и французском:

Нейтрально к оценке:

За счет метафорического переосмысления значения «молодой, юный», приобретающих коннотацию **незрелости, неготовности:** исп. *más verde que lirios* (букв. *более зеленый, чем ирисы*) – совсем зеленый, неспелый (о плодах); фр. *blé vert* (букв. *зеленое зерно*) – недозревшие хлеба; *café vert* (букв. *зеленый кофе*) – сырой (необжаренный) кофе; *vin vert* (букв. *зеленое вино*) – молодое невыдержанное вино (типа божоле); *entre deux vertes, une mûre* (букв. *среди двух зеленых, одна спелая*) – разг. на одну хорошую вещь две плохие.

Отрицательная оценка:

непристойность, наглость: исп. *cuento verde* (букв. зеленый рассказ) – неприличный, непристойный анекдот; *chiste verde* (букв. зеленая шутка) – непристойная шутка, пошлый анекдот; фр. *en dire (en raconter) de(s) vertes et de(s) pas mûres* (букв. говорить (рассказывать) зеленые и незрелые) – говорить, рассказать скабрёзности, сальности, такое, что уши вянут; рассказывать возмутительные вещи.

Во французском и итальянском:

Нейтрально к оценке:

природа: ит. *i polmoni verdi*; фр. *les poumons verts* (букв. зеленые легкие) – деревья, парки, леса; ит. *il verde pubblico*; фр. *le vert public* (букв. зеленое общественное пространство) – места для отдыха (парки, сады) в черте города; фр. *la verte saison* (букв. зеленое время года); ит. *tempo verde* (букв. зеленая пора) – весна.

экология: фр. *révolution verte* (букв. зеленая революция) – «зеленая революция»; *candidats verts* (букв. зеленые кандидаты) – кандидаты от экологической партии; ит. *auto verde* (букв. зеленый автомобиль) – автомобиль наиболее безопасный для окружающей среды; *benzina verde* (букв. зеленый бензин) – экологически чистое топливо.

Отрицательная оценка:

психические и физические состояния: одним из следствий болезни, усталости, плохого самочувствия часто становится изменение цвета лица, которое приобретает зеленоватый оттенок. Причиной такого изменения также могут стать сильные эмоции, переживания, лежащие в основе испуга, страха, злости, ярости, зависти и пр., а также воздействие окружающей среды (например, холод). Фиксируясь в языке, такие номинации приобретают статус ФЕ. Ср. при этом, невозможность образования ФЕ положительного значения типа: *зеленый от радости, удовольствия, счастья, веселья и пр. Ср. фр. *être vert de peur* (букв. быть зеленым от страха) – позеленеть от страха; *être vert de froid* (букв. быть зеленым от холода) – посинеть от холода; ит. *verde di paura* (букв. зеленый от страха), *di rabbia* (букв. от бешенства), *verde dalla bile* (букв. зеленый от желчи), *dalla*

invidia (букв. от зависти) - позеленеть от страха, злости, зависти), *masticare verde* (букв. жевать зелёным) – испытывать зависть, злобу.

В испанском языке:

Прилагательное *зеленый* имеет особую роль в испанской линвокультуре и коннотации, сопровождающие это ЦО в испанском, не отмечаются ни в одном из рассматриваемых нами романских языков, а также в русском. Ср. значение «verde» «наглый, распутный, развратный», зачастую игнорируемое при переводе. Так, например, словосочетание «viento verde в стихотворении Федерико Гарсиа Лорки «Сомнамбулический романс» переведено на русский язык дословно «зеленый ветер». Стремление максимально приблизиться к оригиналу препятствует адекватному восприятию добавочного смысла при переводе [Дубровина 1970: 21].

похоть, развратность (отрицательная оценка): *viejo verde* (букв. *зеленый старик*) – мышинный жеребчик, старый волокита, стрекозел.

Данная ФЕ является примечательной в связи с тем, что включает в себе, на наш взгляд, сразу несколько значений прилагательного «verde». С одной стороны, зеленый ассоциируется с молодостью, юностью и здоровьем, то есть мы сталкиваемся с семантическим противоречием – «юный старик»¹⁶, а с другой, – этот цвет в испанской культуре связывается также с таким понятием, как «чувственность» [СРЕ 1987: 635], органично совмещая, таким образом, оба значения.

Как отмечает И. Шалек (со ссылкой на [Iribaren 1997: 270] и на [Buitrago Jiménez 2003: 814]), ранее сему «непристойный, неприличный» (obsceno) содержали цвета «colorado» и «rojo» (присутствующую и сейчас в итальянском

¹⁶ В классической латыни прилагательное *viridis* «зелёный» по отношению к человеку пожилого возраста употреблялось только в позитивных значениях «жизнерадостный», «юный душой». Аналогичная семантика вплоть до 18-го века отмечается и для кастильского прилагательного «verde». «Viejo verde» говорилось о пожилом человеке, обладающим здоровым, пышущим видом и задорным характером. После оно приобрело коннотацию чувственности, сладострастия, похотливости. Это было предопределено тем, что любовь и половые отношения всегда считались привилегией исключительно молодости, и адъективный компонент этого словосочетания приобрёл антическое значение по отношению к субстантивному. В *Diccionario de Autoridades* (1739) предлагается следующее определение для данной ФЕ: «Viejo verde llaman al que mantiene o ejecuta algunos modelos u acciones de joven, *impropios de su edad*». «Мышиным жеребчиком называют человека, который придерживается модели поведения юноши или совершает поступки, несвойственные его возрасту». [<http://tradicionclasica.blogspot.com/2004/12/quiero-ser-un-viejo-verde.html>].

«rosso» – К.С.). Также, указывая на значение ФЕ *darse / pegarse una persona un verde (de algo)* «вволю насладиться чем-либо», И. Шалек поясняет, что в арго преступников оно также означает «лапать» [Szalek 2005: 92; Sanmartín Sáez 1998: 850]. Эвфемистическое и обценное значение существительного *verdura* («зелень») отмечается в «Секретном словаре» К.Х. Селы [Cela 1974: 475].

Во французском языке:

Нейтрально к оценке:

растительность, природа: *ceinture verte* (букв. *зеленый пояс*) – зеленая зона (вокруг города); *avoir les doigts verts* (букв. *иметь зеленые пальцы*) – быть искусным садовником; *or vert* (букв. *зеленое золото*) – зеленое золото (доходы от земледелия, лесного хозяйства, продажи земельных участков); *tourisme vert* (букв. *зеленый туризм*) – деревенский туризм; *station verte* (букв. *зеленая станция*) – база деревенского туризма.

сырость: *temps vert* (букв. *зеленая погода*) – сырая, дождливая погода.

деньги: *billet vert* (букв. *зеленый билет*) – разг. доллар, «зеленый» (явление эвфемизации). Подробнее см. [Якушкина 2009].

активность, энергичность: *verte jeunesse* (букв. *зеленая молодость*) – бурная молодость. Употребление прилагательного «vert» в микроконтексте данной ФЕ может ощущаться как плеонастическое уже по той причине, что зеленый цвет всегда вызывает ассоциацию с молодостью, силой, энергией. Однако благодаря сочетанию с существительным «jeunesse» прилагательное «зеленый» в образующейся ФЕ имеет место расширение и усиление значения этой адъективной единицы.

Отрицательная оценка:

интенсивность (в сочетании с существительными с отрицательной семантикой).

verte semonce (букв. *зеленый нагоняй*) – здоровая, основательная нахлобучка; *une*

verte mercuriale (букв. *зеленый выговор*) – строгий выговор, нахлобучка, нагоняй.

В этимологическом словаре французского языка дается следующее толкование этого выражения: «Меркуриалии – это Ассамблеи всех председателей и советников двора, на которых должен был присутствовать главный королевский

прокурор и делать замечания тем лицам, которые злоупотребляют своими полномочиями, нарушают королевские ордонансы, особенно в области юстиции, а также указывал на некоторые другие вещи, нуждающиеся в порицании и исправлении. Отсюда происходит устойчивое словосочетание «faire une mercuriale» для демонстрации неодобрения, упрека, порицания. В выражении «faire une verte mercuriale» слово «vert» означает «vigoureuse» - сильный, крепкий» [Ménage 1694: 496].

vert galant (букв. *зеленый волокита*) – сердцеед; В этом случае можно отметить интенсификацию и расширение семантики как самого прилагательного, так и определяемого им существительного¹⁷.

В итальянском языке:

Положительная оценка:

здоровье: *verde vecchiezza / vecchiaia* (букв. *зеленая старость*) – здоровая старость; *avere del verde* (букв. *иметь зеленого*) – быть крепким, здоровым; *vivo e verde* (букв. *живой и здоровый*) – полный сил; *nel verde degli anni* (букв. *в зелени лет*) – во цвете лет, в расцвете сил.

3.2.5. Синий / голубой цвет (исп. azul, фр. bleu, ит. azzurro / blu)

Два из трёх рассматриваемых терминов – испанский и итальянский – восходят к средневековому латинскому *azurium*, являющимся одним из хорошо известных арабизмов (ар. *lazaward* «ляпис лазурь», в свою очередь восходящего к персидск. *lazward*). Об этимологии французского (*bleu*) и итальянского (*blu*) германизмов см. с.51.

Общее в трех языках:

Положительная этическая оценка:

¹⁷ Кроме того, здесь можно предположить влияние народной этимологии. Первоначальным вариантом этой единицы, по нашему мнению, мог являться **vrai galant* – *настоящий волокита*, который, благодаря фонетической близости прилагательных «*vrai*» и «*vert*» в результате метатезы мог трансформироваться в «*vert galant*».

благородство, аристократичность: исп. *sangre azul*, фр. *sangue bleu*, ит. *sangue azzurro / blu* (букв. голубая кровь) – голубая кровь, аристократизм, благородство; *natto nell'azzurro* (букв. рожденный в синем) – голубых кровей¹⁸.

В испанском и итальянском:

положительна оценка физических и моральных качеств (мужчины с точки зрения женщины): исп. *príncipe azul*, ит. *principe azzurro* (букв. синий принц) – сказочный принц¹⁹.

Во французском языке:

Можно предположить, что аналогичное предыдущему развитие имело место и у французского прилагательного «bleu»: положительное значение «прекрасный, идеальный, романтический», отражается в таких ФЕ как: *rêve bleu* (голубая мечта), *oiseau bleu* (синяя птица), *fleur bleue* (голубой цветок), которые являются

¹⁸ О человеке, который ведет свое происхождение от знатного и благородного дворянского рода, говорят, что он «голубых кровей». Это выражение появилось в эпоху Средневековья: дворяне, отличались от простолюдинов исключительной белой (почти прозрачной) кожей, через которую просвечивали вены голубоватого цвета, так как они не проводили много времени под солнцем. [<http://almogavares.foros.ws/t323/origen-de-exdresionesfrasespopulares.>]. Также есть мнение о том, что ФЕ заимствована из испанского языка: так обозначали людей, не «осквернявших» свою кровь браком с маврами. Имеет место и третья версия относительно происхождения этой ФЕ. Ассоциация «голубая кровь» = «аристократия» восходит к хорошо известной клятве французских дворян, которая звучала как «кровью Бога», в которой эвфемизмом слова «Бог» было прилагательное «bleu», (ср. фр. Dieu – Бог и bleu – синий / голубой), что со временем привело к образованию выражения «un sang bleu» (см. [Трессидер 1999: 150-151]). Такая трактовка происхождения этой ФЕ представляется нам в некоторой степени сомнительной, но, как и любая гипотеза, имеет право на существование.

¹⁹ «Голубой принц» – персонаж, впервые появившийся в детских сказках, он приходит на помощь даме в беде. По мнению Северино Кальехо, писателя и профессора литературы, этот персонаж впервые появляется в румынской легенде XIX-го века под названием «El Príncipe Azul de la lágrima» («Голубой принц слезы»). Синий цвет указывает на реальный характер персонажа, приобретая, возможно, то же значение, что и в выражении «sangre azul» (голубая кровь). Однако цвет здесь упоминается только в современных версиях сказок, а выражение стало общеизвестным благодаря песне героини сказки «Спящая красавица», снятой по проекту Уолта Диснея. С этого времени данное выражение связывалось с похожими персонажами, позднее появившимися в «Белоснежке» и «Золушке». По словам С. Кальехо, «голубой принц» является фольклорным представлением всей совокупности идеалов вокруг персонажа, олицетворяющего брак и свадьбу, которые понимаются как счастливый финал [<http://es.answers.yahoo.com/question/index?qid=20070629102024AA3ArEK>].

абстрактными понятиями, созданными человеческим воображением. Вероятно, по этой же причине сказки для детей и рыцарские романы определяются прилагательным «bleu»: речь в них идет о чем-то сказочном, удивительном, несбыточном, с чем невозможно встретиться в реальной жизни. Исходя из этого, возможно, это прилагательное развивает новое негативное оценочное значение «ложь, удивление»: фр. *conte(s) bleu(s)* (букв. голубые рассказы) – басни, небылицы, вздор; *elle est bleue, celle-là!* (букв. эта, она - голубая) – разг. эка небылица! Турусы на колесах! *en être (en demeurer, en rester) bleu* (букв. быть / пребывать / оставаться синим) – разинуть рот от изумления, растеряться.

печаль, грусть.

Прямая связь голубого цвета с меланхолией, как полагают, возможно, берет начало в вечерних грустных песнях африканских арабов в Северной Америке (блюзы) [Kurtz 1892: 126]: *les diables bleus* (букв. голубые бесы) – разг. тоска, меланхолия (от англ. the blue devils).

В испанском языке:

Положительная оценка:

Цветом чистоты и нетронутости в христианстве является, как известно, не только белый, но и голубой.

чистота, непорочность: *puro como el azul del cielo* (букв. чистый как синий неба) – чистейший, незапятнанный.

3.2.6. Желтый цвет (исп. «amarillo», фр. «jaune», ит. «giallo»).

Испанский термин «amarillo» восходит к позднелат. *amarëllus* < *amarus* «горький» [DLE: 87]. Французский и итальянский термины имеют отношение к лат. *galbinus* < *gallus* «бледно-зелёный, жёлто-зелёный», восходящий к индоевропейскому корню *gal-* [Mollard-Desfour 2008: 25]. При этом итальянский производный *giallo* возводят не к латинской, а непосредственно к старо-французской форме *jalne* [Garzanti 2000: 752].

Общее в трех языках:

Отрицательная оценка:

скандальность, низкопробность: исп. *prensa amarilla*; фр. *presse jaune*; ит. *stampa gialla* – жёлтая пресса. Желтая пресса появилась одновременно с массовой культурой, когда чтение газет перестало быть привилегией интеллектуальной элиты. Существуют две версии происхождения этой ФЕ, согласно одной из которых «желтая пресса» получила свое название из-за цвета бумаги, на которой печатались первые бульварные газеты. Поскольку их адресатом являлся массовый читатель, издатели из соображений экономии печатали их на плохой бумаге, которая быстро желтела. По другой версии, в конце позапрошлого века две конкурирующие нью-йоркские газеты издавали комиксы про «Желтого малыша». Как и все газетные рисунки того времени комиксы были черно-белыми, но одежда главного персонажа была раскрашена в желтый цвет. После того как в 1896 году Эрвин Уордман, редактор еще одного, третьего, журнала «New York Press», напечатал статью, в которой презрительно отозвался об обеих конкурирующих газетах, назвав их «желтой прессой», выражение стало крылатым [www.bibliofond.ru/view.aspx?id=522965]. Хотя во французском языке данная ФЕ не очень употребительна и чаще используется «la presse people».

В испанском и французском:

Отрицательная оценка:

деньги: исп. *demonio amarillo* (букв. желтый демон) – деньги, желтый дьявол; фр. *cracher jaune* (букв. плевать желтым) – разг. бросаться деньгами, быть при деньгах. Говоря о данных ФЕ, можно предположить в них непосредственную ассоциацию желтого цвета с драгоценным металлом, т.е. золотом.

В испанском языке:

Интересно отметить, что в различных культурах «зависть» окрашивается в различные цвета. Так, например, в итальянской лингвокультуре она представляется в зеленом цвете (ит. *verde dall'invidia*). Для русской лингвокультуры более характерна черная или белая зависть, в зависимости от отрицательной или положительной коннотации, а зеленеют обычно не от зависти, а от злости.

envidia amarilla (букв. желтая зависть) – черная зависть.

отрицательная этическая оценка человека: *como la ictericia que todo lo deja amarillo* (букв. как желтуха, которая все оставляет желтым) – скверный, неприятный, противный, вредный (о человеке).

Во французском языке:

Отрицательная оценка:

измена, неверность: *peindre en jaune* (букв. рисовать в жёлтое) – наставлять рога. В данном примере, по нашему мнению, прослеживается символика желтого, как цвета подлости и предательства, цвета Иуды.

Таким образом, во фразеологии западных романских языков желтый цвет, несмотря на свою амбивалентность, обладает исключительно отрицательными оценочными значениями.

3.3. Фразеологические единицы с другими ЦК

Как показывает исследование, основными цветами, участвующими в образовании ФЦКМ, являются белый, чёрный, красный, зеленый, синий/голубой и желтый цвета. Нельзя при этом не отметить, что во фразеологии рассматриваемых романских языков задействованы также и другие цвета спектра. ФЕ с другими цветами спектра присутствуют в достаточно ограниченном количестве (некоторые ЦО фигурируют только в 2-3 примерах) и часто имеют специфические коннотации в каждом из рассматриваемых нами языков.

Так, можно отметить значительное количество единиц, в которых употребляется **ахроматическая лексема «серый»**. Исп. gris, фр. gris, ит. grigio. В составе ФЕ данная лексема обладает достаточно широкой сочетаемостью и выражает такие понятия как: **«нечто скрытое, завуалированное, неявное»**: исп. *eminencia gris*, фр. *éminence grise*, ит. *eminenza grigia* – тайный советник высокопоставленного лица, *economia grigia* – теневая экономика.

Посредством серого цвета во фразеологии романских языков также репрезентируется **тема погоды**. Так, сырость, холод, стужа «окрашиваются» именно в серый цвет. В основе метафорического переноса лежит непосредственно зрительная перцепция.

исп. *tiempo gris, día gris* – облачный (пасмурный) день, *está (es) gris, hace un gris* (эллиптическое опущение компонента «día»); **фр.** *temps gris* – пасмурная, скверная погода, *il fait gris* — пасмурно. В итальянском языке подобных примеров нами не зафиксировано.

Дурное настроение, грусть, тоска также могут репрезентироваться посредством серого цвета во фразеологии французского и итальянского языков: **фр.** *la mine grise* (букв. серая мина) – с хмурым видом, недовольно, *faire grise mine à* (букв. делать серую мину кому-либо) – быть неприятливым с кем-либо, косо смотреть на кого-либо, *avoir la grise* (букв. иметь серую мину) – грустить, тосковать; **ит.** *ora(e) grigia(e)* (букв. грустный(ые) час(ы)) – грустная пора, *umore grigio* (букв. серое настроение) — тоскливое / упадочническое настроение.

Серость, банальность, заурядность, неприметность: **исп.** *personaje gris* (букв. серая личность), **ит.** *un uomo grigio* (букв. серый человек) — серая личность, неприметный человек; **ит.** *grigia quotidianità* (букв. серая повседневность) – обыденность. Во французском языке аналогичные примеры не встречаются.

Трудный период: **фр.** *en (faire) voir de grises* (букв. показывать серых) разг. – всего насмотреться, попасть в переplet, показать, где раки зимуют; **ит.** *fare una grigia* (букв. делать серую) — опозориться, влипнуть, иметь бледный вид.

Также во французском языке отмечена ассоциация данной лексики с **состоянием легкого алкогольного опьянения**, отражающаяся в экзистенциальной модели *être gris* (букв. быть серым) – быть навеселе и синонимичной компаративной единице *gris comme un cordelier* (букв. серый как монах) – пьян как сапожник, обозначающей интенсификацию признака посредством сравнения. Таким образом, в данных примерах ЦО «gris» синонимично ЦО «poir» (ср. *être poir* – быть в доску пьяным), а также «blanc» в выражениях *être entre le blanc et le clair* (букв. быть между белым и легким вином) – быть навеселе, *avoir une ivresse blanche* – быть в доску пьяным.

Таким образом, все три прилагательных, выражающие одно и то же значение, располагаются по шкале *интенсивности*, при этом соединяясь в двух *противоположных* полюсах черном и белом. То же явление наблюдается с

прилагательными «noir» и «bleu» ср.: *heure noire* (букв. черный час) – поздний час, глухая ночь / *heure bleue* (букв. голубой час) – предрассветный час (при наступлении светлого времени суток интенсивность цветовой характеристики снижается).

Также во фразеологии французского и итальянского языков ЦО «серый» используется при объективации понятия «старости». **Фр.** *avoir la tête grise* (букв. иметь серую голову) – поседеть, *avoir des moustaches grises* (букв. иметь серые усы) – быть старым (о шутке, анекдоте), **ит.** жарг. *i grigi* (букв. серые) – предки.

Кроме того, во французском языке можно отметить, что ЦО «gris» образует синонимический ряд с прилагательными цвета «bleu» в метонимических единицах *barbe grise* (букв. серая борода) – разг. старик, *menton bleu* (букв. синий подбородок) – мужчина в годах и «blanc» в вариантных единицах *se faire des cheveux gris / blancs* (букв. сделать себе серых / белых волос) – нажить себе забот (здесь можно говорить о субъективном антропоцентрическом восприятии цвета, и, соответственно, его фиксации в языке; объективно речь идет о белом цвете, но человеческое эмоциональное восприятие, не столько зрительно, сколько ментально, придает ему другие оттенки и интенсивность). Также вариация *blanc / gris* отмечена в ФЕ *connu comme le loup gris / blanc* (букв. быть известным как серый / белый волк) – хорошо известный.

Помимо вышеприведенных примеров можно отметить и другие единицы, в которых ЦО не образует собственного переносного значения, являясь, при этом, однако, определяющим компонентом в составе ФЕ.

исп. *sustancia gris*, **фр.** *matière grise, substance grise*, **ит.** *materia grigia, sostanza grigia* (букв. серая субстанция, материя) – серое вещество, мозг, ум, интеллект

На основе этих субстантивных единиц, значение которых переходит из конкретного (мозг) в абстрактное (ум, интеллект) во французском и итальянском языке формируются новые цветовые метафоры с компонентом «серый» **фр.** *faire travailler sa matière grise* (букв. заставлять работать свое серое вещество), *dépenser de la matière grise* (букв. расходовать серое вещество) – усердно думать, продумывать; ломать голову, *avoir de la matière grise* (букв. иметь серого

вещества) – быть башковитым, смекалистым, **ит.** *usare la materia grigia* (букв. использовать серое вещество) – пораскинуть мозгами.

Также в рассматриваемых языках представлены единицы с колоративным компонентом **«розовый»**.

Розовый цвет, который является самым «пассивным» из всей цветовой гаммы, символизирует нежность, ласку, романтичность, любовь, материнство и неиссякаемое женское начало. Этот цвет, изначально предназначенный для девушек и маленьких девочек, является символом приятной, спокойной и счастливой жизни. Так, «розовая» жизнь — это счастье, равновесие, оптимизм. В основе розового – красный, разбавленный белым. Розовый также обычно ассоциируется с цветом духовной радости. [http://www.fillosoff.ru/nepoznanное/eastern_philosophy/76-pink.html].

Положительная оценка:

В трех языках:

мечтательность: **исп.** *ver algo de color de rosa*, **ит.** *vedere tutto (color) rosa*, **фр.** *voir tout en rose*, - смотреть на мир сквозь розовые очки.

В испанском и французском:

счастье, радость: **исп.** *bañarse en agua rosada* (букв. купаться в розовой воде) - ликовать, не помнить себя от радости; **фр.** *humeur de rose* (букв. розовое настроение) - прекрасное настроение, *être / flotter sur un (petit) nuage rose* (букв. быть / плавать на (маленьком) розовом облаке) – быть счастливым, очарованным.

В испанском и итальянском:

сентиментальность: **исп.** *prensa rosa*; **ит.** *stampa rosa* (букв. розовая пресса) – женская периодика, *romanzo rosa* (букв. розовый роман) – сентиментальный любовный роман.

Во французском:

детство: *bibliothèque rose* (букв. розовая библиотека) – книги для детей (9-14 лет).

Во французском и итальянском:

идеализм: фр. *idées roses* (букв. розовые идеи) — иллюзии; **ит.** *mondo rosa* (букв. розовый мир) – мир грёз, мир кино; *sogno rosa (dorato)* (букв. розовая (золотая) мечта) – голубая мечта.

Отрицательная оценка:

Об отрицательной коннотации розового цвета свидетельствует возможность обозначения им крайней степени легкомыслия и инфантильности, не являющихся признаком большого ума.

легкомыслие, поверхностность: фр. *bonbon rose* (букв. розовая конфета) – юное, легкомысленное, пустое существо;

злорадство: исп. *bañarse en agua rosada* - радоваться чужому несчастью, злорадствовать (противоположенное позитивному значению, отмеченному ранее (см. выше).

Некоторые ФЕ, в которых цветовой компонент «розовый» как таковой не придает выражению негативного смысла, однако называя некоторые реалии современного мира, интерпретируется отрицательно и приобретают презрительно-уничижительный оттенок значения. Так, например, **исп.** *prensa rosa* (букв. розовая пресса) – женская периодика; **ит.** *romanzo rosa* (букв. розовый роман) – sentimentalный любовный роман.

Следует отметить, что розовый цвет в ФЕ может и не иметь положительного или отрицательного метафорического значения, а выступать в качестве цветовой характеристики объектов, на что указывают следующие примеры французского и итальянского языков: **фр.** *carte rose* – водительские права; **ит.** *cartolina rosa* – повестка о призыве в армию; *foglio rosa* – временное удостоверение на право вождения автомобиля.

Специфика испанского языка проявляется в использовании в составе фразеологизмов ЦО «*pardo*» - бурый, аналогом которого во французском и итальянском языках являются прилагательные, образованные от другого корня **фр.** «*brun*» **ит.** «*bruno*», также, хотя и в меньшей степени, участвующие в формировании цветového фрагмента фразеологической системы. При этом

испанское прилагательное «bruno» обладает достаточно ограниченной сочетаемостью и указывает на другой оттенок цветового спектра (черный, темный).

Следует отметить, что бурый – это цвет земли, более темный, чем серый. Бурый был цветом одежды представителей низшего социального класса, что подтверждается выражением «*gente de capa parda*» (букв. люди в коричневых плащах), и им, людям, не имеющим академического образования как раз и были свойственны «житейская мудрость, изворотливость, умение устроиться в жизни». Так, необразованные и безграмотные люди пользовались «изворотливостью, хитростью» (*gramática parda, filosofía parda*), чтобы выпутаться из любой трудной ситуации.

Выходец из простонародья, в чьих жилах не течет голубая кровь, мог быть назван королем «*caballero pardo*» - простолюдин, посвященный в рыцари. Если говорящий не отличался чистым, проникновенным голосом, про него говорилось, что он обладает глухим голосом «*voz parda*» [<http://www.diccionario.ru/lr-de-picos-pardos-y-tener-o-saber-la-gramatica-parda/forum/e/1/59317992408347796131>].

Лексема «*pardo*» реализуется также и в следующих единицах:

bestia parda (букв. коричневое животное) – грубое животное, хам. По аналогии с дикими животными, имеющими данную окраску (медведи, волки) [<http://forum.wordreference.com/showthread.php?t=2515886&langid=18>].

andar (irse) a picos pardos — гонять лодыря, праздновать лентяя; *andar [ir] de picos pardos* загулять; пуститься в загул, во все тяжкие.

Существует мнение о том, что появление этого выражения, должно быть, датировано Золотым веком. Женщины легкого поведения носили юбку с кантом бурого цвета. Уже в XX веке оно стало использоваться в значении «развлекаться с лицами противоположного пола, искать приключений сексуального характера» применительно как к мужчинам, так и к женщинам [<http://paseandohistoria.blogspot.ru/2009/05/por-que-se-dice-ir-de-picos-pardos.html>].

liarla parda (букв. завязать бурую) – устроить неразбериху, впутаться во что-л. Можно предположить, что бурый, являясь темным цветом с примесями красных и

желтых оттенков, указывает на наличие чего-то беспорядочно-хаотичного и запутанного.

В таких примерах значение прилагательного цвета находится в прямой зависимости от определяемого им существительного, с которым оно согласуется по смыслу, но опущено в самой ФЕ (эллиптические ФЕ). При возможности восстановления, в некоторых случаях, определение переносного значения прилагательного цвета становится возможным.

Также ЦО «pardo» употребляется в качестве синонима ЦО «gris» при отрицательной характеристики погодных условий.

día pardo (gris) (букв. бурый / серый день) – облачный (пасмурный) день.

Другое ЦО, относящееся к семантическому полю «коричневый» представлено во фразеологии только французского языка: **фр.** «*marron*». Следует отметить, что в испанском и итальянском языках данная лексема также присутствует в составе ФЕ, но в значениях, не имеющих отношения к цветовой семантике, поэтому эти ФЕ мы в данной работе не рассматриваем.

фр. *faire qn. marron* — 1) одурачить 2) схватить, арестовать; *être marron* — попасться на незаконном деле; *avocat marron* — адвокат, занимающийся тёмными делами

Изначально во французском языке это прилагательное использовалось жителями Антильских островов (1640 г.) для обозначения убежавшего домашнего животного, которое, на свободе (в горах) вновь обретало дикие повадки. Впоследствии, (1660 г.) колонисты стали употреблять прилагательное «*marron*» в том же смысле, но уже применительно к беглым черным рабам: поскольку побег раба считался неблагоприятным и заслуживающим сурового наказания поступком, ЦО «*marron*» стало ассоциироваться с непорядочностью и незаконностью [<http://www.mon-expression.info/etre-marron>].

Un ouvrage marron – подпольный труд. Происходит из профессионального языка типографии, в котором *marron* обозначало типографа, работающего нелегально, подпольно, следовательно, его труд издавался без соответствующего разрешения [<http://www.languefrancaise.net/bob/detail.php?id=1831>]

coller des marrons (букв. наклеивать коричневые) - наносить удары (кулаком).

В испанской фразеологии задействованы также и другие цвета, относящиеся к семантическим полям «красного» и «синего» участков цветового спектра – «*bermejo*» – алый, «*lila*» - лиловый, «*morado*» - сиреневый, «*violeta*» - фиолетовый, употребление которых ограничивается всего несколькими единицами: историзм *calzas bermejas* (букв. алые панталоны) – штаны, которые носила знать, и указывающие на благородное происхождения и *poner / verse en calzas bermejas (prietas)* (букв. поставить, оказаться в алых (темных, тесных) панталонах) – поставить в трудное положение, оказаться в безвыходном положении.

ser un lila (букв. быть лиловым) — быть глупцом; гомосексуалистом. Говоря об этимологии данной ФЕ, некоторые лексикологи полагают, что «*lila*», принимая во внимание его созвучность с прилагательным «*lelo*» (глупый), является его синонимом, также представляя ономотопическое образование. Другая точка зрения, касающаяся мотивированности данной единицы заключается в том, что «*lila*» может ассоциироваться с розовыми и сиреневыми цветами, в которые обычно одеты куклы Барби, и, по этой же причине данная единица употребляется в значении «гомосексуалист», так как последние имеют обыкновение носить одежду цветовых оттенков, характерных для представителей женского пола. [<http://forum.wordreference.com/showthread.php?t=720059&langid=18>].

erudito a la violeta (букв. эрудит по-фиолетовому) — дилетант. Происхождение ФЕ датируется XVIII веком и впервые встречается в названии работы Хосе Кадальсо «*Los eruditos a la violeta o curso completo de todas las ciencias, dividido en siete lecciones para los siete días de la semana. Publícase en honor a los que pretenden saber mucho estudiando poco*» («Эрудиты «по-фиолетовому» или полный курс всех наук, разделенный на 7 уроков на каждый из семи дней недели. Публикуется для тех, кто стремится много знать, но при этом мало учиться). Это выражение впервые появилось как шутка-насмешка, обличающая фальшивых мудрецов. В настоящее время данная единица также употребляется по отношению к людям, принадлежащим к каким-либо группам или идейным сообществам, будь то

политические объединения - монархисты, республиканцы, либералы, коммунисты, или футбольные болельщики, любители корриды и т.д., которые, провозглашая и защищая определенные идеи, в действительности больше рисуются, обладая лишь поверхностными знаниями, и являются, таким образом, дилетантами [<http://forum.wordreference.com/showthread.php?t=1057791&langid>]. *estar morado* (букв. *быть сиреневым*) – опьянеть, захмелеть; *ponerse morado* (букв. *стать сиреневым*) – наесться до отвала. По нашему мнению, мотивированность употребления ЦО «morado» в приведенных единицах заключается в физиологическом опыте человека и связано с гиперболизацией, выражающейся в приукрашивании явления объективной действительности в субъективной КМ носителей языка. Так, физиологические изменения в организме, а именно, покраснение лица в процессе злоупотребления алкоголем, пищей, отражаясь в ФЕ легко переходит в более темный и насыщенный «сиреневый». Ср. русск. «быть синим, синячить».

Во французском и итальянском языках, помимо ранее упомянутых ЦО также используются лексемы «**brun / bruno**» - коричневый, каштановый (о волосах) применительно к **темному времени суток**, повторяя, таким образом семантику черного цвета. **фр.** *faire brun: Il commence à faire brun* – разг. смеркаться (ср. *faire noir* (букв. *делает черный*) → *il fait noir*; **ит.** *farsi bruno* (букв. *делаться коричневым*) – темнеть; *la veglia bruna* (букв. *коричневое бодрствование*) – ночь.

В итальянском оно также обозначает «**траур**», таким образом, и в этом случае дублируя семантику черного цвета: *abito bruno / segno bruno* — траурная одежда, траур; *bruno grave* – глубокий траур ; *prendere / mettere il bruno* (букв. *взять / надеть коричневое*) - надеть траур; *portare il bruno per qd* (букв. *носить коричневое по кому-то*)– носить траур по кому-либо. Ср. *velo nero* (букв. *черная вуаль*) – траур; *lettera nera* (букв. *черное письмо*) – извещение о смерти, траурное послание; *abito nero* (букв. *черное платье*) – траур, траурная одежда.

Во французском также можно отметить прилагательное «**blond**», употребляющееся в свободных словосочетаниях для **характеристики внешности**

(цвета волос), при этом в ФЕ употребляется для выражения различных понятий. Ср. шутовское обозначение рыжеволосого человека: *blond hasardé* (букв. сомнительный блондин) – шутол. рыжий.

Явления природы: *le beau blond* (букв. золотой красавец) – солнце (единичный случай использования устаревшей метафоры).

Путем метонимического переноса колоративом «blond» обозначается понятие **«дети»**: *tête blonde* (букв. золотая голова) – ребенок, дитя; *chères têtes blondes* (букв. дорогие золотые головки) — детишки.

В основе ФЕ *délicat et blond* лежит часто муссируемый образ «блондинки» со всеми ему присущими коннотациями (букв. утонченный и блондин) – неженка, белоручка; излишне разборчивый, привередливый.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что помимо наиболее распространенных цветов «белый, черный, красный, зеленый, синий, желтый», колоративы, менее значимые в количественном отношении для фразеологии, такие как «серый», «розовый», «коричневый» в трех языках, коричневый / каштановый во французском и итальянском «brun, bruno», блондин «blond» во французском, «pardo (бурый), bermejo (алый), morado (сиреневый / фиолетовый), lila (лиловый), violeta (фиолетовый)» в испанском, также составляют значимый фрагмент ЦФКМ Западной Романии. При этом особое внимание следует обратить на тот факт, что многие из этих лексем (особенно ярко это проявляется в испанском) имеют свой национально-культурно-обусловленный компонент значения. То, что для выражения универсальных базовых ассоциаций и символических значений, которые, тем не менее, также часто по-разному представлены во всех исследуемых лингвокультурах, используются ядерные ЦО, объясняется тем, что последние, по-видимому, представляют некий цветовой образ, охватывающий все семантическое поле того или иного цвета. Следствием этого и является амбивалентность и энантиосемия ЦО, разнообразные проявления которой выявляются в проводимом исследовании. Когда в составе фразеологизмов обособленно выделяется периферийная цветолексема, которая, входя в семантическое поле того или иного ЦО, не является его ядром, логично

предположить, что это обособление является значимым, и такая лексема в составе ФЕ имеет национально-культурную специфику. (Ср. испанские фразеологизмы с колоративными компонентами «pardo», «lila», «violeta», «morado», «bermejo»).

3.4. Фразеологические единицы испанского, французского и итальянского языков, содержащие несколько ЦК

Во фразеологии испанского, французского и итальянского языков встречаются фразеологизмы, в состав которых входят сразу несколько цветовых компонентов. В таких случаях, как правило, можно отметить явление антитезы, создаваемой ЦО, входящими в состав тех или иных ФЕ. Чаще всего во всех сопоставляемых языках отмечается *оппозиция антонимичных белого и чёрного* цветов. Эти единицы, составляя достаточно большую часть ФЕ с более чем одним компонентом цвета, присутствуют в испанском (наибольшее количество), во французском и итальянском языках, выражая:

а) идею-представление о диаметрально противоположных полюсах, выражающих глобальное антитетическое противопоставление двух крайностей (хорошее – плохое; одно – другое).

исп. *a blancos y a negros* (букв. черными и белыми) – без разбора, без исключения; *caer de lo blanco a lo negro* (букв. упасть из белого в черное) – упасть с неба на землю, спуститься с облаков; *convertir en blanco lo negro* (букв. превратить в белое черное) – извратить истину, выдать черное за белое; *no distinguir lo blanco de lo negro* (букв. не отличать белое от черного) – совершенно не разбираться в чем-либо, не понимать ни бум- бум; *hacer ver lo blanco negro* (букв. заставлять видеть белое черным) – вводить в заблуждение, морочить голову, выдавать белое за черное; *o blanco o negro* (букв. либо черное, либо белое) – тут есть разница, это разные вещи; надо сделать выбор, одно из двух; *ni blanco ni negro* (букв. ни белое, ни черное) – ни то ни се, серединка на половинку, ни рыба ни мясо; *decir blanco hoy y negro mañana* (букв. говорить белое сегодня и черное завтра) – постоянно менять свою точку зрения, ~ иметь семь пятниц на неделе; *decir blanco uno, decir*

negro el otro (букв. один говорит черное, другой – белое) – спорить, пререкаться, ~ стрижено-брито.

фр. *passer / aller / changer du blanc au noir* (букв. переходить / идти / менять от белого к чёрному) — переходить из одной крайности в другую; *ne connaître ni le blanc ni le noir* (букв. не знать ни черного, ни белого) – не отличать черного от белого, ничего не знать, не смыслить; *dire blanc et (puis) noir* (букв. говорить белое, затем черное) – колебаться, иметь семь пятниц на неделе; *si l'un dit blanc, l'autre dit (crie) noir* (если один говорит белое, другой говорит (кричит) черное) – они постоянно спорят.

ит. *vendere nero per bianco* (букв. продавать черное за белое); *dare il nero per bianco* (букв. давать черное за белое), *far vedere nero per bianco* (букв. показывать чёрное белым) – выдавать черное за белое; *non distinguere bianco da nero* (букв. не отличать чёрное от белого) – ничего не понимать.

Отметим при этом наличие двух полностью эквивалентных единиц в испанском и итальянском: *no distinguir lo blanco de lo negro / non distinguere bianco da nero* и *hacer ver lo blanco negro / far vedere nero per bianco*, а также четыре частичных межъязыковых семантических эквивалента: исп. *convertir en blanco lo negro*, ит. *vendere nero per bianco* (букв. продавать черное за белое); *dare il nero per bianco*, исп. *decir blanco hoy y negro mañana* и фр. *dire blanc et (puis) noir*, исп. *decir blanco uno, decir negro el otro* фр. *si l'un dit blanc, l'autre dit (crie) noir*, в то время как все остальные единицы являются лакунарными по отношению друг к другу.

б) соединение черного и белого цветов в некоторых ФЕ служит для обозначения чего-л. написанного или напечатанного, а также четкого и ясного изложения чего-либо:

исп. *blanco sobre negro*; **фр.** *noir sur blanc*; **ит.** *nero su bianco* – чёрным по белому, чётко, ясно; *chiamar nero il nero e bianco il bianco* (букв. называть черное черным и белое белым) – называть вещи своими именами;

с) чёрный и белый цвета выступают как чисто технические характеристики, параметры для обозначения некоторых реалий:

исп. *en blanco y negro*, **фр.** *en noir et blanc*, **ит.** *in bianco e nero* (букв. в белом и чёрном) – черно-белый (фильм, телевидение и т.д.).

Оппозиция жёлтый / красный, приобретающих антонимическое значение в микроконтексте некоторых пословиц.

ит. *tutto il rosso non è buono, tutto il giallo non è cattivo* (букв. не все красное – хорошее, не все желтое – плохое) – нельзя судить по внешнему виду, наружность обманчива; *fare comparire il giallo per rosso* (букв. выдавать желтое за красное) – выдавать черное за белое.

Данные примеры раскрывают еще одну цветовую оппозицию в итальянском языке (помимо универсальной, сводящейся к противопоставлению белый / черный) *красный – желтый*, где красный по своей семантике выступает аналогом белого цвета, то есть символизирует все хорошее и положительное, в то время как желтый воспроизводит отрицательную семантику черного.

Розовый / Желтый, приобретающие антонимическое значение:

исп. *pasar del rosa al amarillo* (букв. переходить от розового к желтому) – неожиданная и внезапная смена настроения. Ср. **ит.** *Красный / бледный*: *farsi rosso e pallido* – меняться в лице (абстрактное – изменение эмоционального состояния, конкретное – изменение физического состояния).

Оппозиция Белый / Алый (в пословицах) приобретают антонимическое значение:

исп. *pon tu culo en consejo, uno te dirá que es blanco, otro que es bermejo* (букв. поставь свой зад на обсуждение, один тебе скажет, что он белый, другой, что он алый); **ит.** *chi pon suo naso a consiglio, l'un dice bianco e l'altro vermiglio* (букв. кто ставит свой нос на обсуждение, один говорит белый и другой – алый) – сколько людей, столько мнений. Употребление цветowych прилагательных «bermejo» и «vermiglio» (вместо «rojo» и «rosso») в данных пословицах, на наш взгляд, обусловлено фонетическим фактором, т.е. рифмой *consejo – bermejo, consiglio – vermiglio* и используется для благозвучия.

Белый / красный, приобретающие синонимическое значение:

ит. *bianco e rosso* (букв. белый и красный) – кровь с молоком

tutto il bianco non è farina, tutto il rosso non sono ciliegie (букв. не всё белое – мука, не всё красное – вишни) – наружность обманчива.

В некоторых случаях при одновременном присутствии во ФЕ двух компонентов цвета наблюдается явление усиления значения одного компонента цвета при помощи другого. Так, вступая в отношения синонимии, один из цветовых компонентов выступает как крайняя, высшая степень другого или его интенсификатор:

исп. *al rojo blanco* (букв. до красной белизны) – до белого каления, до крайней степени.

Зелёный / жёлтый, приобретающие **синонимическое** значение:

ит. *diventare giallo e verde* (букв. сделаться желтым и зеленым) – позеленеть со злости, с досады.

исп. *ponerle de verde y amarillo a uno* (сделать кого-л. зелёным и жёлтым), а также синонимичная ей единица с компонентами **синий / золотой**: *ponerle a alguien de oro y azul* (букв. положить кого-л. золотым и синим) – разделать под орех, обругать последними словами.

Черный / Фиолетовый (выступают в качестве **синонимов**):

исп. *pasarlas negras y moradas* (букв. провести их черными и фиолетовыми) – много пережить.

Белый / Синий (выступают **синонимами**): **фр.** *ne pas être blanc-bleu* (букв. не быть бело-синим) – быть не совсем порядочным.

Светлый / темный:

В испанском и французском языках отмечаются частично эквивалентные единицы с субстантивированными цветовыми компонентами «блондинка», «брюнетка». В испанском языке ядром ФЕ является глагол действия, во французском – глагол движения.

исп. *hacer uno a rubias y a morenas* (букв. делать блондинкам и брюнеткам); **фр.** *aller de la brune à la blonde / courtiser la brune et la blonde* (букв. ходить от

брюнетке к блондинке / ухаживать за брюнеткой и блондинкой) – волочиться за всеми подряд.

Синий / белый / красный:

фр. *en bleu, blanc, rouge* (букв. в синем, белом, красном) – всевозможных цветов, разноцветный.

3.5. Фразеологизмы- символы

В ходе исследования нами были также выделены ФЕ, несущие определенную символическую нагрузку:

Позитивные символы:

Символ невраждебности, дружелюбных намерений:

исп. bandera blanca, **фр.** drapeau blanc **ит.** bandiera bianca – белый флаг, капитуляция, знак капитуляции, готовности вступить в переговоры.

Символ мира:

исп. paloma blanca, **фр.** blanche colombe – белая голубка

Символ невинности, непорочности чистоты:

фр. *vêtu de lin blanc* (букв. одетый в белый лен) – одетый в белые одежды (библ. о чистом, непорочном человеке)

Символ воспитанности, хороших манер, осторожности:

исп. *con guante blanco* (букв. с белой перчаткой) – вежливо, корректно, сдержанно; *de guante blanco* (букв. в белой перчатке) – светский, великосветский; *política de guante blanco* (букв. политика белой перчатки) – политика послаблений, терпимости, либеральности.

фр. *mettre des gants blancs* (букв. надевать белые перчатки) – действовать с большой осторожностью, предусмотрительностью

ит. *trattare con i guanti (bianchi o gialli)* (букв. обращаться в белых / желтых перчатках) – относиться с заботой, уважением.

«Как известно, белые перчатки являются символом хороших манер, образованности и вежливости ... сейчас это выражение часто используется для характеристики достойного поведения участников спортивных соревнований.

Также существует выражение “*ladrón de guante blanco*”, (ит. *ladro in guanti gialli*), определяющее человека, который крадет предметы высокой стоимости и «элегантным» способом, то есть не оставляя следов и без заметного шума» [Buitrago Jiménez 1997: 107].

Символ торжественности:

фр. *dérouler le tapis rouge* devant qn. (букв. разворачивать красный ковер перед кем-то) – подобострастно встречать кого-либо (При встрече важных лиц, занимающих высокие посты, им под ноги стелется красная дорожка).

Символ привилегированности, высокого положения:

ит. *portare / avere il cinturino (cintol(in)o) / filo rosso* (букв. носить красный пояс / иметь красный ремешок (нитку)) – быть особенным, пользоваться преимуществом, иметь привилегии.

Символ значимости, важности:

Образ красной нити отражен во фразеологии французского языка в качестве чего-то основного, главного, ведущего:

марк. *marquer qch. au fil rouge* (букв. обозначать что-либо красной ниткой) – проходить красной нитью через что-либо.

Негативные символы:

Символ враждебности, недружелюбных намерений:

исп. *bandera negra*, **фр.** *drapeau noir*, **ит.** *bandiera nera* – пиратский флаг; выражение крайней враждебности, готовности к беспощадной борьбе не на жизнь, а на смерть.

Символ болезни:

исп. *bandera amarilla* (букв. желтый флаг), **ит.** *bandiera gialla* – мор. флаг карантина.

Символ смерти:

исп. *jinete del caballo blanco* (букв. всадник на белом коне) – появляется там, где может случиться смерть.

ит. *vedere la dama bianca* (букв. видеть белую даму) – предвидеть смерть (выражение напоминает о древнем народном суеверии, согласно которому смерть

главы семьи или важного лица предупреждается появлением дамы в белом платье, в маске и черных перчатках).

фр. *soleil noir* (букв. черное солнце) – черное солнце (библ.) символ отчаяния и конца.

Как следует из приведенных примеров, понятие «смерти» в исследуемых языках могут репрезентировать символы, в основании которых лежат как «белый», так и «черный» цвета.

Символ несчастья:

ит. *sentire cantare la gallina nera* (букв. слышать как поет черная курица) – получить недобрый знак, дурное предзнаменование (данная ФЕ отражает следы народных поверий, зафиксированных во фразеологии).

Символ трусости:

фр. *foie blanc* (букв. белая печень) – прост. трус; *avoir les foies blancs (verts)* (букв. иметь белые (зеленые) печени) – прост. бояться, трусить, дрейфить.

Символ франтовства, щегольства:

фр. *talon rouge* (букв. красный каблук) – разг. красный каблучок, человек, претендующий на элегантность, на хорошие манеры; *être talon rouge* (букв. быть красным каблучком) – быть изысканным в одеждах, манерах; *faire le talon rouge* (букв. делать красный каблук) – подчеркнуто изысканно одеваться; *les gants jaunes* (букв. желтые перчатки) – щеголи, франты

Нейтрально к оценке:

Символ политических движений: **исп.** *bandera roja*, **фр.** *drapeau rouge*, **ит.** *bandiera rossa* – красное знамя

Символ аскетизма: **ит.** *abito nero* (букв. черное платье) – ряса; *aristocrazia nera* (букв. черная аристократия) – клерикальная аристократия.

В данном случае черный цвет не является ни положительным, ни отрицательным, его цветовое значение полностью нивелируется. Он предстает как символ аскетизма, отрешения от земного существования и полного отказа от всех жизненных благ.

Символ строгости, серьезности:

Черный цвет в испанской лингвокультуре также может олицетворять такие качества как достоинство, порядочность, сдержанность. Помимо символа траура и скорби, черный цвет в одежде считается серьезным, сдержанным, умеренным и элегантным. Костюм черного цвета является отличительным признаком серьезного, делового, благовоспитанного человека: *gente de sapa negra* (букв. люди в черных плащах) – порядочные, почтенные граждане, приличные люди; *hombre de sapa negra* (букв. человек в черном плаще) – воспитанный, корректный, светский, учтивый человек, респектабельный человек.

Символ женского начала:

ит. *fiocco rosa* – розовый бант, символизирующий рождение девочки.

Как показывают приведенные выше примеры ФЕ – символов, в состав которых, в основном, входят «белый, черный, красный и желтый» цвета, все они могут репрезентировать как позитивные, так и негативные и нейтральные символические понятия, что в очередной раз подтверждает амбивалентную семантическую структуру как самого понятия Цвет, так и энантиосемичность ЦО.

3.6. Структурное многообразие фразеологизмов с цветовым компонентом

В данном параграфе приводятся наиболее распространенные структурные типы ФЕ с компонентом ЦО. Выделим наиболее распространённые модели, участвующие в образовании ФЕ в каждом языке:

Глагольные фразеологизмы:

Модели, участвующие в образовании глагольных ФЕ с цветовым компонентом:

Эллиптические модели:

В таких примерах значение прилагательного цвета находится в прямой зависимости от определяемого им существительного, с которым оно согласуется по смыслу, но опущено в самой ФЕ. При возможности восстановления опущенного компонента, становится возможным, в некоторых случаях, определение переносного значения прилагательного цвета: исп. *liarla parda* (букв.

завязать бурую) – устроить неразбериху, впутаться во что-л., *pasarlas moradas* (букв. проводить их сиреневыми / фиолетовыми), **ит.** *vederla nera* (букв. видеть ее черной) – видеть все в мрачном свете; *darla blanca* (букв. дать ее белую) – воздержаться от голосования. «Многие языковеды говорят о необходимости восстановления утерянных антецедентов и пытаются найти их в памятниках языка для каждого местоимения. Иногда это бывает возможным (например, ... для идиомы *buscársela* «добиться своего» - *la vida*, ср. *buscavidas* 'проныра'» [Курчаткина, Супрун 2009: 68].

Под местоимением «la», «las» могут подразумеваться в испанском языке такие существительные как «*situación, mañana, barahunda*», «*horas, épocas*», в итальянском языке «*situazione, carta*» и т.д.

фр. *les avoir (toutes) petits et (toutes) bleues* (букв. иметь их (полностью) маленькими и (полностью) синими) – бояться, испытывать холод (местоимением «les» обозначаются мужские половые органы). Здесь мы снова наблюдаем прямую взаимосвязь цвета как реакции организма на внешнее физическое и психологическое воздействие (холод, страх – причина, цветовые изменения – следствие).

Подробнее о подобных образованиях так называемого ложного эллипсиса см. [Курчаткина, Супрун 2009: 67-72; Зеликов 2005: 18-25].

Модели с глаголами чувственного восприятия:

ит. *vederla nera* (букв. видеть ее черной) / **исп.** *verlo todo negro* (букв. видеть все черным) – видеть все в мрачном свете

ит. *vedere tutto bianco / rosso / nero / rosa* (букв. видеть все белым / красным / черным / розовым); **фр.** *voir tout en blanc / rouge / noir / bleu / rose* (букв. видеть все в белом / красном / черном / синем / розовом) – быть оптимистом / быть в ярости / видеть в мрачном свете / витать в облаках

Модели с глаголами изменения состояния:

исп. *ponerle rojo a uno* (букв. поставить красным) – вогнать в краску; *ponerle verde / de verde y amarillo / de oro y azul a uno* (букв. поставить его зеленым / зеленым и желтым / золотым и синим) – изругать, разругать кого в пух и прах; *ponerle negro*

a uno (букв. поставить его черным) – избить кого до полусмерти; обижать, унижать кого-либо

volverse negro (букв. становится черным) – корпеть над трудной задачей, стараться найти выход из трудного положения

фр. *rendre (bien) noir* (букв. изображать очень черным) – очернить, оклеветать

ит. *diventare nero com'un capello* (букв. становится черным как волос) – почернеть от горя; *diventare giallo e verde* (букв. сделаться желтым и зеленым) – позеленеть со злости, с досады

Каузативная модель:

ит. *fare qn. casare verde* (букв. заставлять кого-то испражняться зеленым) – груб. взбесить, озлобить; *far vedere i sorci verdi* (букв. заставлять видеть зеленых мышей) – показать, где раки зимуют;

фр. *en faire voir de bleues à qn* (букв. показать их голубых) – «отделать, проучить кого-либо; показать, где раки зимуют».

Экзистенциальная модель:

ит. *essere nero* (букв. быть черным) – быть мрачным / **фр.** *être noir* (быть черным) – быть пьяным

Статическая модель:

исп. *estar negro* (букв. находится черным) – быть мрачным, подавленным

estar en blanco (букв. находится в белом) – быть не в курсе; остаться с носом.

Аналитические модели с активными и possessивными глаголами:

fare / avere il viso verde / nero (букв. делать / иметь зеленое / черное лицо) – позеленеть, почернеть от злости.

fare / avere il viso rosso (букв. делать / иметь красное лицо) – смутиться

fare / avere il viso bianco (букв. делать / иметь белое лицо) – побледнеть

Именные фразеологизмы (основная модель S+Adj.):

исп. *envidia amarilla* (букв. желтая зависть) – зависть, **фр.** *numéro vert*, **ит.** *numero verde* (букв. зеленый номер) – справочный номер

Адъективные фразеологизмы:

Несогласованное определение с предлогом «de»: **исп.** *de punta en blanco, de oro y azul* (букв. с белым острием, золотой и синий) – в полном параде, нарядный, разодетый в пух и прах;

Компаративная модель: **исп.** *como la ictericia que todo lo deja amarillo* (букв. как желтуха, которая все оставляет желтым) – скверный, неприятный, противный, вредный (о человеке).

Particip. / Adj. + Prep. + Adj.: **фр.** *armé à blanc* (букв. вооруженный в белое) – вооруженный с ног до головы, до зубов, *plein à rouges bords* (букв. полный до красных краев) – наполненный до краев; *enragé noir* (букв. взбесившийся черный) – красный от злости.

Adj. + Conj. + Adj.: **ит.** *vivo e verde* (букв. живой и зеленый) – живой и полный сил

Наречные фразеологизмы (в функции обстоятельства образа действия):

Prep. + Adj. + Conj. + Prep. + Adj.: **исп.** *a blancos y a negros* (букв. черными и белыми) – без разбора

Prep. + Pr. + Adj. + S.: **фр.** *de ma blanche main* (букв. от моей белой руки) – шутол. своими собственными руками (о заботливо приготовленной пищи).

Таким образом нами были выделены: а) глагольные ФЕ, среди которых самыми распространенными моделями являются 1) эллиптические модели, 2) модели с глаголами чувственного восприятия, 3) модели с глаголами изменения состояния, 4) каузативная модель, 5) экзистенциальная модель, 6) статическая модель, 7) модели с активными и поссессивными глаголами; б) именные ФЕ, с) адъективные ФЕ, д) наречные ФЕ. По нашим данным, учитывая многообразие типов глагольных моделей, а также доминантную функцию глагола как такового в романских языках, предикативные структуры ФЕ с цветовым компонентом преобладают над остальными. Кроме того, это можно объяснить тем, что глагольные ФЕ больше связаны с человеком, его действиями и состояниями и в меньшей степени с характеристиками каких-либо объектов окружающего мира.

Таблица № 6
Структурные типы ФЕ

Глагольные ФЕ	Типы глагольных ФЕ	Испанский язык	Французский язык	Итальянский язык
	Эллиптические модели	+	+	+
	Модели глаголами чувственного восприятия с	+	+	+
	Модели глаголами изменения состояния с	+	+	+
	Каузативная модель	–	+	+
	Экзистенциальная модель	–	+	+
	Статическая модель	+	–	–
	Модели активными и посесивными глаголами с и	+	+	+
Именные ФЕ		+	+	+
Адъективные ФЕ		+	+	+
Наречные ФЕ		+	+	–

Выводы по главе

1) В данной главе были рассмотрены ФЕ с цветовым компонентом, согласно особенностям их семантической и структурной организации разработана классификация ФЕ исходя из роли цветового компонента в формировании значения фразеологизма. Были выделены следующие семантические типы ФЕ: 1) ФЕ полностью мотивированные, в которых цветовая номинанта выступает в своем исходном хроматическом или ахроматическом значении, 2) ФЕ, в которых можно выделить значение, коннотацию, присущие той или иной цветовой номинанте, то есть единицы, в которых ЦО используется в одном из характерных для нее переносных значений, их также можно разделить на:

а) первой степени мотивированности и б) второй степени мотивированности, 3) ФЕ, в которых переносное значение отдельно взятого компонента ЦО не выводимо, 4) ФЕ, в которых цветовая характеристика неотделима от определяемого объекта и является присущей ему перманентно, или может быть ему присущей как одна из цветовых характеристик. Само ЦО переносного значения не имеет, 5) ФЕ, в которых цвет не играет существенной роли, в некоторых случаях его употребление рассматривается как факультативное и может:

а) опускаться, б) заменяться на другое прилагательное цвета,
 с) заменяться на прилагательное, не выражающее цветовую семантику.

2) Отдельные группы составили ФЕ, содержащие несколько (два, реже три) цветовых компонентов, а также фразеологизмы-символы и устойчивые единицы, ЦК которых по сравнению с основными цветолексемами, участвующими в формировании ФЕ (белый, черный, красный, зеленый, желтый) являются менее частотными во фразеологии, но при этом, тем не менее, играют немалозначимую роль для ЦФКМ исследуемых языков, а, следовательно, и при описании цветового фрагмента фразеологического фонда в целом.

3) Помимо национального мировидения, этнической маркированности в восприятии, интерпретации и функционирования наименований цветов спектра, во фразеологических системах трех сопоставляемых языков отражаются также и

грамматические особенности и предпочтения каждого языка, что особенно ярко проявляется в глагольных фразеологизмах. Например, наличие в испанском языке оппозиции *ser / estar* (экзистенциальная / статическая модели), отсутствующей (во французском), либо не так выражено проявляющейся (в итальянском). Наличие большего количества каузативных моделей и глагольных фразеологизмов с глаголом действия *fare / faire* в большей мере характерных для итальянской и французской языковых систем, чем для испанской (ср. в исп. только 1 пример: *hacer ver lo blanco negro*).

4) Среди структурных типов фразеологизмов с цветовым компонентом наиболее распространенными являются глагольные фразеологизмы. Нами были выделены следующие основные типы глагольных ФЕ: 1) эллиптические модели, 2) модели с глаголами чувственного восприятия, 3) модели с глаголами изменения состояния, 4) каузативная модель, 5) экзистенциальная модель, 6) статическая модель, 7) аналитические модели с активными и поссессивными глаголами.

5) Наибольшей продуктивностью, полисемантической и широкой фразеологической сочетаемостью практически со всеми цветовыми компонентами являются глаголы, называемые по емкому определению В. Байнхауэра «*verba omnibus*» типа исп. «*hacer, poner*», а также их французские и итальянские аналоги (фр. *faire, rendre / mettre*, ит. *fare, mettere*). Также это характерно и для фразеологизмов, предикатный элемент которых выражен статическими, экзистенциальными и поссессивными глаголами, а также глаголами чувственного восприятия.

Глава IV. Внутриязыковые и межъязыковые фразеологические отношения в рамках цветовой фразеологической микросистемы

4.1. Внутриязыковые отношения в рамках фразеологической микросистемы

«цвет»

Внутриязыковые фразеологические варианты

Как справедливо отмечает Г.Г. Соколова «... явления синонимичности и вариантности между собой тесно взаимосвязаны... фразеологические синонимы могут выражать одно и то же или близкие понятия при помощи различных образов, а наличие одного образа или чрезвычайно близких образов является характерной чертой фразеологических вариантов» [Соколова 1970: 38]. В качестве важнейших критериев отнесения ФЕ к вариантным Г.Г. Соколова указывает на семантическое тождество (полная предметная и понятийная идентичность), тождество синтаксических и экспрессивно-стилистических функций, наличие лексического инварианта при частичном различении компонентного состава, общность образа [там же: 40].

В.С. Виноградов говорит о нескольких видах семантической связи. Во-первых, явление вариативности характерно для ФЕ, не утративших внутренней формы. В составе таких ФЕ варьируемые компоненты обнаруживают семантическую соотнесенность со словами свободного употребления. Варьируются компоненты, в свободном употреблении находящиеся между собой в отношениях синонимии. Во-вторых, варьирующиеся компоненты могут быть близкими по значению словами, входящими в одну лексико-семантическую группу. В-третьих, сравниваемые компоненты могут не соотноситься по семантическим признакам, но внутренняя форма ФЕ не претерпевает существенных изменений, и основное образное, метафорическое содержание сохраняется [Виноградов 2003: 184].

В исследованном нами материале выявлены следующие типы внутриязыкового фразеологического варьирования:

Варьирование глагольного компонента:

исп. *notar (señalar) con piedra blanca* (букв. отметить белым камнем) – отметить как радостное событие

фр. *franchir / dépasser la ligne rouge* (букв. пересекать / заходить за красную линию) – перейти рамки дозволенного.

ит. *fare / avere il viso rosso* (букв. делать / иметь красное лицо) – смутиться.

Мы считаем целесообразным отнести приведенные ФЕ к вариантным, основываясь на очевидной принадлежности их глагольных составляющих к одному лексико-семантическому полю.

Варьирование именного компонента существительного:

В испанском языке:

haba negra (букв. черный боб), *garbanzo negro* (букв. черный турецкий горох) – выродок. Эти единицы являют собой фразеологические варианты, так как обладают сходной образной составляющей, а их именные компоненты имеют лексико-семантическую связь родового понятия по отношению к видовому. То же можно сказать и о следующей паре ФЕ (животное - овца): *bestia negra* (букв. черное животное), *oveja negra* (букв. черная овца) - урод, паршивая овца. При этом обе пары между собой выступают уже в качестве синонимов, хотя и имеют почти тождественное значение.

Во французском языке:

coup blanc (букв. белый удар) – безрезультатное действие, тщетная попытка; *chou blanc* (букв. белая капуста).

Указанные единицы мы считаем вариантами, что обусловлено этимологической близостью их образования. Как отмечается, в диалектальных формах, ввиду некоторых особенностей в произношении, существительное *coup* заменилось на *chou*[www.legrenierdebibiane.com/participez/Expressions/couleurs.].

В итальянском языке:

raro come un merlo bianco (букв. странный как белый дрозд) / *una cornacchia bianca* (букв. белая ворона) – редкость, белая ворона

Приведенные выше ФЕ строятся по контрастивному принципу основной цветовой оппозиции черного и белого цветов. Белым цветом обозначаются те

объекты окружающего мира, которые изначально, по объективным причинам, не могут обладать данной цветовой характеристикой (такие как «белый дрозд», «белая ворона») в силу того, что в природе они могут быть только черными. Таким образом, данные ФЕ включают в себя сему «странности, необычности» или скорее даже абсурдности и сопровождаются отрицательной коннотацией.

Варьирование адъективного цветового компонента:

В испанском языке:

día pardo / gris (букв. бурый / серый день) – облачный, пасмурный день

Во французском языке:

Sourire blanc / jaune (букв. улыбаться белым / желтым) – криво усмехаться

В итальянском языке:

(sor)ridere verde / giallo (букв. смеяться зеленым / желтым) – смеяться через силу притворно.

Данное явление может быть объяснено явлением иррадиации синонимов, когда синонимичными становятся единицы одного лексико-семантического поля.

Варьирование адъективного нецветового компонента:

Фр. *méchant / mauvais comme un âne rouge* (букв. скверный / злой как красный осел) – упрямый как осел; злой как черт

Варьирование глагольного и адъективного компонентов:

Фр. *faire fumer (chauffer) la carte bleue / bancaire / de credit* (букв. заставить дымиться / нагреть голубую / банковскую кредитную карту) – много тратить; *couper / manger son blé en herbe / vert* – проживать заранее свои доходы; действовать, не заглядывая вперед. Полный перечень внутриязыковых фразеологических вариантов см. приложение 1.

Внутриязыковые фразеологические синонимы:

В испанском языке:

dar / tener luz verde - dar / tener carta blanca (букв. давать / иметь зелёный свет) = давать / иметь карт бланш.

Во французском языке:

c'est chou vert et vert chou (букв. это капуста зеленая и зеленая капуста) / *c'est bonnet blanc et blanc bonnet* (букв. это белый колпак и колпак белый) / *c'est chou vert et vert chou* / *c'est jus vert ou vert jus* (букв. это зеленая капуста и капуста зеленая / это зеленый сок и сок зеленый) – что в лоб, что по лбу. Это одно и то же. *mettre son nez dans le bleu* (букв. сунуть свой нос в голубое) – напиться пьяным (Во французском «голубой» указывает на отношение к алкогольным напиткам ср. *gros bleu* — скверное красное вино, *truite au bleu* (букв. форель в голубом) — отварная форель в красном вине) и *être noir* (букв. быть черным) – быть пьяным.

В итальянском языке:

pecore bianche (букв. белые овцы) - *portare il cinturino rosso* (букв. носить красный пояс) – быть особенным, пользоваться преимуществом, иметь привилегии. Полный перечень внутриязыковых фразеологических синонимов см. в приложении 2.

Внутриязыковые фразеологические антонимы:

исп. *magia blanca / negra*, **фр.** *magie blanche / noire*, **ит.** *magia bianca / nera* – белая / черная магия

В испанском языке:

día blanco / día negro – счастливый / несчастный день

notar (señalar) con piedra blanca / negra – отметить какое-л. событие как счастливое / несчастливое

estar blanco – не иметь судимости / *estar rojo* – быть в розыске

Во французском языке:

humeur de rose (букв. розовое настроение) – прекрасное настроение / *humeur noire* (черное настроение) – мрачное настроение

idées roses – иллюзии / *idées noires* – мрачные мысли

voir tout en noir — видеть всё в мрачном свете - *voir tout en blanc / bleu / rose* – видеть все в розовом свете

В итальянском языке:

essere in nero (букв. быть в черном) – иметь положительный счет в банке - *essere in rosso* (букв. быть в красном) — превысить остаток на счёте в банке

giornata nera / bianca – благоприятный / неблагоприятный день

pecora nera – выродок, паршивая овца – *pecore bianche* – привилегированные люди.

Кроме того, отмечены некоторые устойчивые единицы, характеризующиеся двукомпонентным составом: N.S. + Adj. или V. + Adj., именной или глагольной элементы которых являются идентичными, а прилагательные цвета представляют противоположные значения (черный - белый), при этом сами единицы не являются антонимичными. Как представляется, этот феномен можно объяснить тем, что в таких ФЕ актуализируются различные значения всего многоуровневого потенциала ЦО, а также различными способами фразеологизации той или иной ФЕ.

фр. *papillons blancs* – снежинки / *papillons noirs* – черные мысли;

nuit blanche – ночь без сна / *nuit noire* — тёмная, безлунная ночь

messe blanche - пустой разговор / *messe noire* – колдовство, шаманство;

billet blanc – незаполненный избирательный бюллетень – *billet noir* – 1) выигрышный лотерейный билет; 2) черный билет (вытянув который юноша призывного возраста должен был идти на военную службу); 3) смерть

ит. *punto bianco* – перерыв, пауза / *punto nero* – позорное пятно.

Внутриязыковые фразеологические паронимы:

«Явление фразеологической паронимии, в отличие от паронимии лексической, не было объектом пристального внимания со стороны специалистов. Исключение составляет отчасти русская фразеология [Никитина 2000: 76] «ФЕ признаются паронимичными на основе а) формального сходства и б) резко дифференцированной семантики» цит. по [там же]. По мнению Т.П. Никитиной, «целесообразно выделять ядро фразеологической паронимии, которое будут составлять ФЕ, близкие не только по компонентному составу, но и обнаруживающие семантическое сходство, и периферию, представленную похожими звучащими ФЕ, имеющими разное значение и используемыми ошибочно в речи одна вместо другой лишь не носителями языка» [Никитина там же: 77]. ...

«Потенциальной возможностью смешения в наибольшей степени обладают ... ФЕ с затемненной мотивировкой или немотивированностью фразеологического значения ... » [там же: 78].

В сопоставляемых языках нами были выявлены следующие примеры фразеологической внутриязыковой паронимии на разных уровнях.

В испанском языке:

con guante blanco – вежливо, корректно; *de guante blanco* – светский (грамматические паронимы).

Во французском языке:

humeur noire — чёрная меланхолия; *humour noir* – черный юмор; юмор висельника (лексические паронимы)

manteau bleu – уст. сострадательный человек; *menton bleu* – разг. мужчина в годах (фонетические паронимы).

coup de bleues - период меланхолии, *coup bleu* – холостой выстрел (грамматические паронимы).

В итальянском языке:

fare nero – дать по шее; *fare di nero* – поститься (грамматические паронимы)

far bianco – жарг. прикончить; *farsi bianco* – оправдаться (грамматические паронимы).

Полный перечень внутриязыковых фразеологических паронимов см. в приложении 4.

4.2. Межъязыковые отношения в рамках цветового фрагмента фразеологии

Проблема определения основных критериев отнесения тех или иных ФЕ к классу эквивалентов и аналогов и выявление безэквивалентных фразеологических единиц является одной из наиболее важных в современной фразеологии. «Установление эквивалентных связей между ФЕ имеет большое теоретическое и практическое значение в области перевода, преподавания иностранных языков, лексикографии; оно может способствовать выделению фонда фразеологизмов,

присущих только одному языку, и фонда, общего для сопоставляемых языков» [Ярцева 1986: 5].

В современных лингвистических исследованиях по данному вопросу существует большое количество мнений²⁰.

С целью выяснения особенностей ФЕ с ЦК в испанском, французском и итальянском языках мы считаем наиболее правомерным одновременное рассмотрение ФЕ в двух аспектах: структурном и семантическом.

1. Структурный аспект предлагает сопоставление компонентного состава и грамматической организации.
2. Семантический аспект изучения ФЕ имеет своей целью выявление особенностей сходств и различий в их семантической организации.

В данном исследовании мы пользуемся двумя классификациями типологии межъязыковых фразеологических отношений, разработанными Е. Ф. Арсентьевой и Н.Н. Кирилловой.

Опираясь на соотношение компонентов семантического, структурно-семантического и лексического уровней, Е.Ф. Арсентьева выделяет следующие типы межъязыковых отношений: 1) (полные и частичные) фразеологические эквиваленты: полная эквивалентность создаётся двуединой соотнесённостью плана выражения и плана содержания ФЕ см. [Арсентьева 1989: 126].

Полные межъязыковые фразеологические эквиваленты

²⁰ Так, Ю.П. Солодуб считает, что для межъязыковых фразеологических эквивалентов соответствие единиц лексического и/или грамматического уровня – фактор факультативный. Самое главное – образность и семантическая эквивалентность [Солодуб 1985: 33]. Такой подход, по-нашему мнению, является достаточно широким и может быть использован при исследовании разносистемных языков. Применительно к романским языкам Н.Н. Кириллова выделяет: межъязыковые фразеологические эквиваленты (МФЭ), 2) межъязыковые фразеологические варианты (МФВ), 3) межъязыковые фразеологические омонимы (МФО), 4) межъязыковые фразеологические паронимы (МФП), 5) межъязыковые векторные фразеологизмы (МВФ), 6) межъязыковые типолого-идентичные ФЕ (МТИФ), 7) межъязыковые фразеологические синонимы (МФС), 8) межъязыковые фразеологические антонимы (МФА), 9) межъязыковые энантиосемичные фразеологизмы (МЭФ), 10) отсутствие аналога, или идиоэтнические фразеологизмы (ИФ) [Кириллова 1997: 34-35], отмечая необходимость сохранения основных грамматических составляющих.

С ЦК «белый» в трех языках: **исп.** *arma blanca*; **фр.** *arme blanche*; **ит.** *arma bianca* - холодное оружие.

С ЦК «черный»: **исп.** *oveja negra*; **фр.** *mouton noir*; **ит.** *pecora nera* (букв. черная овца – паршивая овца).

С ЦК «зеленый»: **исп.** *tapete verde*; **фр.** *tapis vert*; **ит.** *tappeto verde* – карточный стол.

С ЦК «синий»: **исп.** *sangre azul*, **фр.** *sang bleu*, **ит.** *sangue azzurro* – голубая кровь.

С ЦК «желтый»: **исп.** *prensa amarilla*; **фр.** *presse jaune*; **ит.** *stampa gialla* – жёлтая пресса (Полный перечень межъязыковых фразеологических эквивалентов см. Приложение 5).

Такие примеры в трех языках представлены в достаточно ограниченном количестве. Чаще можно встретить примеры ФЕ, являющиеся полными эквивалентами в двух языках (испанском и французском, испанском и итальянском или итальянском и французском языках).

С ЦК «белый»: **фр.** *mariage blanc*; **ит.** *matrimonio bianco* - фиктивный или неосуществленный фактически брак;

С ЦК «черный»: **исп.** *pintar una cosa con negros colores* (букв. рисовать черными цветами); **ит.** *dipingere con neri colori* – представлять, показывать в мрачном свете;

С ЦК «красный»: Для отрицательной характеристики эмоционального состояния во французском и итальянском используются 2-х компонентные глагольно-адъективные образования с глаголом чувственного восприятия («видеть»), объектный адъективный компонент которых («красный») находится в позиции прямого дополнения: **фр.** “*voir rouge*”, **ит.** “*vedere (tutto) rosso*” – быть в ярости. Данные единицы являются полностью эквивалентными. В испанском языке подобная единица не зафиксирована.

С ЦК «зеленый»: **исп.** *años verdes*; **ит.** *anni verdi* – годы юности.

С ЦК «синий»: **исп.** *príncipe azul*, **ит.** *principe azzurro*.

С ЦК «желтый»: **ит.** *ridere giallo*, **фр.** *rire jaune* – криво улыбаться. Перечень межъязыковых полных фразеологических эквивалентов в двух языках см. приложение 6.

Частичная эквивалентность характеризуется незначительными формальными различиями в плане выражения ФЕ тождественной семантики.

Морфологические различия:

Исп. *estar cosido con hilo blanco (gordo)*; **фр.** *être cousu de fil blanc*; **ит.** *essere cucito a filo bianco* – белыми нитками шито (различия в употреблении вспомогательных глаголов и оформлении служебных элементов сочетания, обусловленные грамматическими особенностями сопоставляемых языков).

Лексические различия:

1) В выборе цветового *прилагательного*:

фр. *sourire blanc*; **ит.** *(sor)ridere verde* – криво усмехаться, притворно смеяться.

исп. *más raro que un perro verde*; **ит.** *raro come un cane giallo (I cani gialli)* – редкость.

фр. *rêve blanc / bleu*; **ит.** *sogno rosa / dorato* – светлая мечта, сон на яву

исп. *ladrón de guante blanco*; **ит.** *ladro in guanti gialli* – вор, не оставляющий за собой следов.

2) Вариации в выборе *существительного*:

исп. *moscas blancas* (букв. белые мухи); **фр.** *papillons blancs* (букв. белые бабочки) – снег, снежинки, белые мухи

2) *Межъязыковые фразеологические аналоги.*

К межъязыковым фразеологическим аналогам относятся ФЕ, выражающие одинаковое или близкое значение. Остальные параметры могут быть частично или полностью различными. При этом ФЕ, выражающие одинаковое значение, называются полными аналогами. Например, во французском и итальянском языках для характеристики вспыльчивого человека используются модели с глаголом обладания: фр. “*avoir la crête rouge*” (иметь красный гребешок), быть очень вспыльчивым, ит. “*avere il sangue rosso*” (иметь красную кровь) (одинаковы по значению, грамматической структуре, расхождение в образной основе). Для выражения близкого значения в испанском используется стативная модель “*estar al rojo vivo*” (букв. находится в ярко-красном) – распалиться. Таким образом,

испанская ФЕ выступает уже в качестве частичного аналога по отношению к французской и итальянской.

ФЕ, выражающие близкое значение, называются частичными фразеологическими аналогами. Это предопределяет возможность их вступления в частичные аналогические отношения.

Так, с помощью цветообозначения «красный» во французском и итальянском языках можно выразить понятие «здоровый, крепкий, свежий». Во французском – это сравнительная модель: “*rouge comme un chérubin*” – с полным, румяным и свежим лицом. В итальянском ей соответствует посессивная модель “*avere molti globuli rossi* – быть полнокровным, крепким, сильным, а также модель Adj.+Adj.: *bianco e rosso* – кровь с молоком.

То же наблюдается при выражении понятия «пьяный»: во французском – 2-х компонентная модель (субстантивно-адъективное словосочетание): “*trogne rouge*” (букв. красная морда) – прост. весёлая пьяная рожа. В итальянском посессивное глагольно-субстантивно-адъективное 3-х компонентное метонимическое образование: “*avere il naso rosso*” (букв. иметь красный нос) – быть пьяницей (пьянство – причина, красный цвет носа или лица – следствие). Испанские параллели в обоих случаях отсутствуют.

3) Межъязыковые фразеологические омонимы.

Следующий тип межъязыковых фразеологических отношений составляют фразеологизмы омонимического характера, являющиеся полными или частичными эквивалентами по своей структуре, но имеющие некоторые расхождения в плане содержания. Н.Н. Кириллова определяет их как «ФЕ разных языков, атомарные словосочетания которых совпадают, но которые имеют разные значения благодаря разным префразеологическим аспектам их первичных десигнатов» [Кириллова 1997: 36].

Например, **исп.** *semana blanca* – период зимних каникул в колледжах и институтах, **ит.** *settimana bianca* – период зимних отпусков в сфере туристического бизнеса, когда мало туристов (не сезон), в течение которого обычно катаются на лыжах. **Фр.** *blanche semaine* – единица, приобретающая

различные значения в зависимости от сферы ее употребления: 1) период сильных холодов, когда человек, сидя у очага, может посвятить время какому-либо креативному занятию; 2) зимний период, когда студенту предоставляется возможность интенсивной работы над каким-либо проектом при отсутствии аудиторных занятий; 3) нерабочий период в государственных административных учреждениях.

Также можно отметить схожее французское образование *la semaine du blanc* - неделя торговли бельевыми товарами, имеющее, однако, совершенно отличное значение, и являющееся уже паронимичным по отношению к вышеперечисленным примерам.

К межъязыковым фразеологическим омонимам можно также отнести следующие единицы:

исп. *punto negro* – неприятное, омрачающее обстоятельство; ложка дегтя **фр.** *point noir* – опасное место (на дороге), трудность, **ит.** *punto nero* — тёмное / позорное пятно.

исп. *horas negras* (букв. черные часы), *ит.* *ore nere* (букв. черные часы) – тяжелые, трудные времена (полные эквиваленты) и **фр.** единица *heure noire*, означающая «глухая ночь, поздний час». Так, во французском языке данная единица, изменяясь в пределах грамматической категории числа (множественное на единственное), образует совершенно другое значение. То же явление можно проследить на следующем примере: **фр.** *fruit vert* – совсем молоденькая девушка; **ит.** *frutta verde* — не(до)зрелые плоды. Полный список межъязыковых фразеологических омонимов см. приложение 8.

Наиболее характерным явлением межъязыковой фразеологической омонимии в цветовом фрагменте фразеологической системы отмечается для французского и итальянского языков. Омнимичные фразеологизмы, отмечаемые в трех языках, встречаются крайне редко. Кроме того, следует подчеркнуть, что омонимичные ФЕ отличаются простотой структурной организации. Основными способами формирования МФО с компонентом ЦО служат модели: N.S. + Adj., V. + Adj. Единичными являются фразеологизмы-омонимы, состоящие более, чем из

двух компонентов: V. + Prep. + Adj. и это, с нашей точки зрения, представляется закономерным: чем проще структура ФЕ и чем меньше компонентный состав единицы, тем больше вероятности возникновения аналогичного образования с отличным значением в близкородственном языке.

4) Межъязыковые фразеологические паронимы

Еще один тип межъязыковых фразеологических отношений представлен фразеологизмами-паронимами. По определению Н.Н. Кирилловой, «на межъязыковом уровне фразеологическими паронимами следует считать межъязыковые фразеологические единицы, не совпадающие по значению, плану выражения которых состоит из изолекса, по разному синтаксизируемых» [Кириллова 1997: 37].

исп. *de punta en blanco* (букв. с белым острием) – в полном параде, нарядный, разодетый в пух и прах; **ит.** *di punto in bianco* (букв. точкой в белом) – вдруг, внезапно.

фр. *être dans le rouge* (букв. быть в красном) – быть в затруднительном положении; **ит.** *essere in rosso* (букв. быть в красном) – превысить остаток на счете в банке.

Безэквивалентность (лакунарность) ФЕ

Обращаясь к вопросу о безэквивалентных или «идиоэтнических фразеологизмах (ИФ)» [Кириллова 1997: 35], почти все исследователи называют ими ФЕ одного из сопоставляемых языков, не имеющие соответствий во фразеологической системе другого языка.

Часто в качестве таких фразеологизмов могут выступать единицы, отражающие национально-культурно-специфические реалии, или содержащие аллюзии на исторические факты и отсылающие нас к конкретным историческим событиям.

В рамках нашего исследования мы разделяем: 1) ФЕ, не имеющие аналога во всей фразеологической системе. Такие единицы можно обозначить как идиоэтнические; 2) единицы, не имеющие эквивалента в сопоставляемых языках в цветовом фрагменте фразеологии.

К первой группе можно отнести следующие ФЕ:

фр. *plaine rouge* (букв. красная равнина) – арг.: гильотина; (*faire porter*) *le chapeau rouge* (букв. (заставить надеть) красную шляпу) – уст. обезглавить.

Обращаясь к испанскому языку можно отметить выражение «*venía el villano vestido de verde*» (букв. ‘приходил простолюдин, одетый в зеленое’) ²¹. **исп.** *caballo blanco* – человек, финансирующий сомнительное предприятие; богатый покровитель;

фр. *bal des petits lits blancs* (букв. бал маленьких белых кроваток) – благотворительный бал в пользу детей-сирот; *turbiner une verte* (букв.) – прост. выпить абсента; *avoir un pied de rouge sur la figure* (букв. иметь) – намалеваться, наштукатуриться; *un bas bleu* (букв. синий чулок) – пейоративная номинация для обозначения женщины, занимающейся интеллектуальным трудом, писательницы. *fée blanche* (букв. белая фея) – арг. кокаин, морфий, уст. абсент; *fée brune* (букв. коричневая фея)- опиум; *fée verte* (букв. зеленая фея) - гашиш

ит. *mangiare in bianco* (букв. есть по-белому) – находиться на диете; *un vestito di verd'indugio* (букв. платье зеленого промедления) – намеренные затяжки, кормление завтраками; *settimana verde* (букв. зеленая неделя) — зимний отдых на берегу моря.

В приведенных случаях можно говорить об безэквивалентности или идиоэтничности во всей фразеологической системе сопоставляемых языков.

Отсутствие эквивалента в цветовом фрагменте фразеологии:

Например, итальянское выражение *quando pioverà rosso!* (букв. когда пойдет красный дождь) – «после дождичка в четверг, когда рак на горе свистнет», не имеющее полного эквивалента в испанском и французском языках, значение

²¹ Так говорят о делах или о людях неприятных, которые пытаются выдать себя за другого человека. Зеленый цвет означал красоту, изящество. Это был цвет рыцарей и вельмож, а простолюдины носили одежду блеклых оттенков. Также известно, что данное высказывание приписывают Изабелле Кастильской. Согласно истории, Изабелле не нравился чеснок, который любил ее супруг (король Фердинанд Арагонский), и который ей подали однажды в тарелке, прикрытый сверху зеленью петрушки. Сейчас этот оборот речи используется, в значении «обмануть, продать кота в мешке» [Охрицкая 2010: 114].

которого, тем не менее, может быть передано аналогичными единицами, но уже за рамками цветового фрагмента фразеологии такими как, например, **фр.** *la semaine des quatre jeudis*, **исп.** *la semana que no tenga viernes*.

ит. *essere la primula rossa* (букв. *быть красной примулой*) – быть неуловимым (ср. в **исп.** *ni aun buscándolo con candil* (букв. *ни даже ища его с лампадой*), *fare un ballo in campo azzurro* (букв. *делать танец на голубом поле*) – болтаться на виселице (ср. **фр.** *donner la bénédiction avec ses pieds* (букв. *давать благословение ногами*), *picchiare a pan bianco* (букв. *причитать над белым хлебом*) – хныкать, жаловаться без причины (исп. *ahogarse en un vaso de agua* (захлебываться в стакане воды))

исп. *ir al baile de las sábanas blancas* (букв. *идти на танец белых простыней*) – отправиться на боковую (**ит.** *andare a panna* (букв. *идти бай-бай*), **фр.** *aller à la halle aux draps* (букв. *пойти в зал с простынями*), **исп.** *¡por vida del chápiro (verde)!*, *por la paloma azul!* (букв. *за синюю голубку*) – Черт возьми! Вот черт!

фр. *monter le blanc en neige* (букв. *добавлять белого в снег*) – взбодрить, поднять дух, *balancer le chiffon rouge* (букв. *размахивать красной тряпкой*) – аргю: трепать языком

Как показывает наше исследование, несмотря на общность фразеологического фонда всех трех языков, тем не менее наблюдаются и различия, говорящие об идиоэтнических особенностях, которыми характеризуются данные романские языки западноевропейского ареала.

Лингвоцветовые ФКМ испанского, французского и итальянского языков представляют собой специфические КМ, содержащие элементы сходства и различия, в основе которых лежат разное философское осмысление мира, его ощущение и восприятие испанским, французским и итальянским этносами, несмотря на историческую и этнолингвистическую общность носителей этих языковых культур.

Таблица № 7

Количественные показатели по трем языкам:

	Испанский	Французский	Итальянский
Белый цвет	53	75	55
Черный цвет	48	64	47
Красный цвет	7	29	17
Зеленый цвет	19	46	31
Синий / голубой цвет	7	31	5
Желтый цвет	7	11	10
Серый цвет	5	22	13
Розовый цвет	4	9	7
Другие ЦО:	pardo: 10 - bermejo: 4 rubio: 1 morado: 3 lila: 1 violeta: 1 moreno: 1	brun: 4 marron: 5 - blond: 6 -	bruno: 8 - vermiglio: 1 -

Итого:	180	302	196
Общее количество по цветам:	Белый: 183	Черный: 159	Красный: 53
	Зеленый: 97	Голубой / Синий: 43	Желтый: 28
Итого по всем языкам:	667		

Выводы по главе

1) В данной главе были рассмотрены ФЕ с цветовым компонентом с точки зрения внутриязыковых и межъязыковых отношений. Приведенный материал подтверждает положение о том, что ФЕ с цветовым компонентом в западно-романских языках представляют собой фразеологическую микросистему, элементы которой вступают между собой во внутри- и межъязыковые отношения вариантности, синонимии, антонимии, омонимии и паронимии.

2) Так, в рамках цветовой фразеологической микросистемы одного языка были выделены различные типы фразеологизмов, вариантность которых заключается в: варьирование глагольного, именного, адъективного цветового и нецветового компонентов, глагольного и адъективного компонентов. Также выявляются внутриязыковые синонимы, антонимы, омонимы и паронимы.

3) Говоря о межъязыковых отношениях, мы выделили единицы, являющиеся полными и частичными эквивалентами и полными и частичными аналогами, опираясь на классификации Е.Ф. Арсентьевой и Н.Н. Кирилловой. Также был отмечен ряд фразеологизмов, не имеющих соответствующего эквивалента: 1) во всей фразеологической системе и 2) в цветовом фрагменте фразеологической системы.

4) Наиболее значительный пласт фЕ во всех исследуемых языках представляют внутри- и межъязыковые варианты и синонимы.

5) Особенную самобытность в этом плане проявляет французский язык, в котором мы выделели следующие ЦК, вступающие в отношения синонимии в рамках той или иной ФЕ: **синий – розовый** (*bibliothèque bleue / rose*), **белый – синий, розовый** (*voir tout en blanc / bleu / rose; rêve blanc / bleu*), **белый – зеленый** (*avoir les foies blancs / verts*), **белый – черный** (*n'y voir que du blanc et du noir*), **белый, черный – синий** (как обозначение некомпетентности в чем-либо, незнания, невежества) (*n'y voir que du blanc / du blanc et du noir / du bleu, être dans le noir (le plus complet); n'y voir que du bleu*), **белый, черный, синий** как интенсификатор отрицательных эмоций (*peur bleue / blanche / noire*) голубой – серый (*en (faire) voir de grises / bleues*), **черный – синий** как обозначение меланхолии, дурного настроения (*coup de bleues; humeurs noires*), **черный, серый – синий** как обозначение нетрезвого состояния (*mettre son nez dans le bleu, être gris, être noir*), **белый – черный** (*silence blanc / noir*), **белый – желтый** (*bec jaune / blanc*), **белый – синий** (*coup blanc / bleu*).

То же явление цветовой внутренней синонимии характерно и для испанского и итальянского языков, однако в меньшей степени.

В испанском языке: **бурый – серый** (*día pardo / gris*), **зеленый – белый** (*estar verde, estar en blanco*), **зеленый – желтый** (*poner de verde y amarillo*).

В итальянском языке:

Зеленый – желтый (*((sor)ridere verde / giallo*), **белый – красный** как обозначение особенного положения в обществе (*pecore bianche, portare il cinturino rosso*), **белый и красный**, а также **зеленый** как обозначение человека пышущего здоровьем (*bianco e rosso, vivo e verde*).

6) Говоря о внутриязыковой антонимии, можно наблюдать, что чаще всего в антонимические отношения во всех языках вступают ФЕ, а также сами ЦК в составе фразеологизма: **белый / черный**, то есть, цвета, составляющие основную бинарную цветовую оппозицию.

Также следует особо отметить французский язык, где помимо единиц с ЦК **белый** и **черный**, в качестве антонимов выступают ФЕ с ЦК **черный / голубой, розовый**. Два последних при этом функционируют как синонимы. Ср. *humeur de*

rose– прекрасное настроение и *humeur noire*– мрачное настроение, *idées roses* – иллюзии / *idées noires* – мрачные мысли.

voir tout en noir — видеть всё в мрачном свете - *voir tout en blanc / bleu / rose* видеть все в розовом свете.

В итальянском языке отмечены еще две оппозиции: **черный / красный**: *cr. essere in nero* – иметь положительный счет в банке и *essere in rosso* – иметь задолженность и **красный – желтый** (*far comparire il giallo per rosso* – выдавать черное за белое).

7) Особого внимания также заслуживают некоторые единицы, которые по своей структуре и компонентному составу, могли бы являться антонимами, но, тем не менее, таковыми не являются: **фр.** *papillons blancs* – снежинки; *papillons noirs* – черные мысли; *messe blanche* - пустой разговор; *messe noire* – колдовство, шаманство, **ит.** *punto bianco* – перерыв, пауза; *punto nero* – позорное пятно

8) Как можно заключить из представленного материала, внутриязыковые омонимы встречаются крайне редко. На исследованном материале таких примеров нами выявлено не было.

Совершенно другая картина открывается на межъязыковом уровне и нельзя не согласиться с мнением Н.Н. Кирилловой о том, что « ... поскольку разные префразеологические аспекты одного и того же первичного десигната возникают независимо друг от друга, то разные значения одинаковых атомарных словосочетаний в рамках единой романской структуры можно считать омонимичными. Существование МФО обусловлено разной семиологической значимостью одной и той же предметной ситуации в разных лингво-культурных обществах» [Кириллова 1997: 36].

9) Также мы выделели две группы безэквивалентных фразеологизмов: 1) не имеющие аналога во всей фразеологической системе. Такие единицы можно обозначить как идиоэтнические; 2) единицы, не имеющие эквивалента в сопоставляемых языках в цветовом фрагменте фразеологии.

Заключение

Целью нашего исследования было определение роли ЦО в цветовой фразеологической картине мира, описание цветового фрагмента фразеологии как микросистемы, составляющей часть фразеологического фонда трех романских языков (испанского, французского и итальянского), выявлении универсальных черт и национально-культурной специфики в структуре, семантике и функционировании цветообозначений в составе ФЕ. Достижению цели способствовало выполнение поставленных нами задач:

- охарактеризовать различные научные подходы к проблеме цвета и ЦО;
- рассмотреть различные аспекты проблемы цвета как культурного, социального и семиотического феномена на материале исследований отечественных и зарубежных авторов;
- выявить особенности цветового символизма на различных этапах этнолингвистического и культурного развития;
- определить роль ЦО в процессе формирования национальных картин мира;
- рассмотреть ЦО с точки зрения составляющей фразеологической номинации и как ресурс для образования фразеологической микросистемы в романских языках;
- представить (на основе лексикографических источников) наиболее полный перечень ФЕ с цветовым компонентом в испанском, французском и итальянском языках;
- описать устойчивые компаративные структуры и выявить универсальные и национально-специфичные цветовые прототипы;
- провести анализ семантических особенностей функционирования фразеологизмов-компаративов в тексте и в речи на материале художественных произведений, периодических изданий и интернет-источников;
- систематизировать и классифицировать ФЕ с цветовым компонентом с учетом роли компонента ЦО при формировании значения фразеологизма;
- провести сопоставительный анализ переносных (вторичных) значений ЦО в составе ФЕ.

-осуществить этимологический анализ и установлена мотивированность некоторых ФЕ с цветовым компонентом.

-проанализировать ФЕ с цветовым компонентом с точки зрения внутриязыковых и межъязыковых отношений в рамках цветовой фразеологической микросистемы.

-провести комплексный анализ семантики и структуры ФЕ, включающих в себя компонент ЦО.

В ходе исследования было установлено и доказано, что ЦО обладают обширным информационным потенциалом. Благодаря первичности перцептивной формы освоения мира и способности цвета влиять на физическое и эмоциональное состояние человека, он становится культуuroобразующим фактором и является важной частью картины мира. ЦО в каждом языке обладают выраженной национально-культурной спецификой и являются значимыми элементами для конструирования цветового фрагмента национальной картины мира той или иной лингвокультурной общности.

Проведенное исследование позволило определить общее и специфическое в символике, семантике и структуре ФЕ с компонентом ЦО в испанском, французском и итальянском языках. Говоря об общих чертах следует отметить, прежде всего, факт существования во фразеологии всех сопоставляемых языков значительного количества фразеологизмов с цветовым компонентом. Это предопределено фактом возможности цвета выступать как относительно простого и одновременно с этим очень значимого для нашего подсознания неотъемлемого составляющего окружающего мира.

Как показал анализ семантики ФЕ, в каждом ЦО, входящим в состав устойчивых фразеологических сочетаний, можно отметить семантический сдвиг, так как многие имена цвета, помимо основной цветовой характеристики, обладают значительным количеством производных переносных положительных и отрицательных оценочных значений.

Прослеживается четкая тенденция для колоративных компонентов, обладающих достаточно сильным эмоциональным воздействием на человека, - среди таких компонентов выделяется красный цвет, в меньшей степени - синий и

зеленый, способные вызывать большое количество ассоциаций и, как следствие, участвовать в образовании большого числа ФЕ различной семантики.

Особую значимость здесь имеют ахроматические цвета - белый и черный, обладающие богатейшей семантикой, predeterminedенной не эмоциональным воздействием, а отсутствием собственно цветового значения как такового.

Колоративным компонент белый (blanco, blanc, bianco) в силу широкого спектра возникающих в связи с ним ассоциаций обладает большими возможностями для образования ФЕ с самыми различными положительными и отрицательными значениями, а также представляющими разнообразную тематику.

Общим для всех сопоставляемых языков оказалось наличие большого количества ФЕ с компонентом цвета «белый» (всего 183 единицы: исп. – 54, фр. – 75, ит. 55). Сопоставительный анализ выявил как общие черты, так и специфические особенности ФЕ языков с данным компонентом цвета. Следует особо выделить тот факт, что в случае выявления общих черт мы можем наблюдать примеры даже 3х- языковых параллелей, при этом иногда даже с полной эквивалентностью, иногда - частичной из-за особенностей грамматического строя исследуемых языков. Это еще раз подтверждает факт универсальности многих значений данного колоративного компонента во фразеологизмах исследуемых языков, а также связанных с ним ассоциаций, что облегчает понимание реалий другого народа вследствие оперирования одними и теми же категориями и понятиями и связанными с ними ассоциациями. Проведенный сопоставительный анализ позволил выявить общую тематику ФЕ с данной цветолексемой в испанском, французском и итальянском языках, остальные группы ФЕ характерна только для какого-либо одного из сопоставляемых языков. Полученные результаты позволяют сделать вывод как об универсальности семантики некоторых значений данного колоратива, так и о значительном различии спектра ассоциаций, связанных с данным ЦО в сопоставляемых языках.

При исследовании цветового компонента «черный» нами было рассмотрено 159 ФЕ из которых 48 отмечается в испанском, 64 – во французском и 47 – в итальянском языке. Полученные результаты позволяют сделать вывод как об универсальности семантики некоторых значений данного ЦО, так и о значительном различии спектра ассоциаций, связанных с данным колоративом в сопоставляемых языках. Тот факт, что среди его переносных оценочных значений в ФЕ сопоставляемых языков большинство составляют отрицательные, объясняется тем эмоциональным воздействием черного цвета на сознание и подсознание человека, которое способствует возникновению определенных мрачных ассоциаций, а также восприятие черного цвета в некотором смысле как блокирования всех цветов спектра.

Таким образом, диада ахроматических цветов несет наибольшую семантическую нагрузку, что является естественным и закономерным в связи с той значимой ролью, которая всегда отводилась данным цветовым номинантам на всем протяжении развития человеческой культуры.

Проведенный анализ позволяет говорить о значительном количестве ФЕ с колоративным компонентом в испанском, французском и итальянском языках, которые представляют собой 2х- и 3х-языковые параллели с полной или частично эквивалентностью. Эквивалентность объясняется рядом причин: универсальностью каких-либо понятий, общечеловеческий характер психических процессов и основных цветовых представлений.

Несмотря на тот факт, что разные лингвокультурные системы обладают существенными отличиями, в процессе специальных исследований были выявлены семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление и культура (например, общность многих эталонов / стереотипов, участвующих в образовании компаративных конструкций). Это объясняется такой особенностью фразеологизмов с цветовым компонентом в различных языках, как общечеловеческий характер психических процессов и основных цветовых представлений.

Среди особенностей колоративных компонентов следует отметить высокую степень их использования во фразеологии, особенно с учетом факта достаточно часто встречающейся многозначности, высокой сочетаемости и способности служить для обозначения большого количества понятий. В связи со способностью сильного эмоционального воздействия цветовые компоненты часто приносят во ФЕ большую эмоциональную составляющую, а также особую образность.

Уникальные, специфические черты в семантике ФЕ с цветовым компонентом объясняются особенностями ассоциаций, возникающих в связи с каким-либо цветом, некоторыми различиями в способности сочетания компонента ЦО в разных языках как следствие специфики ряда лингвистических и экстралингвистических факторов - историческими реалиями, традициями, менталитетом. Таким образом, в целом причины появления лакунарных фразеологизмов с колоративным компонентом те же, что и для других лакунарных единиц. Однако разное «этновосприятие» и «социовосприятие» цвета людьми разных национальностей и социумов является специфическим фактором появления фразеологических лакунарных единиц с цветовым компонентом.

Исследованный этимологический материал раскрывает историю происхождения некоторых фразеологизмов с колоративным компонентом, особенности употребления ФЕ, связанные с верованиями, традициями, обычаями, религией, реалиями сегодняшнего дня, разнообразием культурных, исторических традиций, социально-экономическими, географическими особенностями, а также менталитетом разных народов.

В ходе проведенного исследования были проанализированы ФЕ, принадлежащие к разным сферам по уровням (разговорный, сленг, жаргонизмы и т.п.), времени появления и функционирования (устаревшие ФЕ, неологизмы); По возможности была выявлена этимология того или иного фразеологизма. Значение компонента ЦО во фразеологизме, безусловно, влияет на общее значение фразеологизма. Проведенный сопоставительный анализ фразеологизмов с цветовым компонентом в испанском, французском и итальянском языках

позволяет сделать вывод о том, что все цвета неодинаково раскрывают семантику в разных языках.

В работе используется классификация эквивалентов фразеологизмов с колоративным компонентом в испанском, французском и итальянском языках, в которой учитывается основной компонент фразеологизма – ЦО. На наш взгляд, именно такая классификация больше всего подходит для исследуемого материала, так как в подобных фразеологизмах главную смыслообразующую роль играет цветовой компонент, имеющий конвенциональное значение. Анализ подобных фразеологизмов показал влияние конвенционального значения ЦО на смыслообразующую структуру фразеологизма.

В работе также рассматривается вариативность, синонимия, антонимия, омонимия и паронимия как на внутриязыковом, так и на межъязыковом уровне. Во всех сопоставляемых языках выявлены случаи цветовой вариативности и синонимии. При этом могут наблюдаться как 2х-, так и 3х- языковые параллели, так и уникальность какой-либо ФЕ. Проведенный анализ свидетельствует о том, что одно и то же понятие может выражаться с использованием различных синонимов и вариантов, в том числе и цветových компонентов, что лишний раз говорит о многогранности значений большинства колоративных компонентов.

Например, тема денег (их наличия или отсутствия) представлена во фразеологии испанского языка через прилагательные «*blanco*», «*rojo*» и «*amarillo*» (*estar sin blanca, entrar en números rojos, demonio amarillo*), во французском: *rouge, jaune, vert* (*n'avoir pas un rouge liard, compte en rouge, billet vert, cracher jaune*), в итальянском «*rosso, verde, nero*» (*essere / andare in rosso, essere in nero, essere al verde*). Здоровье, молодость и энергию в итальянском представляют прилагательные «*rosso*» и «*verde*» (*avere molti globuli rossi, vivo e verde etc*).

Привилегированность, принадлежность к аристократии в испанском и французском обозначаются ЦО «*azul / bleu*», а в итальянском прилагательными «*azzurro / blu*» а также «*bianco*» (Ср. в русск. «белая кость»).

Отрицательные эмоции, такие как зависть, страх в итальянском и французском передаются с помощью ЦО «bleu / vert и blu / azzuro / verde».

Особенно многообразно представлена во французском тема пьянства, которую обозначают ЦО «bleu, blanc, gris, noir, rouge, rose»: *mettre son nez dans le bleu* (напиться), *être gris* (быть навеселе), *être entre le blanc et le clair* (быть пьяненьким), *gris comme un cordelier* (пьяный в стельку), *être noir* (очень пьяный), *trogne rouge* (веселая пьяная рожа), *voir voler des elephants roses* (напиться до зеленого змия).

Одинаковые модели V. + Prep. + Adj. / V. + Adj. с глаголами экзистенции, статики, обладания, изменения состояния, зрительной перцепции во всех трех языках характеризуются возможностью сочетаемости с различными прилагательными цвета. Ср. ит. *andare in rosso / in bianco*, исп. *poner negro / verde a uno*, ит. *essere nero / in nero*, фр. *être noir / gris / en noir*, ит. *vedere rosso / nero*. При этом сами ЦО могут по-разному актуализировать свой семантический потенциал, что часто служит источником межъязыковой омонимии. Это явление, по нашим наблюдениям, наиболее присуще французскому и итальянскому языкам. (Ср. фр. *être noir* (быть пьяным) и ит. *essere nero* (быть мрачным), фр. *être en noir* (быть в трауре) и ит. *essere in nero* (иметь положительный счет в банке). Так, простейшие синтаксические структуры с цветовым компонентом заключают в себе мощную смысловую компрессию различных бытовых ситуаций.

Наличие полных эквивалентов во всех трех рассматриваемых языках отмечено для единиц с ЦК «белый», «черный», «синий», «зеленый», «желтый» и «серый». При этом наибольшее количество эквивалентных единиц приходится на ЦО «белый» и «черный».

Исходя из результатов исследования можно отметить общую тенденцию к типологической близости французского и итальянского языков на основе значительного количества как межъязыковых фразеологических соответствий, так и больших сходств в семантическом наполнении исследованных ЦО.

Как показало проведенное исследование, ФЕ с компонентом цвета также играют важную роль в объективации внутреннего мира человека. Данная сфера включает в себя эмоциональное состояние и черты характера. Эмоции отражают реакцию человека на те или иные явления действительности. Человеческие качества, выраженные посредством цвета, могут быть как *отрицательными*, так и *положительными*. Однако наблюдается тенденция к объективации отрицательных качеств, что объясняется близостью положительного к норме, которая обычно мало отражается в лексике. Одной из причин широкого употребления цветоименований во фразеологических единицах с отрицательным оценочным значением является стратегия эвфемизации, то есть желание избежать прямого наименования отрицательных явлений, в частности отрицательных качеств, или эмоций, присущих человеку. Важно отметить, что в некоторых случаях значение фразеологизма с компонентом цвета основано на зрительной перцепции. Речь идет о фразеологизмах, в основе которых лежит видимое изменение цвета лица под воздействием того или иного эмоционального состояния. В этом проявляется универсальность цветообозначений. В основном, большинство ФЕ характеризуется полным переосмыслением цветового признака в своем значении. Зачастую тип переосмысления имеет традиционное общеевропейское символическое значение того или иного цвета. В то же время в его основе может лежать своеобразное восприятие определенного цвета представителями конкретной (испанской, французской и итальянской) лингвокультуры, в чем проявляется антропоцентричность, этномаркированность и национально-культурная специфика в восприятии и интерпретации цвета, а, следовательно, и фразеологизмы, основанные на цветовых образах, носят глубокий антропоцентрический и социоцентрический характер.

В целом анализ фразеологизмов с колоративным компонентом по фразеотематическим группам показал, что исследуемые разноязычные фразеологизмы представляют собой единицы, отражающие мнение человека о цвете и объективируемых им предметах и явлениях. Вместе с тем фразеологизмы с ЦО несут на себе и большую аксиологическую нагрузку, выражая

положительные или отрицательные оценки, среди которых наиболее широко представлены психологические и этические оценки.

Библиография:

1. Абазова К.В. Языковая репрезентация цвета: Лингвокультурологический аспект (на материале кабардино-черкесского, английского и русского языков). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2009. – 23 с.
2. Алимпиева Р.В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы: (на материале прилагательных цветообозначений русского языка). – Л., 1986. – 256 с.
3. Алпатов В.М. Семантика цвета в японском языке / Слово в языке. «Языки славянских культур». М.: РАН. с. 21-26.
4. Алымова Е.Н. Ассоциативная лингвоцветовая картина мира // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9 Филология, востоковедение, журналистика. – 2007. - Вып. 2, ч. 2. – с.74-77.
5. Андреева К.А., Тимофеева А. Лингвоцветовая картина мира и диалог культур. [[russian.slavica.org > article795.html](http://russian.slavica.org/article795.html)] (дата обращения: 21/06/2013).
6. Аничков И.Е. Идиоматика и семантика (Заметки, представленные А. Мейе, 1927) // ВЯ. 1992. №5. с. 136-150.
7. Апресян В.Ю. Языковая картина мира и системная лексикография. – М., 2006.
8. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках) / Е.Ф. Арсентьева. Казань: Изд-во КГУ, 1989.- 123 с.
9. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Под ред. Н. Д. Арутюновой. – М., 1990. с.5-32.
10. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М., 1988. – 339 с.
11. Базыма Б.А. Психология цвета: Теория и практика [Текст] / Б.А. Базыма. – СПб.: Речь, 2005. – 356 с.
12. Байрамова Л. Социально-языковая номинация с цветолекемами / Слово. Текст. Время. Новые средства языковой номинации в новой Европе. Материалы VII международной научной конференции / под. ред. М. Алексеенко, М.

Кучинска-Щецин, 2004. с. 26-31.

13. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М., 2008. – 287 с.

14. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Принципы семантического описания фразеологии // ВЯ 2009 №6: с. 21-34.

15. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. – М., 1975. – 296 с.

16. Бедоидзе Л.Г. Фразеологические единицы с компонентом цвета в немецком, русском и осетинском языках. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 22 с.

17. Белов А.И. Цветовые этнодеймы как аспект этнопсихолингвистики // Этнопсихолингвистика. – М.: Наука, 1988, с. 49-58.

18. Бережных Е.Ю. Цветообозначения и их символика в русском и испанском языках. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 2009. – 26 с.

19. Болгарова Р.М. Национально-культурная специфика категории компаративности в татарском языке (на примере семантического поля «пища») // Татарская лингвокультурология: проблемы, поиски, решения: I-ая респ. заоч. научно практич. конф-ция с уч. регионов РФ: Казань, 27-28 октября 2011 г. Труды и материалы. – Казань: Отечество, 2011. – с. 45-51.

20. Борисова Д.Н. К проблеме выбора термина для названия форм цветообозначения в языке // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып.23. - № 21 (122), 2008, с. 32-37.

21. Бородина М.А., Гак В.Г. К типологии и методике историко-семантических исследований (на материале лексики французского языка) - Ин-т языкознания АН СССР. – Л.: Наука, 1979. – 232 с.

22. Бычков В.В. Эстетические взгляды Климента Александрийского // ВДЧ 1977 / 3. с. 69-91.

23. Василевич А.П. Психолингвистическая значимость слов-цветообозначений в разных языках // Экспериментальные исследования в психолингвистике. – М., 1982. – 319 с.

24. Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом

- эксперименте: на мат-ле цветообозначений в языках разных систем / Отв. ред. д.ф.н. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1987. – 214 с.
25. Василевич А.П., Скокан Ю.Н. К методике сопоставительного исследования (на примере лексики цветообозначений) // ВЯ. – М., 1996 / 3, с. 103-111.
26. Василевич А.П. Языковая картина мира цвета. Методы исследования и прикладные аспекты. Дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2003. – 95 с.
27. Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке / Под общ. ред. А. П. Василевича. Изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 216 с.
28. Васильев А.И. Фразеологическая система древнерусского языка: Аспекты исследования. Монография. Салават. 2011. – 363 с.
29. Вейнрих У. О семантической структуре языка / Новое в лингвистике. Вып. V. 1970. с. 45-57.
30. Вейнрих Х. Лингвистика лжи / Язык и моделирование социального поведения. М. 1987. – с. 52-64.
31. Вергеймер М. О гештальттеории. Хрестоматия по истории психологии. М.: МГУ. 1980. – с. 138-147.
32. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия / Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. с. 231-292.
33. Вендина Т.И. Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков. – М., 1999. – 269 с.
34. Виноградов В.С. Лексикология испанского языка.- М., 1994. – 191 с.
35. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – вып. XVI. – с. 79-128.
36. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. М.: «Наука». 1978. – 200 с.
37. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф ; вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, И. И. Челышевой. – Изд. 3-е, стереот. – М., 2006. – 280 с.
38. Вышенская Ю.П. Цветообозначения в средневековом поэтическом тексте в свете положений средневековой эстетики (Studia linguistica XV. Язык и текст в

- современных парадигмах научного знания): Сборник. – СПб.: Борей Арт, 2006, с. 98-101.
39. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С.230-293.
40. Горлачева В.В. Репрезентация концепта «красный» в современной рекламе / Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Сб. Научных трудов. М.-Архангельск. 2011. Вып. 5. с. 125-130.
41. Давидян З.О. Семантика цветообозначений bleu / azul во французском и испанском языках (универсальное и национальное) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2009. - №1(9). – с. 185-188.
42. Даунене З.П. О некоторых грамматических особенностях имен прилагательных, обозначающих цвет / З.П. Даунене, Л.В. Судавичене // Русс. яз. в школе. 1971. - №1. – с. 97-100.
43. Денисова Г.Л. Когнитивный механизм сравнения в немецком языке. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Самара, 2009, с. 38.
44. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // ВЯ. – М, 1997, №6. с. 37-48.
45. Дронова Л.П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 315 с.
46. Дубровина К.Н. Семантико-стилистический анализ лирики Ф. Гарсиа Лорки (на материале цветообозначений). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1970. – 23 с.
47. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. – М., 2007. – 178 с.
48. Жаркынбекова Ш.К. Моделирование концепта как метод выявления этнокультурной специфики // Мат-лы IX Конгр. МАПРЯЛ. – Братислава, 1999. с. 68-71.

49. Жаркынбекова Ш.К. Языковая концептуализация цвета в культуре и языках. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Алматы, 2004. – 36 с.
50. Завьялова Н.А. Метафоризация как модель образования английских фразеологизмов с компонентом цветообозначения. Общетеоретические и практические проблемы языкознания и лингводидактики: Материалы Междун. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 27–28 апреля 2006г. / ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т». – Екатеринбург, 2006. с. 109-112.
51. Зеликов М.В. Компрессия как фактор функционирования иберо-романских языков. 2005. – 443 с.
52. Зольникова Ю.В. Цветообозначения во фразеологической картине мира немецкого и русского языков // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып.35. - №30 (168), 2009. с.88-93.
53. Зольникова Ю.В. Цветовые фразеологизмы как фрагмент идиоматической картины мира русского и немецкого языков (на материале лексикографических источников). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2010. – 26 с.
54. Иванов Вяч.Вс. Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии (к названию Белоруссии) // Балто-славянские исследования. – М., 1981. с. 163-176.
55. Иванов Н.В. Проблемные аспекты языкового символизма (Опыт теоретического рассмотрения). – Минск, 2002. – 198 с.
56. Измайлов Ч.А. Психофизиология цветового зрения. – М., 1989. – 165 с.
57. Исаев А.А. Феномен цвета в контексте бытия человека: Опыт философского анализа. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Магнитогорск, 2006. – 20 с.
58. Иссерлин Е.М. История слова «красный» // Рус. яз. в школе. – №3, 1951. с. 85-89.
59. Иттен И. Искусство цвета / пер. с нем. и предисл. Л. Монаховой. – 2-е. изд. – М.: Д. Аронов, 2001. – 246 с.
60. Йордан И. Романское языкознание. Историческое развитие, течения, методы. М. 1971. – 478с.

61. Запевалова Л.А., Талапина М.Б. Цветовые и числовые культураны как базовые элементы в языковой картине мира (на материале русского и английского языков) / Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Сб. Научных трудов. М.-Архангельск. 2011. Вып. 5. с. 226-229.
62. Кайбияйнен А.А. Устойчивые атрибутивно-субстантивные сочетания с прилагательными цвета в современном русском языке. Дисс. канд. филол. наук. – Казань, 1996. 214 с.
63. Каменская М.А., Вычужанина А.Ю. Лингвоцветовая идиоматическая картина мира английских фразеологизмов с компонентом «цветообозначение» (на материале лексикографических источников). [<http://www.sworld.com.ua/konfer20/236.htm>] (дата обращения: 15/07/2014).
64. Карцевский С.О. Сравнение. Текст. / С.О. Карцевский // Вопр. Языкознания. 1976. - № 1. с. 107-112.
65. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры// Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарика, 1998.
66. Качаева Л. Прилагательные, обозначающие цвет в произведениях А.И. Куприна // Уч. зап. ДВГУ. – 1968. – Т. XI. – с. 80–87.
67. Кириллова Н.Н. Сопоставительная фразеология романских языков. Л. 1986. – 81 с.
68. Кириллова Н.Н. О типологии межъязыковых фразеологических соответствий / Проблемы идиоматической фразеологии: Доклады на межвуз. семинаре / Под ред. Н.Н. Кирилловой. Вып. 2. – СПб.: Образование, 1997. – с. 33-42.
69. Кириллова Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект. СПб. 2003. – 269 с.
70. Клейнер Ю.А. К этимологии латинских цветообозначений *flāvus*, *fulvus* и *falvus* / Индоевропейское языкознание и классическая филология – XII. Матер. чтений, посв. памяти проф. И.М. Тронского. (23-25.06.2008). РАН ИЛИ. СПб. 2008. с. 246-253.
71. Клейнер Ю.А. *Aureus* и *flava oliva* в контексте древнесаксонских глосс / Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIV. Материалы

- чтений, посв. памяти проф. И.М. Тронского. (21-23.06.2010). СПб. РАН ИЛИ. 2010, часть II, с. 58-62.
72. Ключева В.Н. Прилагательные, обозначающие цвет, во фразеологических единицах. Уч. зап. 1-го МГПИИЯ, Том X. – М., 1956, с. 3-18.
73. Козлова Н.Н. Когнитивный механизм метафоризации цвета (на материале фразеологизмов с колоративами green / зеленый). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2010. – 25 с.
74. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 262 с.
75. Кравков С.В. Цветовое зрение. – М., 1951. – 358 с.
76. Кравцова Ю.С. Значение цвета в общеполитической лексике (на мат-ле современной англоязычной прессы) / Лексикология и фразеология (романо-германский цикл) Материалы секции XXXVIII Международной филологической конференции 16-20 марта 2009г., Санкт-Петербург / Отв. ред. Н.Г. Мед. – СПб, 2009. с. 68-74.
77. Кукушкина А.Г., Гайдукова Г.М. Цветообозначения в современном немецком языке (человек и части его тела): Монография. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. – 276 с.
78. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках. – М., 2001. – 489 с.
79. Кульпина В.Г. Теоретические аспекты лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2002. – 37 с.
80. КЧКМ = Культура, человек и картина мира. – М., 1987. – 290 с.
81. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М: Высшая школа, 1986. – 381 с.
82. Курчаткина Н.Н., Супрун А.В. Фразеология испанского языка. М.: Высшая школа. 1981. – 144 с.
83. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996, с. 143-184.

84. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. Краснодар: Кубанский гос. ун-т., 1999. – 196 с.
85. Леман В.П. Новое в индоевропеистических исследованиях // Вопросы языкознания 1991. №5. с. 5-26.
86. Лопарева Ю.В. Внутренний мир человека сквозь призму цвета (на материале фразеологизмов испанского языка). Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и Межкультурная коммуникация. 2010. №2. Воронеж, 2010. с. 129-131.
87. Лопарева Ю.В. Арго с колоративами в испанском языке. 2011 [archive.espcentr.sfedu.ru/index.php/ru/2011-07-01-04-53-32/virtualconf] (дата обращения: 12/03/2013).
88. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – 2-е изд., испр. — М.: Искусство, 1995. – 736 с.
89. Макеенко И.В. Семантика цвета в разноструктурных языках (универсальное и национальное). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1999. – 24 с.
90. Мальцева Д.Г. Национально-культурный аспект фразеологии. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М, 1991. – 21 с.
91. Мальцева Э.А. Структурно-семантические и функциональные особенности устойчивых сравнений в современном испанском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1976. – 24 с.
92. Манаков В.С. Цвет и свет в художественном произведении / Межвуз. сб.научн. трудов Сыктывиарского Университета. Сыктывиар 1990. с. 3-12.
93. Маренко Т.В. Рассказ Бунина «Натали» // Изв. РАН СЛЯ. 2010. Т. 69, №2. с. 25-42.
94. Мед Н.Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии (на материале испанской разговорной речи). СПб.: СПбГУ. Фак-т фил. и искусств. 2007. – 233 с.
95. Миассарова Э.Р. Функционирование цветоцветовой концептосферы в текстах (на материале произведений М. Пруста и А. Белого). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 2006. – 22 с.
96. Масленникова К.И. Система цветообозначений современного французского

- языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1973. – 20 с.
97. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 279 с.
98. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Современная русская фразеология (семантика-структура-текст). Кострома, 2011. – 456 с.
99. Миронова Л.Н. Учение о Цвете. – Минск, 1993. – 567 с.
100. Михайлова Т.А. «Красный» в ирландском языке: понятие и способы его выражения // ВЯ. – М., 1994, №6. с. 118-128.
101. Михайлова Т.А. Кровь на снегу // Вестник Мос. Ун-та. Сер. 9. Филология, 2, 1996. с. 48-55.
102. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М. Высшая школа, 1980. – 207 с.
103. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. М.: Высшая школа. 1987. – 288 с.
104. Назарян А.Г. Устойчивые сравнения французского языка. Справочное пособие. – М: изд. РУДН Рос. Ун-та Др-бы народов. 1998. – 334 с.
105. Никитина Т.П. К вопросу о паронимии фразеологических единиц (на материале французского языка) / Проблемы идиоэтнической фразеологии РГПУ им. А.И. Герцена. СПб, 2000, с. 76-81
106. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. Уч. пособие. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. – 253 с.
107. Николаенко Н.Н. Взаимодействие полушарий мозга в процессе восприятия и обозначения цвета // Сенсорные системы. Сенсорные процессы и асимметрия полушарий. – Л., 1985. с. 47-57.
108. Норманская Ю.В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. – М., 2005. – 410 с.
109. НЦИЯ = Наименования цвета в индоевропейских языках / Отв. ред. А.П. Василевич. М.: Ком Книга. 2007. – 342 с.
110. Опарин А.А. Древние города и Библейская археология. Часть первая. Глава седьмая [www.church.kiev.ua/Librery/htm/Oparin_drevnie_goroda/] (дата обращения: 23/09/2015).

111. Охрицкая Н.М. Лингвокультурологический аспект цветоименований в испанских фразеологизмах. Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 29 (210). Филология. Искусствоведение. Вып. 47. Челябинск, 2010. с. 110-116.
112. Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Взаимосвязь эмоций и цвета. // Вестник Московского ун-та. Сер. 14, Психология. 1988 / 3, с. 70-82.
113. Полякова Д.Н. Лингвокультурологический анализ колоронимов в составе профессионально маркированных единиц. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 24 с.
114. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М.: Высш. шк., 1990. – 344 с.
115. Рахилина Е.В. О цветном и бесцветном / Когнитивный анализ предметных имен. Семантика и сочетаемость. М., 2000. с. 267-278.
116. Рахилина Е.В. О семантике прилагательных цвета. // Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ. – М., 2007. с. 211-225.
117. Рогулина Е.Э. Национально-культурная семантика цвета в испанской фразеологии (на материале пиренейского национального вар-та испанского языка). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 23 с.
118. Рок И. Введение в зрительное восприятие. М., 1980. [<http://www.big-library.info/?act=read&book=11541&page=3>] (дата обращения: 21/04/2013).
119. РЧФЯ = Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. / Ред. Серебренников Б.А. – М.: Наука, 1988. – 295 с.
120. Светличная Т.Ю. Сравнительные лингвокультурные характеристики цветообозначения и цветовосприятия в английском и русском языках: Дис. канд. филол. наук. – Пятигорск, 2003. – 345 с.
121. Семенова М.Б. Об этническом стереотипе в испанской фразеологии. Лингвистические и культурологические аспекты романского языкознания. Вестник МГЛУ. Вып. 10 (589). Языкознание. М. 2010. с. 148-154.
122. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993. – 656 с.

123. Серов Н.В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. Текст. /Н.В.Серов. – СПб: Речь, 2004. – 417 с.
124. Соколова Г.Г. Фразообразование во французском языке. М.: Высшая школа, 1970. – 142 с.
125. Соколова К.А. Устойчивые компаративные конструкции с колоративным ахроматическим компонентом «черный» в романских языках (опыт сопоставительного анализа). Сборник Древняя и Новая Романия. Вып. 14. с. 178-188.
126. Соколова К.А. Устойчивые компаративные конструкции с цветовым компонентом «белый» во фразеологии западнороманских языков. Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Филология. Востоковедение. Журналистика. Серия 9. Вып. 4. 2013, с. 137-142.
127. Соколова К.А. Устойчивые компаративные конструкции с цветовым компонентом «красный» в испанском языке (на фоне других романских языков) // Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та, вып. 24 (710). Серия Языкознание и литературоведение. с. 285-295. Испания и Россия в новом коммуникативном пространстве XXI века. IV Международный конгресс испанистов России. – М. ФГБОУ ВПО МГЛУБ 2014 – 734 с.
128. Соколов Е.Н., Вучетич Г.Г, Измайлов Ч.А. К взаимосвязи эмоций и цвета // Эмоции и поведение: системный подход. – М., 1984. с. 275-277.
129. Солодуб Ю.П. К вопросу о совпадении фразеологических оборотов в различных языках // ВЯ. – 1982. №2. – с. 106-114.
130. Соломина Н.К. Семантико-стилистический анализ цветообозначения «черный» в романе Р. Валье-Инклана «Тиран Бандерас» // Проблемы стилистического анализа текста. – Иркутск, 1979. с. 167-175.
131. CRE = Cancionero popular español / Испанская народная поэзия: Сборник. / Сост. Н.Р. Малиновская и А.М. Гелескул. – М.: Радуга, 1987. – На исп. яз. с избранными русскими переводами. – 378 с.
132. Ставицкий А.В. Миф и символ как философские категории социальной действительности. [<http://www.rusprostranstvo.com/article/view/281>]

133. Суровцова М.А. Развитие цветового значения слова «красный» // Рус. яз. в школе – №3, 1970, с. 97-100.
134. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – с. 129-221.
135. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. / В.Н. Телия.- М.: Наука, 1986. – 141 с.
136. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. – М., 1993, с. 302-305.
137. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа, «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
138. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000. – 196 с.
139. Третьякова И.Ю. Окказиональная фразеология. Кострома, 2011.- 245 с.
140. Тэрнер В.У. Проблемы цветовой классификации в примитивных культурах (на мат-ле ритуала ндембу) // Семиотика и искусствознание. – М., 1972, с. 50-81.
141. Тэрнер В.У. Цветовая классификация в ритуалах Ндембу: Проблема невербальной классификации // Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. С. 71-103.
142. Уорф. Б. Наука и языкознание // Зарубежная лингвистика. Т. I. Избранное. – М., 1999. с. 92-106.
143. Фрумкина Р.М. О методе изучения семантики цветообозначений. – Семиотика и информатика, 1978, №10, с. 142-162.
144. Фрумкина Р.М., Михеев А.В., Терехина А.Ю. Экспериментальное изучение семантических отношений в группе слов-цветообозначений. – М., 1982. – 231 с.
145. Фрумкина Р. М. Цвет. Смысл. Сходство (аспекты психолингвистического анализа). – М., 1984. – 175 с.
146. Харченко, В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и

эмоциональности в семантике слова / В. К. Харченко // Рус. яз. в шк. – 1976. – № 3. – С. 66.

147. Чекалина Е.М. Историко-семасиологическое исследование прилагательных цвета во французском языке XI-XVI вв. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1972. – 22 с.

148. Чекалина Е.М. Типологический анализ устойчивых сравнительных оборотов с прилагательными цвета в романских языках. Межвуз. сб. научн. трудов: Национальное и Интернациональное в развитии языков. Отв. ред. Л.А. Вербицкая. Ивановский гос. ун-т. Иваново, 1984, с. 53-60.

149. Чекалина Е.М., Ушакова Т.М. Лексикология французского языка: Учебное пособие / СПб. Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1998 – с. 235.

150. Черданцева Т.З. Идиоматика и культура // ВЯ. – М., 1996 / 1. с. 58-69.

151. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1970. – 200 с.

152. Шелепова Н.В. Контекстуальная эмотивность единиц лексико-фразеологического поля «цвет» (на материале англоязычной прозы XX века). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 20 с.

153. Шерцль В.И. Названия цветов и символическое значение их. – Воронеж, 1884. – 318 с.

154. Шхвацабая Т.И. Цветообозначения в языке и речи (на материале английского языка). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 24 с.

155. Яковлева. Функционирование колоративной лексики в романе В. Набокова «Король, Дама, Валет», 2009. [yspu.org > images/c/c0/Яковлева_статья.doc] (дата обращения: 17/04/2013).

156. Якушкина К.В. Лексико-грамматические средства эвфемии в языке газет Испании. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб, 2009 – с. 24.

157. Яньшин П.В. Эмоциональный цвет: Эмоциональный компонент в психологической структуре цвета. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1996. – 96 с.

158. Alvar J. De la nada al útil de metal / Memoria de España. Madrid. 2004. – 234 p.

159. André J. Etude sur les termes de couleur dans la langue latine. Paris. 1949.- 427 p.

160. André J. Sources et evolution du vocabulaire des couleur en latin / Problèmes de la couleur (ed. Meyerson L.). Paris. 1957. p. 327-338.
161. Arcaini E. Universaux chromatiques et relativisme culturel. Analyse contrastive: demaines français et italien // *Studia Romanica Posnaniensia*. 1993. V. XVII. p. 7-56.
162. Beinhauer, Werner. *El español coloquial*. Madrid: Editorial Gredos: 1978. – 430 p.
163. Berlin, B., Kay, P. 1969 – Basic color terms, their universality and evolution. Berkeley; Los Angeles: U. of California Press, 1969. – 312 p.
164. Berlin B., Kay P., Merrifield W.R. Color term evolution: recent evidence from the World Color Survey. Congress 84th Annual Meeting of American Anthropological Association. Washington. 1985. p. 29-43.
165. Blondal J.E. Phonologie esthétique de la langue français. Paris. 1898. – 411 p.
166. Bosque J. Sobre la definición lexicográfica // *Verba: Anuario Galego de Filoloxia*. 1982. №9. p. 106-123.
167. Briz, Antonio. *El español coloquial: situación y uso*. Madrid: Arco/Libros, 1998. – 132 p.
168. Brusatin M. *Historia de los colores*. (trad. del italiano R. Premat). Barcelona. 2006. – 367 p.
169. Chantraine de van Praag, J. Intensidad expresiva de las comparaciones estereotipadas. AIH. Actas IV (1971). p. 815-816.
170. Corbett G.G., Morgan G. Color terms in Russian: reflections of typological constraints in a single language // *Journal of Linguistics*. 1988. №24. p. 31-64.
171. Fábregas Alfaro A. La estructura léxico semántica de los adjetivos de color: Implicaciones semánticas y sintácticas / *Léxico y Gramática* (Eds. González M., Santo M., Veiga A.). Lugo. 2000. p. 73-81.
172. Ghezzi M. Las construcciones comparativas esteriotipadas. Investigación sociolingüística sobre su uso y aplicación en la clase de ELE. Salamanca, 2009. – 60 p.
173. Gladstone W.E. *Studies of Homer and the Homeric Age*. Vol. 3. London: Oxford University Press, 1858. – 356 p.
174. Gómez Fernández A. Adjetivos de color: observaciones sintáctico-semánticas en francés y en español / *Lingüística para el siglo XXI: III Congreso de Lingüística general*

- celebrado en la Universidad de Salamanca en 1998 (ed. Fernández González J.). Salamanca. 1999. p. 827-840.
175. Graven J. L'argot et le tatouage des criminels: études de criminologie sociale. Neufchâtel, Éditions de la Baconnière, 1962. – 287 p.
176. Gutiérrez Ordóñez S. Estructuras comparativas. – Madrid: Arco Libros, S.L., 2^a ed. 1997. – 57 p.
177. Hardin C.L., Maffi L. (eds.). Color categories in thought & language. Cambridge University Press. 1997. – 189 p.
178. Hickerson N. Review of Basic Color Terms // International Journal of American Linguistics 1971. V. 37. p. 257-270.
179. Kay P., McDaniel C. The linguistic significance of the meaning of basic color terms // Language 1978. V. 54/3. p. 610-646.
180. Kay P., Berlin B., Merrifield W.R. Human color categorization: a survey of the world's unwritten languages. Research proposal submitted to the National Science Foundation // Journal of Linguistics Anthropology. 1979. 1. p. 12-25.
181. Kristol A.-M. Color. Les langues romanes devant le phénomène de la couleur // Romanica Helvetica. 1978. №88. p. 89-102.
182. Kristol A.-M. Un champ sémantique en mutation constante: l'expression de la couleur dans les langues romanes // Terminologie & Traduction. 1994. №2. p. 29-52.
183. Luzzatto L., Pompas R. Il significato dei colori nelle civiltà antiche, Milano, ed. Bompiani, 1988. – 262 p.
184. López Morales, Humberto *Sociolingüística*. Madrid: Editorial Gredos, 1989.
185. Lücher M. Il test dei colori. Roma, 1976. – 135 p.
186. Mallory J.P., Adams D.Q. Encyclopedia of Indo-European Culture. London-Chicago. 1997. – 357 p.
187. Marina J.A. La selva del lenguaje. Introducción a un diccionario de los sentimientos. Barcelona: Anagrama. 1999. – 198 p.
188. Mollard-Desfour A. Les mots de couleur: des passages entre langues et cultures // Synergies Italie. 2008. №4. p. 23-32.

189. Morgan G. Basic Color Terms: comparative results for French & Russian // French Languages studies. 1993. V. 3/1. p. 1-17.
190. Pagani C. Le variazioni antropologico-culturali dei significati simbolici dei colori. 2001. [<http://www.ledonline.it/leitmotiv/>] (дата обращения: 6/03/2015).
191. Pamies B.A., Iñesta M.E., Lozano W.C. El perro y el color negro, o el componente valorativo en los fraseologismos // Léxico y fraseología. Granada, 1998. p.79-83.
192. Pawlik J. Teoría del color (traducción del alemán C. Forrea). Barcelona, 2007. – 453 p.
193. Quine W.O. Natural kinds. Cornell University Press. London, 1977. – 270 p.
194. Rello L. Términos de color en español: semántica, morfología, y análisis lexicográfico. Definiciones y matices semánticos de sus afijos // Diálogo de la lengua. 2009. №1. p. 89-164.
195. Renner P. Ordnung und Harmonie der Farben. Ravensburg. 1947. – 342 p.
196. Rodríguez Ponce M.I. “Las comparaciones estereotipadas y su aprovechamiento en la enseñanza del español como lengua extranjera”. En Actas del XVI congreso de Asele” *en línea+. 2005. [http://cvc.cervantes.es/ensenanza/biblioteca_ele/asele/pdf/16/16_0526.pdf] (дата обращения: 15/02/2013).
197. Rodríguez Ponce M.I. Nuevas aportaciones sobre las comparaciones estereotipadas en la enseñanza de ELE. [http://www.mecd.gob.es/dctm/redele/Material-RedEle/Revista/2006_08/2006_redELE_8_06Rodriguez.pdf?documentId=0901e72b80df3663] (дата обращения: 25/02/2014).
198. Skultéty J. Los adjetivos en castellano que designan el color *rojo* / Actas del IV Congreso Internacional de Hispanistas (Coord. Bustos Tovar E.). Salamanca. Asociación Internacional de Hispanistas. 1982. V. 2. p. 665-671.
199. Scuza S. Le sfumature del colore blu e verde nelle espressioni idiomatiche e paremiologiche in italiano, francese e polacco. / études romanes de Brno, 2010, Vol. 31, iss.1, p. 229-239.
200. Szalek J. Estructura fraseológica del Español moderno // Seria Filología Romanska. 2010. – 38. p.

201. Szalek J. Los colores y su semántica en las expresiones fraseológicas españolas // *Studia Romanica Posnaniensia*. 2005. V. 32. p. 87-96.
202. Vasari G. *Le vite di più eccellenti pittori, scultori e architettori*. Firenze. 1906. V. IV. – 378 p.
203. Wierzbicka A. The meaning of color terms // *Cognitive Linguistics*. 1990. №1., p. 99-155.

Словари и справочники:

1. Испанско-русский словарь / Под ред. Б.П. Нарумова.- М., 1988. – 832 с.
2. Испанско-русский фразеологический словарь / Под ред. Э.И. Левинтовой.- М., 1985. – 1080 с.
3. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. М., 1993. – 1195 с.
4. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь / Под ред. В.Г. Гака. – М., 2005. – 1625 с.
5. Новый итальянско-русский словарь / Под ред. Г.Ф. Зорько, Б.Н. Майзеля, Н.А. Скворцова. – М., 1995. – 1018 с.
6. Итальянско-русский фразеологический словарь / Под ред. Я. И. Рецкера. – М., 1982. – 1056 с.
7. Керлот Х.Э. Словарь символов. – М., 1994. – 348 с.
8. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М. 1975. – 722 с.
9. ЛРС = Латинско-русский словарь, Дворецкий И.Х., М.: Русский язык, 1976. – 1088 с.
10. Симеонова С. Словарь испанской разговорной речи / Славка Симеонова. М.: УРСС, 2001. – 275 с.
11. Тресиддер Д. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. – М., 1999. – 368 с.
12. ФЭС = Философский энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 623 с.
13. Bernet C., Rézeau Bardolle P. *On va le dire comme ça*. Dictionnaire des expressions quotidiennes. Gawsewitch et Naulleau Éditeurs. – Balland, 2008. – 1085 p.
14. Buitrago Jiménez A. *Diccionario Espasa. Dichos y frases hechas*. – Madrid: Espasa

Calpe, 1997. – 900 p.

15. Cela = C.J. Cela. Diccionario secreto. 2. Parte segunda. Madrid. 1974. – 465 p.

16. Dizionario dei modi di dire, proverbi e locuzioni di Italiano di Giuseppe Pittano, Zanichelli editore, Bologna, 2009 – 352 p.

17. García Remiro J.L. ¿Qué queremos decir cuando decimos ... ? Frases y Dichos del lenguaje diario. Madrid, 2001. – 321 p.

18. Garzanti etimologico, Tullio De Mauro, Marco Mancini, Milan: Garzanti Linguistica, 2000. – 2317 p.

19. Irribarren J.M. El porqué de los dichos. Pamplona. 1997. – 468 p.

20. Kurtz J.P. Dictionnaire Etymologique des Anglicismes et des Américanismes. 1892. [<https://books.google.ru/books?id>] (дата обращения: 18/08/2015).

21. Ménage G. Dictionnaire etymologique ou Origines de la langue françoise. – Paris, 1694. – 567 p.

22. Mollard-Desfour, A. Le Dictionnaire des mots et expressions de couleur du XX-e siècle: Le Bleu/ Annie Mollard-Desfour; Pref. de Michel Pastoureau.- Paris: CNRS,2000. – 257 p.

23. Mollard-Desfour, A. Le Dictionnaire des mots et expressions de couleur du XX-e siècle: Le Rouge/ Annie Mollard-Desfour; Pref. de Sonia Rykiel.- Paris: CNRS,2000.- 490 p.

24. Mollard-Desfour, A. Le Rose: dictionnaire de la couleur: mots et expressions d'aujourd'hui (XX-XXI siècles). Paris: CNRS Éditions, 2002. – 287 p.

25. Mollard-Desfour, A. Le Noir: dictionnaire de la couleur: mots et expressions d'aujourd'hui (XX-XXI siècles). Paris: CNRS Éditions, 2005. – 288 p.

26. Mollard-Desfour, A. Le Blanc: dictionnaire de la couleur: mots et expressions d'aujourd'hui (XX-XXI siècles). Paris: CNRS Éditions, 2008. – 332 p.

27. Mollard-Desfour, A. Le Vert: dictionnaire de la couleur: mots et expressions d'aujourd'hui (XX-XXI siècles). Paris: Centre national de la recherche scientifique, CNRS Éditions, 2010. – 424 p.

28. DSM = Diccionario de Símbolos y Mitos. Pérez Rioja J.A. – Madrid, 1997. – 452 p.

29. Rey A., Chantreau S. Le Robert. Dictionnaire d'expressions et locutions. Paris, 2007. – 1086 p.
30. Sanmartín Sáez J. Diccionario de argot. Madrid. 1988. – 862 p.
31. Seco M. Diccionario fraseológico documentado del español actual: locuciones y modismos españoles. Madrid: Aguilar Lexicografía, 2004. – 314p.
32. Varela F., Kubarth H. Diccionario fraseológico del Español Moderno. Madrid. 1996. – 678 p.
33. Sorge P. Dizionario dei modi di dire della lingua italiana. Origine e significato delle frasi idiomatiche e delle forme proverbiali rare e comuni. Newton Compton editori. – Roma, 2011. – 286 p.

Источники (Художественная литература):

1. Набоков В. Память, говори. / Собрание сочинений американского периода в 5 томах (1899 - 1999). Том V. СПб. 1999. с. 698.
2. Abran E. Ni Dieu Ni Diable (t. 1). Éd. Michel Langevin, 2013, p. 480.
3. Aguilera Malta, D. Una pelota, un sueño y diez centavos. Editorial: Joaquín Mortiz, - México, 1988. p. 170.
4. Balzac, H. de Eugénie Grandet, Editions Gallimard, Paris, 1972, p. 219.
4. Bigongiari D. Parola di un operaio «antico» la mia fabbrica. Jaca Book Ed. Milano. 1997. p. 148.
5. Caso, A. El peso de las sombras. Editorial: Planeta, - Barcelona, 1994. p. 222.
6. Daudet A. Lettres de mon moulin 1866, www.dicocitations.com [le dictionnaire des citations URL: <http://www.dicocitations.com/citation/loup/1/25.php>] (дата обращения: 19/12/2013).
7. Fernández Santos, J. Extramuros. Argos Vergara, Barcelona. Editorial, S.A., 1978. p. 252.
8. Landero L. Juegos de la edad tardía. Tusquets (Barcelona), 1993. p. 394.
9. Lajolo D. Tratto dal racconto «Gli undici gelsi» nel libro «I mè» [http://www.parcoletterario.it/it/autori/p_lajolo/vinchio/06.htm] (дата обращения: 19/12/2013).

10. Liori G. «Come un fumetto giapponese. Giunti Editore, - Firenze, 2001 p. 156
11. Marsé J. Rabos de lagartija. Lumen (Barcelona), 2000. p. 354.
12. Mompradé Electra L., Gutiérrez T.: Indumentaria tradicional indígena. Tomo I. México D. F. / Buenos Aires: Hermes, 1981. p. 255.
13. Morale G. Paulu Piulu. Torino: Marco Valerio 2006. p. 176.
14. Verga G. I Malavoglia. ed. Zanichelli, Bologna. 1989. p. 314.
15. Seguí, M. Los últimos dinosaurios vivos. Tras la pista de un mundo perdido. Ediciones La Espiral del Conocimiento, - Barcelona 2002. p. 143
16. Torbado Carro, J. El peregrino. Editorial: Planeta, - Barcelona, 1993 . p. 512

Интернет источники:

1. www.zipsites.ru/books/simvolika_tsveta/ (дата обращения: 7/06/2014)
2. <http://almogavares.foros.ws/t323/origen-de-expresionesfrasespopulares>. (дата обращения: 7/06/214)
3. <http://tradicionclasica.blogspot.com/2004/12/quiero-ser-un-viejo-verde.html> (дата обращения: 7/06/14)
4. <http://es.answers.yahoo.com/question/index?qid=20070629102024AA3ArEK> (дата обращения: 7/06/14)
5. www.periodistadigital.com [periódico digital URL: <http://www.periodistadigital.com/periodismo/internet/2010/01/24/futuro-estudiantes-periodismo-mas-negro-alma-judas.shtml>] (дата обращения: 8/10/2013).
6. www.agrestecaza.com [revista digital URL: http://www.agrestecaza.com/imprimir_articulo.asp?id=47] (дата обращения: 16/10/2013).
7. www.bourseauxsequences.free.fr/ [le site de profs de Français URL: http://bourseauxsequences.free.fr/s%E9quences/s%E9quences_de_sixi%E8me/le%20conte/supports/le%20roi%20des%20corbeaux.htm] (дата обращения: 12/11/2013).
8. www.horsjeu.net [revue digitale URL: <http://horsjeu.net/academies/real-betis-atletico-madrid-1-1-la-balompie-academia-livre-ses-notes/>] (дата обращения: 10/112013).

9. www.communication-jeunesse.qc.ca [branché sur la littérature québécoise et canadienne-français pour la jeunesse URL: <http://www.communication-jeunesse.qc.ca/repertoires/createurs/fiches.php?id=53-56-6923>] (дата обращения: 16/01/2014).
10. www.stefanomarcelli.com [электронный ресурс: <http://www.stefanomarcelli.com/oldstefanomarcellithreelanguages/italiano/heihaihouwa.htm>] (дата обращения: 13/02/2014).
11. <http://bouillybouclette.canalblog.com/archives/2010/05/26/18005710.html> (дата обращения: 13/02/2014)
12. <http://www.trucsdegrandmere.com/sante/neutraliser-gros-coup-soleil.html> (дата обращения: 13/02/2014)
13. <http://www.inlibroveritas.net/lire/oeuvre18615-chapitre92398.html> (дата обращения: 19/03/2014)
14. <http://forum.alfemminile.com/forum/psycho1/f23511-psycho1-Divento-sempre-rossa-come-un-peperone.html> (дата обращения: 19/03/2014)
15. http://esorcismo.altervista.org/sat_vita_santi_24.htm (дата обращения: 19/03/2014)
16. <http://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2013/07/09/la-velenosa-belladonna-la-ciliegia-della-follia.html> (дата обращения: 25/03/2014)
17. http://www.astralis.it/capricorno_p.htm (дата обращения: 25/03/2014)
18. www.momes.net/Comptines/Berceuses/ (дата обращения: 8/05/2014)
19. <http://www.sworld.com.ua/konfer20/236.htm> (дата обращения: 7/16/15)
20. <http://the-book-of-mum.com/tag/racisme-ordinaire> (дата обращения: 18/02/14)
21. <http://teemix.aufeminin.com/forum/complexeteen/f2738-complexeteen-Je-suis-horriblement-moche.html>. (дата обращения: 3/04/2014)
22. http://www.be.com/forum/beaute/Soin-peau/peau-blanche-cachet-sujet_170_1.htm. (дата обращения: 12/12/2014)
23. http://www.ehowenespanol.com/significado-piedra-lapislazuli-sobre_115801/ (дата обращения: 17/05/2014)
24. <http://perpignan.online.fr/pages/legendes.htm>. (дата обращения: 18/02/2015)
25. <http://www.nikonschool.it/life/fiocco-neve.php>. (дата обращения: 15/03/2015)

26. <http://digilander.libero.it/frontedeserto/biografie/sulimanbio.htm>. (дата обращения: 3/06/2015)
27. CREA = Corpus de Referencia de español actual. <http://corpus.rae.es/creanet.html> (дата обращения: 22/09/2013)
28. <http://www.expressio.fr/expressions/au-diable-vauvert.php>. (дата обращения: 2.07.2016)
29. <http://www.canalacademie.com/ida3743-Aller-au-diable-vauvert.html>. (дата обращения: 2.07.2016)

Приложение 1.

Внутриязыковые фразеологические варианты

Французский язык

être en noir / porter le noir (букв. быть в черном/носить черное) –	носить траур
Être / nager dans le bleu (букв. быть / плавать в голубом)–	предаваться сладким мечтам
passer / aller / changer du blanc au noir (букв. переходить / идти / менять от белого к чёрному) —	переходить из одной крайности в другую
coustu de fil / câble blanc (букв. шитый белой ниткой / канатом)-	шитый белыми нитками
marquer d'un caillou blanc / d'une Pierre blanche (букв. отметить белым камнем) —	отметить белым камнем как важное или радостное событие
coup blanc (букв. белый удар) / chou blanc (букв. белая капуста) –	безрезультатное действие, тщетная попытка.
voir tout (en) blanc / bleu / rose (букв. видеть все в белом/голубом/розовом)–	видеть все в розовом свете, быть оптимистом
rêve blanc / bleu (букв. белая / голубая мечта) –	светлая мечта, сон на яву
avoir les foies blancs / verts (букв. иметь белые / зеленые печени)–	прост. трусить, дрейфить
n'y voir que du blanc / du blanc et du noir / du bleu (букв. не видеть ничего, кроме как белого / белого и черного / голубого)–	1) смотреть в книгу и ничего не различать из-за темноты, слабости зрения, 2) смотреть в книгу и видеть фигу
Franchir / dépasser la ligne jaune / blanche / rouge (букв. пересечь желтую / белую / красную линию)–	перейти рамки дозволенного

silence blanc / noir (букв. белое / черное молчание) –	мертвая тишина
peur bleu / blanche / noire (букв. голубой / белый / черный страх) —	жуткий, панический страх
être bleu / vert de peur (букв. быть голубым / зеленым от страха)-	посинеть (позеленеть) от страха
méchant / mauvais comme un âne rouge (букв. скверный / плохой как красный осел)–	упрямый как осел; злой как черт
heure, période rouge (букв. красный час, период) – пассивный счет	пассивный счет
bouffeur du blanc (букв. любитель поест белого) / mangeur du blanc (букв. едок) –	арго: сутенер
en (faire) voir de grises / bleues (букв. показывать их серыми / гоубыми) –	всего насмотреться, попасть в переплет, показать, где раки зимуют
en devenir / en être / en rester (tout) bleu (букв. становиться / быть / оставаться полностью голубым) –	разинуть рот от удивления, растеряться
en dire (en raconter) de(s) vertes et de(s) pas mûres (букв. говорить / рассказывать зеленые и незрелые) –	рассказывать возмутительные вещи
bec jaune / blanc (букв. желтый / белый клюв)	желторотый птенец, молокосос

colère blanche (bleue , jaune, rouge, noir) (букв. «белый / голубой / желтый / красный / черный гнев») –	ярость
verte semonce / mercuriale (букв. зеленый нагоняй / выговор) –	здоровая, основательная нахлобучка, нагоняй.
connu comme le loup gris / blanc (букв. известный как серый / белый волк) –	хорошо известный
faire brun / noir (букв. делать коричневый / черный)	темнеть

Испанский язык:

notar (señalar) con piedra blanca (букв. отметить белым камнем) –	отметить как радостное событие
pasar (saltarse) un disco (en) rojo (букв. пройти / проскочить на красный) –	перейти на красный свет
haba negra, garbanzo negro (букв. черный боб, горох) -	выродок
bestia negra, oveja negra (букв. черное животное, черная овца) -	урод, паршивая овца.
cuento verde / chiste verde (букв. зеленый рассказ, зеленая шутка)–	непристойная шутка, пошлый анекдот

ponerle de verde y amarillo a uno / de oro y azul (букв. поставить кого-то зеленым и желтым, золотым и голубым)	разделать под орех, обругать последними словами.

Итальянский язык:

merlo bianco, corvo bianco, cornacchia bianca (букв. белый дрозд, белый ворон, белая ворона) –	белая ворона, редкость, диковина
credersi il figlio dell'oca / gallina bianca (букв. считать себя сыном белой гусыни / курицы)–	считать себя привилегированным
libro nero / lista nera (букв. черная книга, список)–	черный список
sogno rosa /dorato (букв. розовая / золотая мечта) –	светлая мечта, сон на яву
fare / avere gli occhi rossi (букв. делать / иметь красные глаза)–	плакать
andare / essere in rosso (букв. ходить / быть в красном)–	превысить остаток на счёте в банке
essere blu / verde di paura (букв. быть синим / зеленым от страха)–	посинеть (позеленеть от страха)
verde vecchiezza / vecchiaia (букв. зеленая старость) –	здоровая старость

avere / portare il cintol(in)o / il filo rosso (букв. иметь / носить красный ремешок (нитку)) –	пользоваться преимуществом, быть в привилегированном положении
---	--

Приложение 2.

Внутриязыковые фразеологические синонимы

Французский язык:

chagrin noir (букв. черная тоска), humeurs noires (букв. черные настроения), mélancolie noire (букв. меланхолия), papillons noirs (букв. черные бабочки), dragons noirs (букв. черные драконы), machins noirs (букв. черные штуковины), idées noires (букв. черные удары), coup de bleues (букв. удар голубых), les diables bleus (букв. голубые бесы) – noirs soucis (букв. черные заботы) — noirs pressentiments (букв. черные предчувствия) —	мрачные измышления, приступы меланхолии разг. тоска, меланхолия печальные заботы тяжёлые предчувствия	11
période rouge (букв. красный период), compte en rouge (букв. счет в красном) – manger le vert et le sec (букв. есть зеленое и сухое) – prendre (porter) le bonnet vert (букв. взять / надеть	пассивный счет растранжирить все свои деньги уст. обанкротиться, разориться	4

зеленый колпак)–		
mangeur du blanc (букв. едок белого), dos vert (букв. зеленая спина)	(арго) сутенер	2
coup blanc (букв. белый удар), coups bleus (букв. голубые удары) - four noir (букв. черная печь) – sortir avec le bâton blanc (à la main)) (букв. выйти с белой тростью в руке) – coup bleu (букв. голубой удар) –	безрезультатное действие, тщетная попытка полнейший провал уйти несолоно хлебавши, уйти ни с чем 1) выстрел в воздух 2) напрасный труд	5
c'est chou vert et vert chou (букв. это капуста зеленая и зеленая капуста) c'est bonnet blanc et blanc bonnet (букв. это белый колпак и колпак белый)	это одно и то же	2
voir vaches noires en bois brûlé (букв. видеть черных коров в сгоревшем лесу) – Être / nager dans le bleu (букв. быть / плавать в голубом)- se monter le vert en fleurs (букв. поднимать зеленое в цветы)-	предаваться приятным, несбыточным мечтам, питать иллюзии	3
avoir un blanc (букв. иметь белый) – passer au bleu (букв. пройти в голубой) – avoir une mémoire de poisson rouge (букв. иметь память красной рыбы) –	провал в памяти предать забвению, не вспомнить иметь короткую память	3
oiseau bleu (букв. синяя птица)– rêve bleu / blanche (букв. голубая / белая мечта)-	синяя птица, недостижимый идеал светлая, чистая мечта	3

fleur bleue (букв. голубой цветок) –	греза; сентиментальность	
bibliothèque bleue (букв. голубая библиотека) – bibliothèque rose (букв. розовая библиотека) –	рыцарские романы; рассказы и сказки для детей от 4 до 8 лет книги для детей (9-14 лет)	2
éléphant blanc (букв. белый слон) – singe vert (букв. зеленая обезьяна) –	заморское чудо, невидаль фантастическое чудовище; невероятная вещь	2
être dans le noir (le plus complet) (букв. быть в черном (наиболее полном)) n'y voir que du bleu (букв. не видеть ничего кроме голубого) – être page blanche (букв. быть белой страницей)–	ничего тут не понимать быть в полном неведении о том, что происходит	3
prendre qn sans vert (букв. взять кого-то без зеленого)– faire marron (букв. делать коричневый)–	застигнуть кого-либо врасплох поймать с поличным, схватить, арестовать	2
mettre son nez dans le bleu (букв. совать нос в голубое) – être gris (букв. быть серым) – être entre le blanc et le clair (букв. быть между белым и легким вином) gris comme un Cordelier (букв. серый как монах)– être noir (букв. быть черным) – avoir une ivresse blanche (букв. иметь белое пьянство) – trogne rouge (букв. красная морда) –	напиться пьяным быть навеселе быть навеселе пьяный в стельку быть пьяным быть в доску пьяным	8

<p>voir voler des elephants roses (букв. видеть летающих розовых слонов) –</p>	<p>прост. веселая пьяная рожка</p> <p>видеть кошмары, напиться до зеленого змия</p>	
<p>accommoder au beugre noir (букв. украсить по черному маслу) –</p> <p>se faire un bleu (букв. сделать себе синий) –</p> <p>coller des marrons (букв. наклеивать коричневые)</p> <p>-</p>	<p>поставить синяк</p> <p>посадить синяк</p> <p>наносить удары (кулаком)</p>	3
<p>n`avoir pas (une goutte) du sang blanc (букв. не иметь (ни капли) белой крови) –</p> <p>avoir les foies blancs (букв. иметь белые печени) –</p> <p>avoire la trouille verte</p>	<p>быть вялым, слабохарактерным, тряпкой</p> <p>быть трусом</p> <p>смертельно испугаться</p>	3
<p>mettre qn à blanc (букв. поставить кого-то в белое)</p> <p>–</p> <p>réduire qn au blanc (сократить кого-то до белого) –</p>	<p>обыграть кого-либо дочиста, разорить дотла</p> <p>довести кого-либо до нищеты, пустить по миру</p>	2

<p>misère noire (букв. черная нищета) –</p> <p>le drapeau noir flotte sur la marmite (букв. черный флаг развевается над кастрюлей) –</p> <p>être dans une dèche noire (букв. находиться в черной нищете) –</p>	<p>беспросветная нужда</p> <p>дела плохи, положение скверное</p> <p>прост. сидеть без денег, без гроша, бедствовать, впасть в нищету</p>	3
<p>film noir (букв. черный фильм) —</p> <p>série noire (букв. ченый сериал)–</p>	<p>фильм ужасов; детективный фильм</p> <p>детективные романы</p>	2
<p>sortir blanc (букв. выходить белым) –</p> <p>être tout blanc (букв. быть полностью белым) –</p>	<p>сохранить незапятнанную репутацию</p> <p>быть невиновным</p>	2
<p>onde noire (букв. черная волна) –le noir rivage (букв. черный берег) –</p>	<p>поэт. река смерти, Стикс</p> <p>поэт. берег Стикса, царство смерти.</p>	2
<p>le noir trajet (букв. черный путь) –</p> <p>billet noir (букв. черный билет) –</p>	<p>поэт. кончина</p> <p>смерть</p>	2

<p>nuages noirs à l'horizon (букв. черные облака на горизонте) –</p> <p>il fait noir (букв. он делает черным) –</p>	<p>нависшая опасность, угроза</p> <p>будущее темно, грозит опасностью</p>	2
<p>froid noir (букв. черный холод) –</p> <p>temps vert (букв. зеленая погода) –</p>	<p>холодная, промозглая, пасмурная погода</p> <p>сырая, дождливая погода</p>	2
<p>conte(s) bleu(s) (букв. голубые рассказы) –</p> <p>elle est bleue, celle-là! (букв. эта, она - голубая) –</p>	<p>басни, небылицы, вздор</p> <p>разг. эка небылица! Турусы на колесах!</p>	2
<p>marquer qn. à l'encre rouge (букв. отметить кого-либо красными чернилами) –</p> <p>regarder qch d'un œil noir (букв. смотреть черным взглядом) —</p> <p>regard noir (букв. черный взгляд) —</p>	<p>затаить злобу на кого-либо</p> <p>смотреть на что-либо недовольно, с раздражением</p> <p>злой взгляд</p>	3

Испанский язык:

<p>verde y con asa(s) (букв. зеленый и с ручками) –</p> <p>blanco y mizado, leche (букв. белый и раскрошенный, молоко) –</p>	<p>(говоря о чем-то очевидном)</p>	2
<p>estar verde (букв. быть зеленым) –</p>	<p>не знать чего-либо, не иметь</p>	2

estar en blanco (букв. быть в белом) –	ничего не знать, быть круглым невеждой	
mirlo blanco (букв. белый дрозд)– mosca blanca (букв. белая муха –	белая ворона	2
dar / tener luz verde - dar / tener carta blanca (букв. давать / иметь зелёный свет)	давать / иметь свободу действий	4
salir en blanco (букв. выйти в белое) quedarse en blanco(букв. остаться в белом)	не удастся, сорваться остаться с носом, при пиковом интересе	2
¡por la paloma azul! (букв. за синюю голубку) ¡por vida del chápulo (verde)! (букв. за жизнь зеленой шляпы)	Черт возьми! Вот черт!	2
tener la sombra negra (букв. иметь черную тень) – ésta es (la) más negra (ésta sí que es negra) (букв. эта самая черная (эта – действительно, черная)) – tocarle a uno la negra (букв. касаться кого-то черная) –	быть несчастным, невезучим, быть неудачником вот неудача! Надо бы хуже, да некуда! попасть в полосу неудач	4
no tener blanca (букв. не иметь белой) – estar sin blanca (букв. находиться без белой) –	сидеть без денег	2

Итальянский язык:

mosca bianca (букв. белая муха)	редкость, белая ворона	4
---------------------------------	------------------------	---

<p>una cornacchia bianca (белая ворона)–</p> <p>cosa da segnare col carbone bianco (букв. вещь, чтобы пометать белым углем) -</p> <p>raro come un cane giallo (i cani gialli) (букв. редкий как желтая собака)-</p>		
<p>bile nera (букв. черная желчь); cuore nero (букв. черное сердце) –</p>	<p>черная меланхолия, глубокая печаль</p>	<p>2</p>
<p>avere molti globuli rossi (букв. иметь много эритроцитов) –</p> <p>bianco e rosso (букв. белый и красный) –</p> <p>vivo e verde –</p> <p>avere del verde (букв. иметь зеленого) –</p> <p>nel verde degli anni (букв. в зелени лет) –</p>	<p>быть полнокровным, крепким, сильным</p> <p>кровь с молоком</p> <p>здоровый и полный сил</p> <p>быть крепким, здоровым</p> <p>во цвете лет, в расцвете сил.</p>	<p>4</p>
<p>verde età (букв. зеленый возраст) –</p> <p>anni verdi (букв. зеленые годы) –</p>	<p>юность</p> <p>годы юности</p>	<p>2</p>
<p>andare in bianco (букв. ходить в белом),</p> <p>restare bianco e antico (букв. остаться белым и древним), rimanere bianco (букв. пребывать белым);</p> <p>bere bianco (букв. пить белое) –</p>	<p>сесть в лужу, в калошу, потерпеть неудачу</p>	<p>4</p>

<p>essere più ghiotto che il can di Babbo nero (букв. быть более жадным чем пес черного Папы)</p> <p>largo come una pina (verde) (букв. щедрый как зеленая шишка)</p>	<p>щедрый как ростовщик</p>	2
<p>pecore bianche (белые овцы) –</p> <p>portare il cinturino rosso (носить красный пояс)-</p> <p>sangue azzurro / blu (букв. голубая кровь) –</p> <p>natto nell'azzurro (букв. рожденный в синем) –</p>	<p>быть особенным, пользоваться преимуществом, иметь привилегии</p> <p>аристократизм, благородство</p> <p>голубых кровей</p>	4
<p>nascere col cintolo rosso (букв. родиться с красным поясом) – avere il nastrino rosso (букв. иметь красную ленточку) –</p>	<p>быть счастливым</p> <p>родиться в рубашке.</p>	2

Приложение 3.

Внутриязыковые антонимы

Французский язык:

розовый – черный	humeur de rose (букв. розовое настроение) / humeur noire (черное настроение)	прекрасное настроение / мрачное настроение
розовый – черный	idées roses / idées noires (букв. розовые / черные идеи)	иллюзии / мрачные мысли
черный – белый / голубой / розовый	voir tout en noir — voir tout en blanc / bleu / rose (букв. видеть все в черном – видеть все в белом / голубом / розовом)	видеть всё в мрачном свете / видеть все в розовом свете
черный – голубой	heure noire – heure bleue (букв. черный – голубой час)	поздний, глухой час – предраассветный час

Испанский язык:

белый – черный	día blanco / día negro (букв. белый / черный день) –	счастливый / несчастный день
белый – черный	notar (señalar) con piedra blanca / negra (букв. отмечать белым / черным камнем)–	отметить какое-л. событие как счастливое / несчастливое
белый – красный	estar blanco / estar rojo (букв. быть белым / красным) –	не иметь судимости – быть в розыске

Итальянский язык:

черный – красный	essere in nero (букв. быть в черном) – essere in rosso (букв. быть в красном) –	иметь положительный счет в банке иметь задолженность
черный - белый	giornata nera / bianca (букв. черный / белый день)–	благоприятный - неблагоприятный день
черный – белый	pecora nera – pecore bianche (букв. черная овца / белые овцы) –	выродок, паршивая овца - привилегированные

Приложение 4.

Внутриязыковые паронимы

Французский язык:

nuit blanche – nuits blanches (букв. белая ночь – белые ночи)	бессонная ночь – белые ночи
bête noire – bêtes noires (букв. черное животное – черные животные)	предмет особой ненависти, отвращения – кабаны, волки
humeur noire — humour noir (букв. черное настроение-черный юмор)	чёрная меланхолия – черный юмор; юмор висельника

coup de bleues - coup bleu (букв. удар голубых – голубой удар)	период меланхолии - холостой выстрел, безрезультатное действие
être en noir – être noir (букв. быть в черном – быть черным)	быть в трауре – быть пьяным

Испанский язык:

moscas blancas; mosca blanca (букв. белые мухи; белая муха)–	снег, снежинки - белая ворона
con guante blanco; de guante blanco (букв. с белой перчаткой; в белой перчатке)–	вежливо, корректно - светский

Итальянский язык:

punto nero; punti neri (букв. черная точка; черные точки) –	позорное пятно – угри
fare nero ; fare di nero (букв. сделать черным; сделать черного)–	дать по шее - поститься
far bianco ; farsi bianco (букв. сделать белым; сделаться белым) –	жарг. прикончить - оправдаться

giorni neri (букв. черные дни) –	черные дни; дни поста
giornata nera (букв. черный рабочий день) -	тяжелый, трудный, несчастный день

Приложение 5.

Межъязыковые фразеологические эквиваленты:

В трех языках:

Полные эквиваленты				
ЦК	испанский	французский	итальянский	перевод
белый (9)	dar / tener carta blanca	donner / avoir carte blanche	dare / avere carta bianca	давать / иметь свободу действий
	magia blanca	magie blanche	magia bianca	белая магия
	mirlo blanco	merle blanc	merlo bianco	белая ворона
	bola blanca	boule blanche	palla / fava bianca	белый шар; хорошая отметка на экзамене.
	cabello(s) blanco(s);	cheveux blancs	capelli bianchi	седые волосы
	libro blanco	livre blanc	libro bianco	собрание оправдательных политических и дипломатических документов
	arma blanca	arme blanche	arma bianca	холодное оружие
	bandera blanca	drapeau blanc	bandiera bianca	белый флаг

	noche en blanco	nuit blanche	notte bianca (in bianco)	бессонная ночь
черный (10)	bestia negra	bête noire	bestia nera	нечто ненавистное, презируемое.
	bolsa negra, mercado negro	marché noir;	borsa nera, mercato nero	черный рынок
	bilis negra	bile noire	bile nera	хандра
	verlo todo negro	voir tout en noir	vedere (tutto) (in) nero	видеть в мрачном свете
	magia negra	magie noire	magia nera	черная магия
	negra ingratitud	noire ingratitude	nera ingratitudine	чёрная неблагодарность
	humor negro	humour noir	umorismo nero	юмор висельника
	oveja negra	mouton noir	pecora nera	паршивая овца
	bandera negra	drapeau noir	bandiera nera	пиратский флаг
	suerte negra	noire destinée	nero destino	злая судьба, горькая доля
Черный/белый (2)	blanco sobre negro	noir sur blanc	nero su bianco	чёрным по белому, чётко, ясно
	en blanco y negro	en noir et blanc	in bianco e nero	черно-белый

красный (1)	bandera roja	drapeau rouge	bandiera rossa	красное знамя
зеленый (1)	tapete verde	tapis vert	tappeto verde	карточный стол
синий (1)	sangre azul	sangue bleu	sangue azzurro	голубая кровь
желтый (1)	prensa amarilla	presse jaune	stampa gialla	жёлтая пресса
серый (2)	eminencia gris	éminence grise	eminenza grigia	тайный советник высокопоставленного лица
	sustancia gris	matière grise, substance grise	materia grigia, sostanza grigia	серое вещество, мозг
Всего: 27				

Частичные эквиваленты				
В трех языках: 3	испанский	французский	итальянский	перевод
	estar cosido con hilo blanco	être cousu de fil blanc	essere cucito a filo bianco	белыми нитками шито
	ver algo de color de rosa	voir tout en rose	vedere tutto (color) rosa	смотреть на мир сквозь розовые очки
	sueño dorado	rêve blanc / bleu	sogno rosa	светлая мечта, греза

В двух языках				
	más raro que un perro verde	-	raro come un cane giallo (I cani gialli)	редкость
	ladrón de guante blanco	-	ladro in guanti gialli	вор, не оставляющий за собой следов
	moscas blancas	papillons blancs	-	снег, снежинки
	dar luz verde (букв. давать зеленый свет)	donner le feu vert (букв. давать зеленый огонь) –		дать, открыть «зеленую улицу», предоставить свободу действий
	personaje gris (букв. серая личность) —		un uomo grigio (букв. серый человек)	серая личность, неприметный человек
		faire brun (букв. делать коричневый)	farsi bruno (делаться коричневым)	смеркаться, темнеть
Испанский и французский: 2	Испанский и итальянский: 3	Французский и итальянский: 1		

Приложение 6.

Полные эквиваленты в двух языках:

испанский	французский	итальянский	перевод
-	mariage blanc	matrimonio bianco	фиктивный или

			неосуществленный фактически брак
-	fil de la poule blanche	figlio dell'oca (gallina) bianca	счастливчик
-	âme noire	l'anima nera	отпетый негодяй;
-	faire du marché noir	fare il mercato nero	спекулировать, заниматься незаконной торговлей
pintar una cosa con negros colores	-	dipingere con neri colori	представлять, показывать в мрачном свете
-	voir rouge	vedere (tutto) rosso	быть в ярости
-	voir tout en blanc	vedere tutto bianco	быть оптимистом
años verdes		anni verdi	годы юности
-	rire jaune	ridere giallo	криво улыбаться
-	bec jaune	becco giallo	желторотый птенец, молокосос
horas negras		ore nere	трудные времена
melancolía negra	mélancolie noire	-	черная меланхолия
día negro –	-	giornata nera –	трудный, несчастный день
-	passer la frontière verte	passare la frontiera verde	незаконно пересекать границу

mesa verde	-	tavolo verde	ломберный стол
	les poumons verts	i polmoni verdi	деревья, парки, леса
	le vert public	il verde pubblico	места для отдыха (парки, сады) в черте города
	langage (langue) vert	lingua verde	воровской жаргон
	numéro vert	numero verde	справочный номер
príncipe azul	-	principe azzurro	принц на белом коне
tiempo gris	temps gris	-	– пасмурная, скверная погода
	marché gris	mercato grigio	серый рынок с ценами, промежуточными между ценами чёрного и официального рынка
-	être bleu de peur	essere blu dalla paura	посинеть от страха
-	être vert de peur	essere verde di paura	позеленеть от страха
bandera amarilla	-	bandiera gialla	флаг карантина.
Extener la alfombra roja delante de alg.	dérouler le tapis rouge devant qn.	-	подобострастно встречать кого-л.
paloma blanca	blanche colombe	-	белая голубка
-	au diable vert	al diavolo verde	у черта на куличках
sueño dorado —	-	sogno dorato	голубая мечта

prensa rosa	-	stampa rosa	женская периодика
Испанский французский: 4	и	Французский итальянский: 17	и
		Испанский итальянский: 9	

Приложение 7.

Межъязыковые аналоги в трех языках:

испанский	французский	итальянский	перевод
estar morado (букв. быть фиолетовым) –	mettre son nez dans le bleu (букв. совать нос в голубое)	avere il naso rosso (иметь красный нос)	<i>Исп.</i> захмелеть <i>Фр.</i> напиться пьяным <i>Ит.</i> быть пьяницей
indiano de hilo negro (индеец из черной нити)	vilaine comme lard jaune (мерзкий как желтое сало)	essere più ghiotto che il can di Babbo nero (быть более жадным, чем пес черного Папы)	жадный, скаредный
quedarse en blanco (букв. остаться в белом)	sortir avec le bâton blanc à la main (букв. выйти с белой тростью в руке)	andare in bianco (букв. ходить в белом)	<i>Исп.</i> остаться с носом, при пиковом интересе <i>Фр.</i> уйти несолоно хлебавши, уйти ни с чем <i>Ит.</i> потерпеть неудачу
estar al rojo vivo (букв. находиться в ярко-красном) – распалиться	avoir la crête rouge (иметь красный гребешок)	avere il sangue rosso (иметь красную кровь)	<i>Исп.</i> распалиться <i>Фр., ит.</i> быть очень вспыльчивым

no tener blanca (букв. не иметь белой) –	n'avoir pas un (rouge) liard (букв. не иметь (красного) лиарда)	essere al verde (букв. быть в зеленом)	сидеть без денег
estar negro (букв. находиться черным) –	enragé noir (букв. взбесившийся черный)	essere nero con qd. (букв. быть черным с кем-то) –	исп. разозлиться фр. красный от злости ит. сердиться на кого-либо
entrar en números rojos (входить в красные числа)	(avoir) un compte en rouge (иметь счет в красном)	andare in rosso (букв. ходить в красном)	
melancolía negra (букв. черная меланхолия)	chagrin noir (букв. черная печаль)	pensieri neri (букв. черные мысли)	исп. черная меланхолия фр. глубокая печаль ит. мрачные измышления
leyenda negra (букв. черная легенда) –	rendre noir (букв. оставить черным) —	calunnia nera (букв. черная клевета) –	исп. изображение в черном цвете, очернительство фр. очернить ит. грязная клевета

Всего: 8			

Межъязыковые аналоги в двух языках:

-	en faire voir de bleues à qn (букв. показать кому-то глубых)	far vedere i sorci verdi (букв. показать зеленых мышей)	проучить кого-либо; показать, где раки зимуют
-	chauffer qn à blanc (букв. нагреть кого-то до белого)	fare qn. casare verde (букв. заставить испажняться зеленым)	раздражать, доводить кого-либо, выводить кого-либо из себя
	verser les larmes rouges (букв. лить красные слезы)	fare / avere gli occhi rossi (букв. делать/иметь красные глаза)	Фр. плакать от досады; Ит. плакать
más raro que un perro verde (букв. более странный, чем зеленая собака)		raro come un cane giallo (I cani gialli) (букв. странный как желтая собака)	редкость

	rouge comme un chérubin (букв. красный как херувим)	avere molti globuli rossi (букв. иметь много эритроцитов)	Фр. с полным, румяным и свежим лицом Ит. быть крепким, сильным
	série noire, roman noir (букв. черная серия, черный роман)	romanzo giallo (букв. желтый роман)	Фр. роман ужасов; детективный роман Ит. полицейский роман, детектив
	film noir (букв. черный фильм)	film giallo (букв. желтый фильм)—	Фр. фильм ужасов; детективный фильм Ит. детективный фильм
dormir a cortinas verdes (букв. спать за зелеными занавесками)	coucher dans le lit aux draps verts (букв. спать на кровати с зелеными простынями)		спать на свежем воздухе (под открытым небом)
chiste verde (букв. зеленая шутка) –	en dire (en raconter) de(s) vertes et de(s) pas mûres (букв. говорить (рассказывать) зеленые и незрелые) –	-	исп. непристойная шутка, пошлый анекдот фр. говорить, рассказать скабрёзности,
	carte rose (букв. розовая карта) –	foglio rosa (букв. розовый лист) -	фр. водительские права ит. временное удостоверение на право вождения автомобиля.

-	avoir du fromage (blanc / mou) dans la tête (букв. иметь белый/мягкий сыр в голове)	avere il verde nella testa (букв. иметь зеленое в голове)	быть легкомысленным
buscar un borrego negro entre cien blancos (букв. искать черного барашка среди сотни белых)	chercher vache noire en bois brûlé (букв. искать черную корову в сгоревшем лесу)		искать иголку в стоге сена
	avoir la trouille verte (букв. иметь зеленый страх)	prendersi una fifa blu (букв. подхватить синий страх)	смертельно испугаться
	être écrit sur le livre rouge (букв. быть вписанным в красную книгу)	esser segnato nel libro negro di (букв. быть отмеченным в черной книге кого-то)	Фр. попасть в черные списки, оставить о себе плохую память Ит. попасть кому-то в немилость
	paix blanche (букв. белый мир) –	incontro in bianco (букв. встреча в белом) –	Фр. безрезультатный мир (без победителей и побежденных) ит. ничья

tocarle a uno la negra (букв. касаться кого-то черная) –	guigne noire (букв. чёрная черешня)		<u>исп.</u> попасть в полосу неудач <u>фр.</u> сплошное невезение
	nuages noirs à l'horizon (букв. черные облака на горизонте) –	allarme rosso (букв. красная тревога) –	<u>Фр.</u> нависшая опасность, угроза <u>Ит.</u> большая, серьезная опасность
demonio amarillo (букв. желтый демон) –	billet vert (букв. зеленый билет) –		<u>Исп.</u> деньги, желтый дьявол <u>Фр.</u> разг. доллар
Испанский и французский: 5	Французский и итальянский: 12	Испанский и итальянский: 3	

Приложение 8.

Межъязыковые омонимы:

В трех языках: 3			
испанский	французский	итальянский	перевод
semana blanca –	blanche semaine –	settimana bianca –	<u>Исп.</u> период зимних каникул в колледжах и институтах <u>Фр.</u>) период сильных

			<p>холодов, когда человек, сидя у очага, может посвятить время какому-либо креативному занятию.</p> <p>2) зимний период, когда студенту предоставляется возможность интенсивной работы над каким-либо проектом при отсутствии аудиторных занятий.</p> <p>3) нерабочий период в государственных административных учреждениях</p> <p><i>Ит.</i> период зимних отпусков в сфере туристического бизнеса</p>
punto negro –	point noir –	punto nero —	<p><i>Исп.</i> неприятное, омрачающее обстоятельство; ложка дегтя</p> <p><i>Фр.</i> опасное место (на дороге), трудность</p> <p><i>Ит.</i> тёмное / позорное пятно</p>
horas negras	heure noire	ore nere	<p>Исп., ит. - <i>тяжелый период</i></p> <p><i>Фр.</i> глухая ночь, поздний час</p>

В двух языках			
	fruit vert	frutta verde	Фр. совсем молоденькая девушка Ит. не(до)зрелые плоды
elefante blanco	éléphant blanc		Исп. дорогостоящая бесполезная вещь Фр. заморское чудо, невидаль
libro verde		libro verde	Исп. семейная, частная хроника Ит. собрание дипломатических документов Италии.
	voix blanche	voce bianca	Фр. 1) глухой, беззвучный голос (от волнения, страха, гнева и т.п.) 2) бесстрастный, монотонный голос. Ит. невозмутимый, бесстрастный тон; ребенок, поющий в хоре.

	être au vert	essere al verde	Фр. жить на лоне природы, жить в деревне Ит. быть на мели
poner negro a uno	rendre noir	-	Исп. избить до полусмерти, обижать, унижать Фр. очернить, оклеветать
	être en noir	essere in nero	Фр. быть в трауре Ит. иметь положительный счет в банке
	travail noir	lavoro nero	Фр. халтура, работа налево Ит. неофициальное трудоустройство
	être noir	essere nero	Фр. быть пьяным Ит. быть мрачным, хмурым.
	temps vert	tempo verde	Фр. сырая погода Ит. весна
Испанский и французский: 2	Французский и итальянский: 7	Испанский и итальянский: 1	

Приложение 9.

Межъязыковые паронимы:

Испанский	французский	итальянский	Перевод
	être dans le rouge	essere in rosso	<u>Фр.</u> быть в затруднительном положении <u>Ит.</u> превысить остаток на счете в банке
de punta en blanco		di punto in bianco	<u>Исп.</u> в полном параде, нарядный, разодетый в пух и прах <u>Ит.</u> вдруг, внезапно
pillar de (en) (un) marrón a alguien	faire marron	fare / pigliare un marrone	<u>Исп.</u> застать, застукать за чем-либо <u>Фр.</u> поймать с поличным, схватить, арестовать <u>Ит.</u> попасть впросак, обмануться

quemar con leña verde (букв. жечь с зелеными дровами) –		caricarsi di legna verde (букв. нагрузиться зелеными дровами)	<u>исп.</u> мучить, истязать, изводить, жечь на медленном огне кого- либо <u>ит.</u> взвалить на себя непосильное бремя
Испанский и французский: 1	Французский и итальянский: 2	Испанский и итальянский: 3	